

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№8 2018

ISSN 0130-8173

№8 2018

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 27.08.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ
по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых
материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

К 70-летию народного писателя РС(Я)
Николая Лугинова

Анатолий БУРЦЕВ

«Счастье – это открыто
и смело смотреть
людям в глаза...»

4

Эссе

Владимир ТОМСКИЙ

Звёздное
небо

22

Поэты России

Лариса ЖЕЛЕНИС

«Пусть не смолкает
музыка во мне...»

32

Слово об отце

Альфред КУЛАЧИКОВ

«Как было далеко до мая...»

38

Документальная проза

Светлана ФЁДОРОВА

Дети СССР

(Отрывок из повести)

42

Приглашение к разговору

Наталья ХАРЛАМПЬЕВА

Литературный фаст-фуд,
или Воспитание
вкуса читателя

64

Поэзия

Саргылаана САНДААР

«И хлынули чувства
с силой

из вскрытых вен души...»

66

Проза

Иван ИННОКЕНТЬЕВ

Сайагас

Из цикла «Военные рассказы»

70

Проза

Василий ТРОФИМОВ

Слитки золота

Рассказ

74

Память

Варвара КОРЯКИНА

За тенью пожелтевших
фотографий

82

Впервые в «Полярной звезде»

Татьяна ФИЛИППОВА

Охота

Рассказ

88

Анатолий БУРЦЕВ,
доктор филологических наук,
профессор

«Счастье – это открыто и смело смотреть людям в глаза...»

*Истинный мудрец находит и доносит до людей,
изрекает высшие истины, которые выработаны
им на опыте многих веков и многих народов...*

Н. Лугинов

Творчество народного писателя Республики Саха (Якутия) Н. Лугинова отличает тесная связь с национальными корнями и в то же время ощущение причастности к общечеловеческой культуре, открытость для «великой идеи единения и братства». В его произведениях на конкретном национально-временном материале исследуются коренные начала мира, вечные экзистенциальные проблемы жизни и смерти, любви и долга, дружбы и совести, верности и чести.

Николай Алексеевич Лугинов родился в 1948 г. в с. Тыайа Кобяйского района Якутской АССР, окончил физико-математический факультет ЯГУ (1972) и Высшие литературные курсы при Лите-

ратурном институте имени М. Горького (1983). Избирался заместителем председателя СП Якутии и секретарем СП России.

Он относится к тем художникам слова, которые открыто выражают свою позицию по многим принципиальным вопросам истории и современности, поэтому его суждения о культуре, языке, литературном творчестве позволяют очертить контуры философии и эстетики писателя.

Н. Лугинов считает своим долгом в современную переломную эпоху «искать ростки здорового, чистого, светлого». О необходимости «интеллектуального обогащения» посредством «возвращения к истокам», к «духовным общечеловеческим ценностям» с большой убежденностью и озабоченностью за судьбу

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

Народный писатель РС(Я) Н.А.Лугинов.

нации и своего современника он говорил в одном из интервью еще в 1990 г. [1].

Более пространно свои мысли о духовности, об «истоках» современного искусства народов Якутии Н. Лугинов высказал в интервью О. Сидорову [2]. «Основу основ» якутской культуры он видит в олонхо, которое представляет собой традицию, соединяющую до сих пор с «глубинной памятью народа». Именно к олонхо, как он признается, восходит его «видение мира». Писатель вспоминает, что на его малой родине, в Кобяйском улусе, в свое время было много олонхосутов, и однажды в детстве он стал свидетелем конкурса среди народных певцов. Его поразила сама атмосфера этого увлекательнейшего действия, весь диапазон переживаний, который выражали исполнители эпических песен. Благодаря истинным ценителям народной поэзии у народа саха сложилась целая культура олонхо. Существовала традиция своеобразных состязаний-турниров сказителей-олонхосутов, имена лучших из них становились

известными далеко за пределами родного улуса. Певцы-импровизаторы были окружены всеобщим почитанием, они становились желанными гостями в домах якутской знати и при большом стечении народа исполняли олонхо. Они выступали во время ысыахов, на свадьбах, осенней неводьбе, в долгие зимние вечера.

Олонхо в понимании Н. Лугинова – это симбиоз различных сфер духовной деятельности – литературы, музыки, театра, философии. Во многом благодаря традиции олонхо современное якутское искусство – театр, музыка, изобразительное искусство – достигло впечатляющих успехов.

Что касается словесного искусства, то Н. Лугинов принципиально не согласен с точкой зрения, что «якутская литература насчитывает всего лишь сто с лишним лет своего существования». По его мнению, народ саха мог иметь древнейшую письменность, и косвенным свидетельством развитости образно-художественного мышления якутов служит не только олонхо, но и богатейшее устное народное творчество. А общий первоисточник словесности тюркских народов – орхонские рунические тексты, датируемые 7 веком, – оказался вполне понятным на современном якутском языке.

Внимательный читатель может обнаружить концептуальные идеи писателя и в его художественных произведениях. Особенно часто они встречаются в последних произведениях Н. Лугинова – романе «По велению Чингисхана» и «Хуннских повестях». В них отразился его интерес не только к истории тюркских народов, в том числе к проблеме генезиса народа саха, но и к древней восточной философии.

В частности, в философской проблематике произведений якутского писателя нашли отражение основные принципы даосизма, крупнейшим адептом которого был Лао-Цзы. Его образ проходит через все три «Хуннские повести». В свою очередь центральным в даосизме является понятие пути – дао. Все в мире – природа, космос, человек – находится в пути, в спонтанном, непредопределенном движении и изменении. Эту проникнутую

Фестиваль национальных литератур народов России. Москва, 2017 г.

стихийной диалектикой мысль выражает один из героев второй повести «Служба»: «Мир одновременно и очень прост, и чрезвычайно сложен, и истинному мудрецу надо видеть его в двух этих противоположностях» [3]. Эта идея многократно варьируется в «Хуннских повестях»:

- «в счастье всегда таится несчастье, а в несчастье сокрыта возможность счастья...» (с.216);
- «видимый мир – самая, может, нижняя и малая часть гигантской иерархии миров...» (с.224);
- «видимый и слышимый мир – лишь малая толика действительности» (с. 234);
- «... много чего мы не видим, не слышим и не чувствуем» (с. 234).

В повестях Н. Лугинова получает подтверждение и другая восходящая к древней восточной философии идея – «среднего,

или «правильного», пути. Она вложена в уста генерала Инь Си, получившего благословление самого Лао-Цзы: «Умный человек всегда должен держаться золотой середины» (с. 234). Он же советует своему ученику: «А тебе пора перейти от одностороннего, одномерного, плоского видения мира к сложному, многомерному восприятию. Ибо даже этот кажущийся некоторым людям простым и ясным мир чрезвычайно сложен, его надо видеть в глубину. А ведь существуют еще и другие миры, иные пределы, недоступные для обычного человеческого восприятия! Много чего мы не видим, не слышим и не чувствуем...» (с. 233–234). В устах самого Лао-Цзы эта же мысль прозвучала несколько по-другому: «Крайности никогда не совпадают с истиной, они лишь очерчивают ее с разных сторон» (с. 153).

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

Аналогичные мысли встречаются и в романе «По велению Чингисхана», в котором сам главный герой сначала думает: «...чрезмерное чревато порождением уродливого», а потом рассуждает следующим образом: «Не надо отклоняться ни в одну из сторон, истинный путь лежит посередине». Ему вторит Джэлмэ: «Правда – она посередине». Эти идеи Н. Лугинова перекликаются с известными суждениями А. Кулаковского о «среднем», то есть «правильном», пути [4].

Еще один мотив – кармы, судьбы, «земных перевоплощений» находит отражение в творчестве якутского писателя. «Мы не раз еще уйдем и придем опять в этот... мир», – говорит Лао-Цзы в первой «хуннской» повести «Застава Саньгуань», вспоминая начало своего «великого пути» (с. 11–12). С кармой связан экзистенциальный мотив смерти, который красной нитью проходит через все творчество Н. Лугинова. Еще в раннем рассказе «Айгылла» тяжело раненный герой «знал, что теперь его черед», так как он «особенно остро почувствовал близость той Большой Ночи, которая на него неумолимо надвигалась», а себя ощутил «малой льдинкой, которая плыла и таяла» и «начал спокойно и тщательно собираться» [5].

В повести «Таас Тумус» смерть трактуется не просто как испытание, но как критерий оценки человека. Капитан Одон Догдоев воспринимает смерть не без доли фатализма. «Дело не в том, что жалко уходить из жизни, нет, раз пришло время, так чего уж тут... Это естественно. Уходя из жизни надо развязать тугой узел», – думает он. Уходя в «свое вечное плавание», он прощается с «матушкой-Леной» и еще раз выражает свою принципиальную точку зрения на эту экзистенциальную проблему: «Человек приходит на эту землю с открытой всему миру чистой, незапятнанной совестью. И с такой же чистой совестью должен он встретить свой конец независимо от того, какую жизнь он прожил» [6].

Но окончательный вердикт выносит во второй «хуннской» повести «Служба» Лао-Цзы. Обретя в лице Инь Си «продолжателя, истинного ученика», благословив его на «бессрочное

служение» и завершив таким образом «свои земные дела», он говорит: «Уходить всегда надо вовремя – может, для того, чтобы затем основательно и надолго вернуться... Старая трава должна высохнуть и сгнить, чтобы возшла новая, и мир живет этим обновлением» (с. 163).

Философская проблематика произведений Н. Лугинова не ограничивается обращением только к восточной традиции. В тех же «Хуннских повестях» можно обнаружить некоторые черты классической западной философии. По крайней мере исходная расстановка героев в «Заставе Саньгуань» (ставший впоследствии Вечным Стражником генерал Дин Хун – его оппонент матерый контрабандист Чжан Чжень – «сеятель сомнений» Ли Эр, будущий Лао-Цзы) вполне соответствует знаменитой гегелевской триаде «тезис – антитезис – синтез». Кроме того, ситуация сама по себе весьма близка к коллизии «Пролога в театре» в трагедии И.В. Гете «Фауст», где действуют директор, поэт и комический актер. Да и приоритет самой идеи диалогизма, сформулированной Лао-Цзы («от общения рождается мысль, за ней следует слово, а затем и действие», с. 149), не принадлежит только восточной или западной философии, скорее она носит универсальный характер. То же касается и проблемы преемственности поколений, идейной эстафетности, которую автор «Хуннских повестей» последовательно воплотил в образах Дин Хуна, Инь Си и Дин Лю и на этот раз выразил устами Старого Пограничника: «Истинный мудрец находит и доносит до людей, изрекает высшие истины, которые выработаны им на опыте многих веков и многих народов...» (с. 170–171).

В романе «По велению Чингисхана», а также в драмах «Алампа, Алампа...» и «Прощай» ставится проблема роли личности в истории. Н. Лугинов не просто признает и подчеркивает значение вождя для судеб рода и племени, но и обращает внимание на его личностные качества, а также учитывает результаты его деяний. Особенно наглядно это проявляется в образах Чингисхана и Джамухи. Оба они изображены как сильные, незаурядные личности. Но если Тэмучин выступает как «философ, учитель» [7],

С Президентами РС(Я) М.Е.Николаевым и Е.А.Борисовым на своём юбилейном вечере.

озабоченный прежде всего служением великому Илу, созданному им государству, и ощущающий ответственность за судьбы своих подданных, то Джамуха склонен к авантюре и волюнтаризму, привык опираться только на себя, и это в конце концов приводит его к краху. Напротив, Чингисхан демонстрирует дальновидность и уважительное отношение не только к своим соратникам, но даже противникам, чтобы склонить их на свою сторону. В результате именно ему удается объединить многочисленные племена и народы в единую империю.

С вопросом о роли личности в истории тесно связана философская проблема свободы и необходимости. И снова материалом служит история сложных взаимоотношений и противоположных взглядов главных героев-антиподов. Чингисхан считает, что глава рода или племени, тем более хан, индивидуально не может быть свободным, так как на нем лежит ответственность за судьбы людей, за родную землю: «... хан зависим: он стрела, а тетива – воля людская, желания единоплеменников.

И хорошо, если наконечник этой стрелы остр и крепок. Если нет – беда...» В то же время, по его мнению, возможна достигнутая упорным трудом своего рода «коллективная свобода» людей, объединенных общей идеей. Джамуха же считает, что это «свобода рабов», что истинная свобода у каждого человека своя, индивидуальная.

В контексте современности воспринимается созданный Н. Лугиновым в «Хуннских повестях» колоритный образ толпы как «некой бесцельной стихии без берегов», как «род безумия» (с.124). Во время бунта «вершилось нечто дикое, ничем не объяснимое», «люди в одночасье становились разъяренными, лишеными разума хищниками», «совершали жуткие поступки» (с. 202–203). Отголоски размышлений писателя о современных реалиях ощущаются в послесловии ко второй части романа «По велению Чингисхана», которая названа автором «книгой о возрождении и становлении», возникшей в «период очередного распада». А в третьей «хуннской» повести «Слу-

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

жение» Н.Лугинов прямо пишет: «Пока надо спасти то, без чего жизнь теряет всякий смысл: честь и славу,.. долг и присягу, Родину, наконец...». Это его «главные ценности» (с. 238).

Н. Лугинов начал печататься с середины 1970-ых гг. Героями его ранних произведений выступали студенты – в повести «На Сергеляхе» (1978), строители северных городов – в повести «Этажи» (1979), спортсмены – в повести «Арена» (1981), сельские труженики – в повестях «Роса с листьев» (1986), «Высокие острова» (1988).

Программным произведением писателя явилась повесть «Роцца Нуоралджима» (в русском переводе – «Песня белых журавлей», 1979), построенная как лирическая исповедь маленького Нюргуна, всем сердцем ощущающего связь с землей и причастность к событиям времени.

Автор мастерски раскрыл психологию ребенка. Он мнит себя богатырем из олонхо, скачущим на крылатом коне, мечтает оживить погибших на фронте героев и утешить одиноких вдов. Его взгляд на мир гармоничен: полны высокой поэзии в восприятии мальчика картины природы, описания первой охоты, сенокоса, народного праздника ысыах. Рядом с образом Нюргуна возникает величественная фигура его бабушки, олицетворяющей нравственную силу и доброту народного характера, постигшей мудрость земного существования. Она проводила на войну семерых сыновей, а живыми вернулись только двое. Перед уходом на фронт братья поставили на опушке рощи Нуоралджима расписную сэргэ-коновязь в знак того, что после войны построят здесь свои дома.

Жизнь народа с ее прошлым и будущим воплотилась в судьбе этой старой женщины-якутки. Ее любимая Нуоралджима не дождалась своих хозяев, и тогда она перед смертью благословляет новую жизнь, молодых влюбленных, которые собираются построить дом у березовой рощи, рядом со священной сэргэ. Как наказ молодому поколению звучат ее

слова, обращенные к внуку: «Одно тебе скажу... Не забывай свою родину. Где бы ты ни оказался, кем бы ни стал – помни об этой роще, обо мне. А еще – о белых журавлях. Как поют они на нашей славной земле!..» [8].

Война исковеркала жизнь и других героев повести: потерявшего ногу на фронте Василия, ровесника одного из погибших сыновей бабушки юного героя, Майи, оставшейся одинокой ее несостоявшейся невестки. Но в финале, как, впрочем, и во всем произведении, определяющим становится светлый, лирический пафос. У Нюргуна родился брат, и его бабушка уходит из жизни умиротворенная и просветленная.

Таким образом, художественный анализ диалектики прекрасного и трагического в судьбе человека приводит автора к мысли о вечности «нити жизни», о преемственности поколений, о непреходящем значении нравственных ценностей, мерой которых является отношение к людям, к природе, чувство справедливости и долга.

Еще одно произведение – повесть «Таас Тумус» (1984) – занимает принципиально важное место в творчестве Н. Лугинова. Как и в «Роцце Нуоралджима», в ней воссоздана послевоенная действительность. Но теперь пространственно-временные рамки произведения значительно расширились. Индивидуальное бытие героев соотнесено и с историей, и с современностью. В образах эвена Тойбола и юкагира Одона Догдоева отразились исторические судьбы народов Севера, знакомые нам в литературе по творчеству Ю. Рытхэу, С. Курилова, Н. Шундика.

Событием, рождающим чувство связи времен, создающим эпическое состояние, служит Великая Отечественная война. Отзвуки войны так или иначе ощущаются почти во всех произведениях Н. Лугинова. Великое эпическое событие века незримо присутствует и в повести «Таас Тумус», продолжая оказывать воздействие на тех, кто остался в живых (Михей Максимов, Саша Чижов), вызывая память о тех, кто не вернулся домой (братья Тойбола, его друг Айгылла, знакомый нам по одноименному

рассказу). Повести и рассказы Н. Лугинова, как и творчество целого ряда современных писателей, являются свидетельством того, что тема Великой Отечественной войны из конкретно-исторической превратилась в историко-нравственную, служащую одновременно источником национального опыта и памяти, а также мерилom общественных и человеческих ценностей.

Для уяснения концепции произведения имеет значение сам масштаб изображения мира и восприятия человека. В повести «Таас Тумус» жизнь простых людей – охотников, шахтеров, матросов – выросших на берегах великой сибирской реки, воспринимается как необычайно значительная и проникнутая глубоким смыслом. Не случайно о Тойболе, прожившем «незаметно, тихо», после его смерти один из героев не без зависти говорит: «Он вроде бы знал что-то большее, нежели другие, и прожил жизнь свою с этим знанием» [9]. Труд, земля, любовь, добро, память – все приобретает конкретный, человеческий характер. Перед нами тот тип воплощения гуманистического начала, когда речь идет не об оценке целого социального уклада или определенного класса, а о ценности отдельной человеческой личности, ощущающей свою причастность к судьбам мира. Причем подобный угол зрения имеет не только идейное, но и эстетическое значение, так как человек становится не просто главным объектом изображения, а именно центром, средоточием и одновременно ракурсом, в котором рассматривается вся картина действительности. В этом отношении для автора «Рощи Нуоралджима» и «Таас Тумуса» не остались бесследными идейно-художественные искания В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и других русских писателей.

Повесть «Таас Тумус» носит новаторский характер прежде всего в жанровом отношении: она состоит из отдельных новелл, объединенных единой проблемой смысла жизни, назначения человека. Все пять частей-гнезд снабжены открытой, разомкнутой композицией. Жизнь героев раскрывается не последовательно, круг

за кругом, слой за слоем, то есть «центробежно», а, напротив, «центростремительно», сосредоточиваясь вокруг одного переломного эпизода. К этому решающему моменту посредством ретроспекций и свидетельств других персонажей «подтягивается» вся остальная биография героя.

Автор предлагает разные варианты «активизации» своих героев. Тойбол на старости лет обосновался у подножия Таас Тумуса, где покоился прах его жены Даайыс. Уже десять лет, «и зимой, и летом», он живет здесь, в этом ограниченном, но интеллектуально насыщенном пространстве наедине со своими думами и воспоминаниями. Два младших брата Тойбола, как и он сам, охотники, «оба статные, высокие», хотя из северных улусов тогда в армию не призывали, добровольцами ушли на фронт, и через год одно за другим были получены извещения об их гибели. Тойбол не нашел в себе сил сообщить эту трагическую весть родителям. Вскоре они умерли, так и не узнав, что их сыновья погибли. Уже после войны ему сообщили о смерти в госпитале его тяжело раненного друга Айгыллы. Трагически сложилась и личная жизнь Тойбола. С Даайыс они прожили всего четыре года. Потом пропала их трехлетняя дочь, которая утонула в реке. Когда Тойбол был на охоте, его беременная жена погибла в результате несчастного случая, а новорожденную младшую дочь спасли добрые люди с проплывавшего мимо Таас Тумуса парохода. Так он остался совершенно один.

Михей Максимов, человек, опаленный войной, но сохранивший «открытую, даже нежную душу», нашел свое жизненное призвание. Он стал одним из лучших лоцманов на Лене, ему поручали самые трудные и ответственные рейсы. Но его личная судьба тоже не сложилась, со многими людьми он оказался в «сложных отношениях, которые порой завязывались в тугие узлы». Так, он спас от смерти пытавшуюся покончить с собой отчаявшуюся Аксю, у которой погиб муж-шахтер. Через несколько лет уже она вернула его к жизни и «просто по-женски пожалела

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

В рабочем кабинете.

бедолагу». У них родилась дочь, которая потом не признает в нем отца. Поэтому он не может теперь принять предложение Аксю «бросить у них якорь». Вдобавок Михей когда-то спас младшую дочь Тойбола и уговорил бездетного Одона Догдоева взять ее на воспитание, то есть он невольно разлучил отца и дочь. Хотя герой руководствуется принципом «живой должен жить наперекор всему», тем не менее он остро ощущает свое одиночество и неустроенность.

Одон Догдоев рано остался сиротой, но по воле счастливого случая и благодаря помощи старого капитана Богатырева прошел целую школу, сам стал капитаном. Он считает, что счастливо прожил жизнь: водил большие корабли по такой великой реке, как Лена, плывал по Ледовитому океану. Женился на любимой девушке, правда, ее любил и его погибший на войне друг, поэтому Одона долго преследовало чувство вины. У них не было собственных детей,

пока матушка-Лена не подарила ему дочку. Узнав, что Сардаана была дочерью Тойбола и Даайыс, он никак не может сказать ей правду и несет на своих плечах нравственный груз, связанный с тайной его отцовства. Дополнительную остроту его ситуации, когда он оказывается перед необходимостью «все окончательно обдумать, доделать недоделанное, решить нерешенное», придает мотив смертельной болезни. Тогда он просит своего друга Михея Максимова выполнить уже после его смерти эту тяжелую миссию, но тот не находит возможным согласиться. Тайна открывается Сардаане Одоновне Догдоевой из прощального письма отца. В «Послесловии» к повести автор сообщает, что она вместе с мужем, тоже капитаном, и сыном приехала в Таас Тумус и отдала дань памяти своим настоящим родителям.

Таким образом, каждый из героев повести проходит через своего рода «гамлетовскую

На презентации книги «Пути небесные, пути земные». 2007 г.

ситуацию» – сложнейшее жизненное испытание и нравственный выбор. Подобному решению идейно-композиционных задач соответствует определенная манера повествования, внутренняя установка на исповедь. Автор сталкивает прошлое и настоящее в мыслях очередного персонажа, то и дело передавая ему слово. Внутренние монологи героев повести служат основным средством раскрытия их характеров. Сам по себе прием «потока сознания» был использован Н. Лугиновым в раннем рассказе «Айгылла». Уже тогда речь шла не о традиционной описательно-детализированной «исповеди» героя, а об эффективном средстве анализа существенных моментов в развитии его сознания. В повести «Таас Тумус» писатель сделал еще один шаг вперед в овладении техникой «потока сознания». Внутренняя речь становится средством индивидуализации характера. В первую очередь это относится к образу старого Тойбола, человека с философским складом ума. Его восприятие мира

не лишено фаталистического начала, но в то же время проникнуто живыми, пантеистическими чертами.

Тем не менее и внешне суровый Тойбол, так много испытавший, узнавший истинную цену человечности и привязанности к родной земле, и чудаковатый лоцман Михей Максимов, вся жизнь которого связана с рекой, – это национальные характеры. В меньшей степени это относится к старому капитану Одону Догдоеву, коллизия и переживания которого носят скорее общечеловеческий характер. И совершенно закономерно, что определение счастья, сформулированное автором от его имени, тоже приобретает универсальный пафос: «Счастье – это открыто и смело смотреть людям в глаза, жить, не зная страха и настороженности, чувствовать себя сильным и не сгибаться ни перед людьми, ни перед темными силами природы. Верить в себя – тоже счастье» [10].

В художественной системе произведений Н. Лугинова – в рассказах «Кустук», «Ворон,

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

повестях «Таас Тумус», «Улыбка старика» – особая роль принадлежит природе, ее вечной красоте, многообразию и неповторимости. Просторы великой реки, даль тундры, ширь тайги рождают чувство причастности к огромному миру. Восприятие природы героями якутского писателя носит глубоко личный характер. Образ «матушки-Лены» придает повествованию лиризм и эпическую широту. К ней, к ее живительным водам припадают солдаты-якуты, прощаясь с родной землей. К ней обращается в последний миг расстающийся с жизнью Айгылла. Ее благодарит за «счастливую жизнь» и просит прощения за то, что «мутил ее чистые воды», Одон Догдоев, уходя в свое «вечное плавание».

Философия природы Н.Лугинова проникнута идеей пантеизма. Уже в его ранних произведениях признается наличие в природе живого, одушевленного начала. В повести «Роцца Нуоралджима» маленькому Нюргуну, увидевшему оголенные стволы лиственниц, по которым «как слезы по человеческому лицу, текли капли прозрачной смолы», становится жалко деревья, и он спрашивает бабушку: «Кто это и зачем так сделал? Зачем ему понадобилось убивать живое дерево?», та отвечает ему: «Правильно говоришь, барахсан... Все кругом живое, и каждое дерево тоже...». В другом раннем рассказе умирающий герой думает про себя: «Тайга шумит на разные голоса, тайга ведь живая...» («Айгылла»). А герой повести «Сэргэ» Илья, олонхосут и мастер, которому на роду было написано, чтобы он мог «разговаривать» с деревьями, говорит о выбранном для сэргэ дереве: «А прямое какое, даже рубить жалко... Оно только для несведущих немое. На самом деле оно же живое. Только надо уметь выбрать и вдохнуть душу».

Подобно А. Кулаковскому, Н. Лугинов склонен считать недостаточным и односторонним сугубо антропоцентрический подход к окружающему миру. В его понимание гуманизма входит преклонение перед всем живым, не только флорой, но и фауной. В этом отношении самостоятельный интерес представляют анималистские произведения писателя.

С Героем Социалистического Труда писателем Юрием Бондаревым.

Созданный в них бестиарий служит в равной степени отражением как авторских раздумий о проблеме «человек и природа», так и проекцией анималистической образности на человеческие взаимоотношения.

В «Балладе о Черном Вороне» констатируется идея вечного круговорота в природе как некоего Закона Жизни, когда Бык Зимы в определенный момент начинает изнемогать и отступать на север под натиском Белого Солнца, когда «зеленеет, одевается тайга, звенят птицы, трубный зов оленей звучит везде». Но недолго все цело и плодоносило, опять «ударил ночные заморозки, запылала прощальными огненными красками тайга..., и безжалостный северный ветер срывал последнюю листву». «Опять приходит, морозным дыханием своим охватывает все и сковывает» очередной Бык Зимы. Этот незыблемый Закон Жизни нельзя нарушать, иначе неминуемо возмездие, которое постигло Старого Друга и Орлоподобного, сына Черного Ворона. Они слишком много возомнили о себе, нарушили гармонию «золотой середины».

Соблюдение Закона Жизни зависит от человека – «иччи», но проблема в том, что он

Сцена из спектакля Саха театра по «Хуннским повестям» Н. Лугинова.

«многолик» и противоречив: «Все можно найти в его душе. И глубокие, темнее ночи ущелья, и бесстрастные, вечно сияющие небесно-голубыми снегами горные вершины. В человеке живет и гордый, не снисходящий к подачкам орел, и коварная, безжалостная даже к детям своим крыса. Никто не может быть так мудр и великодушен, как человек, и так подл и жесток, так равнодушен к Закону» [11]. Закон Жизни применительно к миру людей сформулировал охотник Айгылла: «Испокон веков, из поколения в поколение передавался неписанный закон тайги – доброе отношение человека к человеку и природе» [12].

В рассказе «Кустук» использован классический художественный прием: наблюдения автора пропущены сквозь призму восприятия умного животного, со своей позиции оценивающего «жесткие нравы» людей. В мировой литературе известны аналогичные примеры: в античности – роман Апулея «Золотой осел»,

в эпоху Возрождения – новелла Сервантеса «Разговор двух собак», в 19-ом веке – роман Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра», рассказ Чехова «Каштанка», повести Л. Толстого «Холстомер» и Д. Лондона «Белый клык». Но если Апулей и Сервантес прибежали к фантастике, «очеловечивая» своих анималистических персонажей и позволяя им давать выход своему негодованию на человеческие мерзости, а Гофман опирался на сатирические традиции средневековой литературы, то Н. Лугинов идет по третьему и наиболее трудному пути – по пути Л. Толстого и Д. Лондона. Глубоко проникая в психологию животного, якутский писатель показывает его реакцию на добро и зло. Человек может на некоторое время обмануть себе подобного своим лицемерным поведением. Но животное обмануть сложнее, так как человек в отношениях с «меньшими братьями» не считает нужным скрывать или сдерживать свои чувства, поскольку нет надобности фальшивить

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

и лицемерить перед бессловесным существом.

В рассказе косвенно нашла отражение тема трудной жизни на Севере. Охонон, хозяин Кустука, был охотником, и он очень дорожил и гордился своей верной собакой. Им сопутствовала удача, но потом жизнь не заладилась: разъехались дети, заболела и умерла жена Охонона, сам он «сильно загрустил», «от него все чаще стало разить вонючим зельем, от которого лишался разума», «пустынным и мрачным стал его дом». Кустука он проиграл в карты другому охотнику, у которого охотничий пес превратился в ездовую собаку и очень тосковал по вольной таежной жизни и по своему «иччи», не подзревая, что тот его предал. Он все же обрел свободу, героически проделал почти весь путь домой, вышел победителем из смертельной схватки с волком, но от полученных ран, голода и холода погиб.

Н. Лугинов зарекомендовал себя как замечательный художник-пейзажист. И в «Песне белых журавлей», и в рассказах о животных, и в других произведениях писатель создает неповторимые картины северной природы – «белого безмолвия» тундры, могучей реки, бескрайней тайги, величественных гор. При этом природа у него живет не сама по себе, а воспринимается, как у Чехова, через человека, через его ощущение. Например, в повести «Песня белых журавлей» красота родной природы передается через восприятие маленького Нюргуна: «Я смотрю, куда показывает отец. Над темной, почти черной полосой леса горит вполнеба вечерняя заря. Вглядываюсь в закатное небо над лесом и начинаю различать на розовом фоне небольшие, как бы остановившиеся облачка; вижу, как они, насквозь просвеченные ушедшим за горизонт солнцем, каждую минуту, а может, и секунду меняют свой цвет. Одни вспыхивают ярким розовым пламенем, другие постепенно гаснут, а некоторые и вовсе тают на глазах. И уже трудно оторвать взгляд от этой световой игры, от переливов, переходов одного цвета в другой. Оказывается, красоту надо еще уметь видеть!..» [13].

Жизнь отдельного человека, подобно

речному потоку, вливается в людской океан. Идея единства человека и природы органически входит в общую жизнеутверждающую концепцию. Вместе с тем в творчестве Н. Лугинова отчетливо проступает и тревожная нота: утрата связи с землей, разрыв с природой не могут не обернуться угрозой человечности.

Дилемма «природа – цивилизация», доставшаяся в наследство от прошлых веков, крупным планом возникает в повести «Улыбка старика» (1986), коллизия которой восходит к рассказу «Зов далеких пастбищ». Оба произведения объединяет образ старика Сылкана, который должен сделать мучительный выбор: или переехать к сыну в поселок и коротать остаток жизни в теплой кочегарке, или по-прежнему пасти оленей и дышать вольным воздухом тундры. Сылкан родился в тундре, на берегу большого озера Кыталыктах, и он тоскует по стерхам, которые мнутся ему душой озера. «Вроде птица и птица – чего особенного, а вот не прилетели – и на душе пусто», – признается он. У него принципиальные разногласия с сыном, директором совхоза, относительно развития традиционных занятий народов Севера. Максим Сылканович по долгу службы, по выражению его отца, «ораторствует о больших перспективах оленеводства и охотничьего промысла», но на самом деле считает, что эти занятия «уходят в прошлое» и что тундра «исчезает». Яблоком раздора между ними становится Тектэй, их сын и внук, только что окончивший школу. Сылкан, по мнению которого «и тундре нужен человек – и человеку нужна тундра», хочет хотя бы год вместе с внуком поработать в тундре. Родители же считают, что сыну нужна не «отмирающая профессия», а «надежная специальность» и предлагают ему учиться. Позиция Сылкана выражена в повести опосредствованно: у них с внуком была любимая важенка Талбакаан, у которой родился детеныш от дикого оленя. Тугута нарекли Кылчаном (Дикаренком), Сылкан сразу понял, что рано или поздно он уйдет в тундру к вольным диким собратам. Так и случилось: Кылчан вырос, превратился в могучего оленя и поддался «зову крови». Сылкан тоже сделал

С коллегами по творческому цеху – русскими писателями. Москва, 2017 г.

свой выбор: остался в родной тундре, потому что ему «хотелось увидеть стерхов». Критерием «цивилизованности» человека становится, таким образом, его отношение к людям, живой природе, а также степень его внутренней свободы.

Другой поэтический лейтмотив, занимающий центральное место в повести, давшей название одной из книг писателя, – это образ «дома», «родного очага». Как и в других произведениях Н. Лугинова, в повести «Дом над речкой» основным характерологическим принципом является испытание человека. Но в этой повести испытание героев приобретает дополнительную весомость в силу того, что оно происходит в неординарных условиях старательской артели. Тем не менее описание походной жизни и

таежной экзотики не становится самоцелью. Для художника гораздо важнее раскрытие человеческих характеров.

Не все герои выдерживают проверку на прочность. Юный Андрей Жуков, мечтавший стать первооткрывателем алмазов, заблудился в «человеческой тайге» и совершил нравственный проступок. Горечь утраты, трагедия неприкаянности, отрыва от родного «берега» проанализированы на примере образа Василя Ситухи, фронтовика, вернувшегося на обожженную войной родную белорусскую землю и обнаружившего на месте белой хаты на берегу тихой речки черное пепелище с торчащей печной трубой. «Дом должен быть родным... Его не купишь», – эту истину герой выстрадал дорогой ценой. В трагической судьбе Василя,

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

нашедшего свою смерть на берегах Вилюя, отразилась судьба поколения, получившего в западной литературе название «потерянного» поколения.

Не считает себя счастливым и начальник партии Зайцев, хотя достиг всех внешних признаков успеха – наград, высоких чинов, материального благополучия. И теперь, отойдя от дел, потеряв здоровье, он испытывал ностальгию по прошлому и на досуге анализировал пути и проблемы освоения природных богатств Севера. В его время проще казался вахтовый метод, который не требовал крупных капиталовложений, развитой социальной инфраструктуры. Но время показало, что правы оказались региональщики, которые стояли за обстоятельное, комплексное освоение своего края. Сам Зайцев двадцать с лишним лет проработал в Якутии, стал «алмазным генералом», но как сам признается, ощущал себя на Севере временщиком, мечтал через год-другой перебраться в столицу.

Наиболее сложные испытания выпали на долю Макара Находкина. Его отличает подчеркнутый нравственный непокой и неустанные размышления о смысле жизни. Зачем живет человек? В чем заключается его долг? Как понимать счастье и есть ли оно? Несмотря на тяжелые удары судьбы, Макар не утратил ни вкуса к жизни, ни тяги к добру и свету, ни обостренного чувства справедливости. Жизненный и нравственный опыт героя формирует его активную натуру, жаждущую постоянного самоутверждения. Не случайно именно его наделяет автор радостным чувством единения с людьми, счастьем обретения родного человека, надежной опоры в лице собственного сына и светлой мечтой о «доме над речкой».

Особое место в творчестве Н. Лугинова занимают произведения на историческую тему. Это, в частности, драмы о писателе-просветителе А. Софронове («Алампа, Алампа...», 1986), государственном и политическом деятеле М. Аммосове («Прощай», 1989) и роман «По велению Чингисхана».

По авторскому замыслу, это трилогия об истории создания в Евразии монгольского государства. В центре повествования – личность и судьба Чингисхана на фоне сложнейших исторических и этнических процессов, происходивших тогда в Южной Сибири и Прибайкалье. В произведении якутского писателя нашли отражение отголоски древней истории народа саха, имеющего, по мнению большинства современных ученых, «южное» происхождение. Действие романа охватывает 13-ый век, то есть начальную стадию его этногенеза.

Роман «По велению Чингисхана» получил широкий резонанс в литературных кругах, так как в нем обнаруживается, по выражению С. Михалкова, «множество аналогий с сегодняшней жизнью». Автор предложил «свежую, порой неожиданную трактовку старой проблемы», и ему удалось «затронуть некие общие закономерности становления и разрушения государств» [14]. С. Михалкову вторит В. Карпов, по мнению которого «сегодня, когда мы переживаем упадок государственности, размытость моральных ценностей, роман «По велению Чингисхана» обретает особую актуальность» [15].

Трилогия Н. Лугинова имеет целый ряд источников. Основным из них является «Сокровенное сказание монголов» («Тайная история монголов»), выдающийся памятник монгольской литературы 13-го века, включающий в себя фрагменты разных жанров – исторических легенд, преданий, пословиц, поговорок, богатырских песен. В частности, описанная в первой главе романа родословная Чингисхана – первоначально Буртэ-Чоно и его супруга Гуа-Марал, предки в одиннадцатом поколении Добун-Мэргэн и Алан-Гуа – совпадает с генеалогией героя, приведенной в «Сокровенном сказании монголов». В этой же главе приведена легенда об испытании связками прутьев сыновей Алан-Гуа. Только сюжет с ее похищением Добун-Мэргэном использован автором в четвертой главе в измененном варианте: будущую мать Чингисхана Ожулун

«отбивает» у ее мужа меркита Эке-Чилэди его отец Джэсэгэй-батыр [16].

В поле зрения Н. Лугинова находились также «Легенды о древнемонгольских вождях», «Сборник летописей» Рашид-ад-дина, «История монголов» Плано Карпини, «Золотое сказание» Лубсана Данзана и другие источники.

Глубокий смысл имеет название романа. Прежде всего «по велению Чингисхана» складывается могучий Ил – великое государство со своим не только военным, но и общественно-политическим устройством. Л.Н. Гумилев в предисловии к сочинениям Н.С. Трубецкого, получившем название «Заметки последнего евразийца», проследил «головокружительный процесс создания империи монголов», занявший всего 60 лет [17]. Далее, «по велению Чингисхана» и на его личном опыте формируется «Яса» – определенная этактическая философия, предполагающая приоритет общего – государственного, национального, родового – долга над личными, индивидуальными помыслами людей. В том же предисловии Л.Н. Гумилев приводит выделенные Н.С. Трубецким основные принципы «традиции Чингисхана»:

- деление людей на эгоистичных, трусливых, которых монголы называли людьми «черной кости», и, наоборот, на тех, кто «ставили свою честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия», то есть людей «белой кости» или «длинной воли»;

- глубокая религиозность каждого – от великого хана до простого дружинника, и в то же время отсутствие догматизма и веротерпимость;

- повышенное уважение к кочевникам, всегда готовым к военным походам, то есть смене места обитания и поэтому морально превосходящим оседлые народы [18].

Правда, по этому поводу специалисты выдвигают две взаимоисключающие гипотезы. Во-первых, некоторые считают, что важнейшим фактором успехов Чингисхана и его потомков явился благоприятный климат в Великой степи, в изобилии обеспечивший корм для лошадей, что в свою очередь способствовало мобильности его войск. Согласно другой точке зрения, наоборот,

плохие климатические условия были причиной набегов монголов из-за нехватки корма для скота на соседние территории.

Наконец, согласно авторской концепции, к эпохе Чингисхана восходит начальная фаза этногенеза народа саха. По его «велению», одобренному старейшинами, на север, по течению великой реки, вслед за стаями перелетных птиц отправляется большой отряд монголов во главе с тойоном Нохоем, родом из урангхаев. Таким образом, Н. Лугинов самым названием своего романа подчеркивает роль сильной личности в истории. В этом отношении якутский писатель, как и многие его собратья по перу, солидарен с русским философом Н. Бердяевым, по мнению которого, «о народе нужно судить по его вершинам, а не по низинам». Автор пересматривает устоявшуюся репутацию своего героя и создает нетрадиционный образ Чингисхана, великого полководца и дальновидного политика, примерно так же, как сегодня на Западе происходит переоценка фигуры короля гуннов Аттилы.

Наряду с главным героем, в романе возникает целая система глубоких, полнокровных характеров. Среди них в первую очередь выделяются фигура мудрой матери Чингисхана Ожулун, трагический образ его побратима Джамухи, его братья порывистый Хасар и рассудительный Аччыгый, его жены Борте, Усуйхан и Усуй, его соратники, полководцы Мухулай, Джэлмэ, Сьубетей, Боорчу, Хубулай, Усун-Туруун. В характерологии произведения находится место и для юного Эр Соготох Элэя, потомка татарского рода, которому, согласно историческим легендам, суждено было стать одним из родоначальников народа саха.

В соответствии с традицией исторического жанра в романе возникает «местный колорит», который создается посредством описаний быта, одежды, вооружения, традиций и обрядов, ряда еды и питья, а также использования этнографизмов.

Особое значение в поэтике романа имеет система заставок-эпиграфов из указанных выше источников, а также из Лао-цзы, Мо-

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

На автограф-сессии в Москве.

цзы, Гераклита, Марко Поло, А.Э. Шефтсбери, П. Ойунского, А. Ахматовой, Б. Дугарова, посредством которых создается своеобразный «эффект очуждения» (Б. Брехт) и подчеркивается «извечность» философских и нравственно-этических проблем, таких, как добро и зло, жизнь и смерть, личность и народ, смысл человеческого существования.

В романе «По велению Чингисхана» писатель снова использует «центростремительную» композицию и прием «потока сознания». Особенно много размышляют сам Чингисхан и его мать Ожулун, и соответственно раскрываются их «диалектика души». Не чужд рефлексии и

внутренней самооценки Джамуха, особенно когда он подводит нелицеприятный итог своей жизни.

Особое место в поэтике якутского писателя занимает мотив сна. Еще в рассказе «Айгылла» тяжело раненный герой во сне возвращается в родные места и на ленском острове «косит высокую сочную траву», а жена протягивает ему чорон с кумысом. В другой раз он, превратившись в красивого «молочно-белого жеребца», скачет во весь опор, но потом его поводок за что-то крепко цепляется, и он никак не может освободиться. Последним же его земным видением была матушка-Лена. В

рассказе «Кустук» обессиленной, замерзающей собаке мнятся картины счастливого прошлого: охотничья избушка в тайге и хозяин – старый «иччи» Охонон. В повести «Песня белых журавлей» маленький Нюргун видит пророческий сон, в котором мать приводит ему долгожданного братика. А старого Сылкана из повести «Улыбка старика» сны «стали донимать и мучить хуже яви», как и Тойбола, который то и дело погружался в «старческую полуявь-полудрему» («Таас Тумус»). В «Хуннских повестях» тоже используется поэтика сновидения, которая восходит в якутской литературе к поэме А.Кулаковского. В частности, герою третьей повести «Служение» Инь Си привиделся странный сон с продолжением о том, как он пересек «границу бытия» и «завис» высоко над миром, и там некий шаман «залился» песнопениями на незнакомом языке под глухие удары бубна и предрек ему великое «служение» (с. 211).

В романе «По велению Чингисхана» особенно часто сны посещают Ожулун, мать Тэмучина. Еще в детстве ей привиделся ставший пророческим сон о встрече с мальчиком, в глазах которого «отражалось небо, а волосы отливали солнцем». Впоследствии судьба соединила их, Ожулун и Джэсэгэй-батыра, ставших родителями Чингисхана. В другом сне, когда началась война с найманами, превратившись в волчицу, она преследует и убивает оленя. Ее компаньонка старая Хайахсын истолковывает сон как доброе предзнаменование, и это получает подтверждение, когда поступает известие о победе монголов над найманами. Самого Чингисхана постоянно преследовал один и тот же сон, в котором являлся Джамуха. Причем они оказывались на противоположных берегах небольшой речки с ярко-желтой водой. Чингисхан пытался заговорить с побратимом, но тот упорно молчал и только пристально смотрел на него. Потом садился на коня и медленно уезжал.

Еще одной характерной особенностью поэтики романа является использование образной анималистики. Подтверждением

служит следующая система примеров:

- «теплый, собачий язык нежности лизнул сердце Аргаса...»;

- «две мысли не выходят из головы, то сплетутся, как весенние змеи, то разъедутся, как ноги верблюжонка на льду...»;

- «войско его огромно, как брюхо беременной верблюдицы, и неповоротливо, как гусеница, ползущая по песку...».

Анималистическая образность присутствует и в других произведениях Н. Лугинова. Особенно часто упоминаются «сыновья Джесегея»: то это «фигуры пяти всадников на сказочных конях», которые мнятся маленькому Нюргуну «сквозь белую мглу», или «крылатый конь», о котором мечтал он сам («Песня белых журавлей»), то это славный Джагыллаах, которому не было равных в силе и выносливости, или вожак табуна Улаан Турагас, питавший какую-то странную привязанность к старой коновязи («Сэргэ»). Наряду с животными, в образотворчестве писателя используются птицы: белые журавли-стерхи («Песня белых журавлей», «Улыбка старика»), гагара, коршун, орел («Песня белых журавлей»), филин, ворон («Баллада о Черном Вороне»), утки («Долгие летние дни»). Все это придает произведениям якутского писателя романтический характер.

Таким образом, для творческого метода Н. Лугинова характерны самобытность, глубокий психологизм, поэтичность повествования. Он активно использует не только национальные художественные традиции, но и опыт мировой литературы.

Сегодня, когда в начале третьего тысячелетия человечество начинает осознавать себя единым целым, когда происходит постепенный переход от «корпоративного» сознания к «планетарному» мышлению, литература сохраняет свой особый статус универсального средства всечеловеческого общения и взаимопонимания. Другая, не менее важная миссия языка и литературы состоит в сохранении национальной самобытности, «лица необщего выраженья».

Этому высокому назначению отвечает творчество Н. Лугинова, пафос которого

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «СЧАСТЬЕ – ЭТО ОТКРЫТО И СМЕЛО СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА...»

заключается в утверждении истинных человеческих ценностей – чести, самоотверженности, верности, привязанности к отчужденному дому. Его произведения передают от поколения к поколению, от нации к нации трудный, выстраданный и поэтому бесценный нравственный опыт, историческую память и национальную ментальность народов Якутии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Социалистическая Якутия. – 1990. – 27 февраля.

2. Сидоров О.Г. От Алексея Кулаковского до Николая Лугинова. Штрихи к истории якутской литературы. – Якутск: Бичик, 2011. – С. 134–149.

3. Лугинов, Николай. Хуннские повести. – Якутск: Бичик, 2011. – С. 91. Все ссылки на «Хуннские повести» приводятся по этому изданию. Страницы указываются в тексте.

4. См.: Бурцев А.А. Философия «правильного пути» А. Кулаковского // Литературная Россия. – 1995. – 17 марта (№ 11).

5. Лугинов, Николай. Дом над речкой. Повести и рассказы. – М.: Современник, 1988. – С. 72, 69.

6. Там же. – С. 161.

7. Карпов В. О «людях длинной воли». // Лугинов, Николай. По велению Чингисхана. – М.: Сов. писатель, 2001. – С. 5.

8. Лугинов, Николай. Дом над речкой. Повести и рассказы. – М.: Современник, 1988. – С. 120.

9. Там же. – С. 144.

10. Там же. – С. 163.

11. Там же. – С. 35.

12. Там же. – С. 63.

13. Там же. – С. 79.

14. Михалков С. Под духовным крылом // Лугинов, Николай. По велению Чингисхана. – М.: Сов. писатель, 2001. – С. 3.

15. Карпов В. О «людях длинной воли». – Там же. – С. 6.

16. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Публ. С.А. Козина. – М.-Л., 1941. – Т. 1.

17. Гумилев Л. Всем нам завещана Россия. – М.: Айрис-пресс, 2012. – С. 147–150.

18. Там же. – С. 150.

Владимир ТОМСКИЙ

Не буги лихо, пока оно тихо.

Русская народная пословица.

*«...что поборов бесправие и тьму,
Мы отковали пламенные крылья
Своей стране и веку своему...»*

*Из стихотворения Н. Грибачева
на монументе в честь героев освоения
Космоса в Москве.*

Я вынужден ограничить разум раги веры.

Иммануил Кант.

Звёздное небо

(Размышления обывателя о философии Канта,
изяшной и неизяшной словесности и народных приметах)

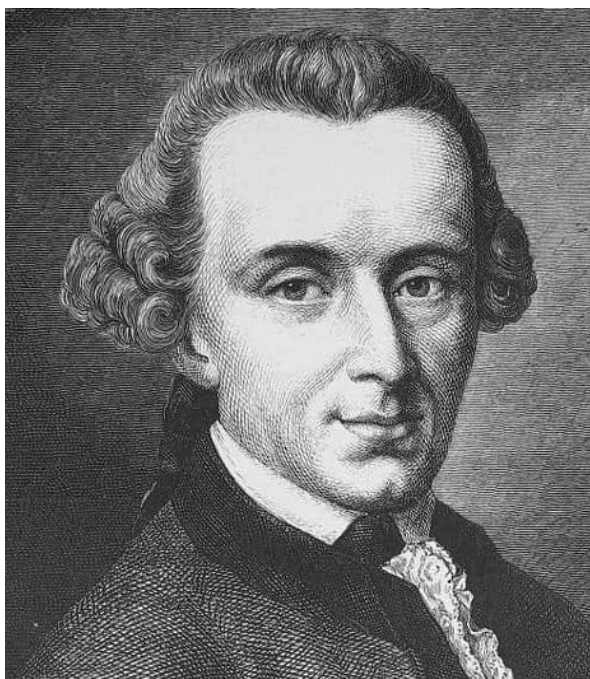
Попробуем понять, увязать эти цитаты и соображения со здравым смыслом и обыденной повседневностью. Пространственно-временная дистанция между ними значительна: от народной мудрости, через восторженные стихи по поводу законному и совершенно замечательному, к академическим премудростям всемирно известного мыслителя и философа, написанным им 250 лет назад.

Что между ними общего и что их разделяет? Нет ли неразрешимых противоречий между такими суждениями, которые И. Кант называл антиномиями, пристально исследовал их с различных точек зрения, искал ответы на

трудные вопросы, которые сам же себе и задавал. Не всегда он находил правильные ответы, хотя всегда искренне к тому стремился. И всегда находил силы для новых поисков, вдохновляясь звездным небом над своей головой и императивами морального закона в самом себе. Своими размышлениями И. Кант внес громадный вклад в научное знание, в познание человеком самого себя, поставил множество правильных вопросов по самым сложным темам. Кто мы такие? Почему мы смеем дерзать и мыслить о звездном небе, его устройстве и своем месте в этом чарующем и загадочном мире? Не разбудим ли мы лиха, поддавшись искушениям свободной воли?

Риски есть. И лихо будить нельзя ни при

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ЗВЁЗДНОЕ НЕБО.

Иммануил Кант.

каких обстоятельствах. Для этого следует добровольно ограничить самих себя, свободу своей собственной воли, своего разума. К такому выводу пришел мыслитель И. Кант в середине восемнадцатого века. Императив серьезный и не менее важный, чем таинственные мерцания звезд в волнующей бесконечности ночного неба.

Но как же тогда быть? Можно ли не рискуя разбудить лихо долететь до звезд или хотя бы планет своей самой близкой и любимой звезды? Мы ее и звездой-то не считаем, называем в обиходе Солнцем, хотя обязаны своей звезде буквально всем. Теплом, голубым небом, тюльпанами в зеленой траве на космодроме, морским прибором, тишиной в горах, легким ветерком и штормовым предупреждением. И грозным океанским дыханием, вечной мерзлотой, землетрясениями, яростными смерчами, цунами и ураганами.

Лиха мы натерпелись за свою историю предостаточно. Особенно в прошлом XX веке. Революции начались в 1905 сразу после позорной

и странной войны с Японией, которую в России никто не ожидал и не провоцировал. Не успела страна очухаться от революций 1905–1907 годов, как началось новое страшное лихо – Первая мировая, которую «простые люди» не ждали и никак не провоцировали. «Непростые люди» во власти повели лучших и «простых» русских мужчин на убой ради неизвестных им целей. И до сего дня никто не может убедительно объяснить причину и природу этого страшного лиха. А вот революционное лихо 1917 года разбудили и подготовили сами образованные русские люди, в том числе «правлящие элиты». Те, кто по долгу своему перед народом должны были стать поводырями и попечителями для братьев своих младших в городах и весях гигантской страны. Потому слово «элиты» в нашем контексте взято в кавычки. По смыслу оно означает нечто хорошее, лучшее, приподымающее представителей элит над «простыми людьми», по умолчанию предполагающее наличие у них определенных прав на принятие решений по судьбе своей страны и народа. На деле именно эти «элиты» и накликали длинную цепь лихолетий, потрясавших Россию на протяжении многих десятилетий. Лихие времена продолжаются и сегодня – для громадного большинства «простых людей» самой благодатной и богатой страны мира.

В чем дело? Мы мешаем кому-то в этом мире, откуда столько лиха на нашу долю? В какой мере мы сами виноваты? Трудные вопросы. Но не отвечать на них нельзя. Слишком долго мы уповаем на пресловутое «авось» и «кривую», которая сама выедет на колею удачи, халявы и везухи. Не выведет уже, лимит халявы исчерпан до дна.

О чем предупреждает нас народная мудрость? И как можно ее понимать и применять к противоречивым современным ситуациям и условиям?

О том, что не надо желать невозможного, следует жить тихо и спокойно, уметь обходиться малым, не жадничать, не завидовать, не пытаться силой изменить свое положение к лучшему, ущемляя права и интересы других людей. Как

Д. Пожарский и К. Минин.

всякая настоящая народная мудрость, отражающая весь многовековой опыт народа, она может интерпретироваться с прямо противоположных или противоречивых позиций. Многие зависит от точки зрения интерпретатора. О природной нестяжательности русского народа, терпении, неприхотливости и нетребовательности к условиям существования написано очень много всего. Может быть и больше, чем следует. Может быть, и придумано много такого, чего на самом деле нет. Особенно в новейшее время, когда все с горьким придыханием повторяют о том, что лишь бы не было войны. Правда, А.С. Пушкин оставил нам сказки о рыбаке и рыбке, попе и егомышлёном работнике Балде, о Золотом Петушке, где обнаружил в русских людях (на основе народных баек, прибауток, мифов, пословиц и приговоров) прямо противоположные свойства и честно предупредил своих современников и нас с вами об этом. Но мы, подавленные телевидением и Интернетом, начинаем забывать его сказки. Так и новое лихо может случится.

Бесспорно, война ни к чему всегда! Но, может быть, худой мир все же лучше исправить мирными, доказательными дискуссиями о его нестроениях и несовершенствах, чем с рабской покорностью смириться с его непрочными, сомнительными основаниями. А если дискуссии приведут к спору, то не доводить дело до

кулачного разбирательства, а найти площадку для согласия и движения в сторону истины на основе совместного творческого труда и разумного договора.

Не надо будить лихо, когда действительно тихо, хорошо, все устроено и движется в правильном направлении. Так редко бывает. Мир устроен иначе. Мы хотим перемен. И это тоже хорошо. Если бы было иначе, то сидели бы до сих пор в пещерах, пользовались разбитым корытом и речными песчаником для стирки белья, питались бы корешками, грибами и ягодами. И не смели поднять глаза на звездное небо. А если бы и подняли, то ничего бы не поняли и продолжали жевать жвачку и способствовать кругообороту веществ и биологическому многообразию природы.

Но по милости Творца мы увидели однажды звезды и возроптали умом и духом. Осталось теперь понять природу собственного ума, духа, мерцаний звезд и не разбудить страшное лихо. Задача непростая. Оказалось, что очень даже опасное это занятие, если уповать только на рассудок и разум.

Мораль, сухой остаток народной мудрости, всегда несет великую истину в своей глубинной первооснове. Не нужны революции, ее яростные демоны с горящими глазами, лукавыми лозунгами и нереальными обещаниями. В этом

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ЗВЁЗДНОЕ НЕБО.

Император Николай Второй.

был глубоко убежден И. Кант. Тем более, что демоны эти на поверку оказываются чаще всего профессиональными аферистами, демагогами, преступниками в конечном счете. И конец у всех революций один и тот же, она пожирает своих организаторов и вождей целиком, без жалости и права на реабилитацию при жизни. Факт проверен тысячелетиями и в дополнительной аргументации не нуждается. Хотя наступать на одни и те же грабли мы не просто умеем, но делаем это с каким-то необъяснимым упорством и упоением. Но это уже наше, российское свойство, одним нам присущее. У других как-то получается обучение на собственных ошибках. Некоторые даже на чужих умеют учиться. Те же китайцы, японцы и немцы к примеру. Вот об этом и стоит задуматься крепко и решить вопрос однажды, но навсегда. Необходимо создать в нашем обществе и государстве непреодолимые барьеры для аферистов и демагогов всех мастей. Создать механизмы для их выявления на этапах созревания в их головах безумных идей, когда они только начинают заблуждаться по причине отсутствия твердых знаний и убеждений.

Тогда проблемы можно будет решать на основе общественного согласия, достигнутого в строгих, доброжелательных спорах о путях развития, совместного труда при выполнении созидательных проектов.

Так у нас всегда и случалось, если вспомнить совсем недавнее героическое прошлое. После величайших, праведных ратных трудов 1941–45 годов русские люди словно опомнились от тысячелетней спячки, бесовщины революционного беспредела и немедленно, отмаршировав на Параде Победы, совершили еще один беспримерный подвиг. На этот раз трудовой. Это был настоящий Ренессанс русской культуры! После бесспорной, героической Победы советские, прежде всего русские люди, осознали себя творческим, самостоятельным, ответственным народом, способным решать задачи любой сложности в самые сжатые по любым меркам сроки. Этот период мировой истории на все времена окрашен в самые светлые и восторженные цвета палитры Творца. Мы сами пока совершенно не осознали величие того времени. По собственному благодушию, безграничному, бездумному доверию к людям во власти, гражданской неспособности к солидарной защите своих собственных интересов...

Нами был теоретически освоен и применен на практике полный технологический цикл работы с веществом на атомарном и ядерном уровнях. За считанные годы разработаны технологии для практически всех гражданских применений. В этот же период начато реальное освоение космического пространства. Решен длинный перечень сложнейших теоретических и сугубо практических задач по созданию на планете Земля космической инфраструктуры с целью выживания и дальнейшего развития рода человеческого. Системно-мировоззренческие, научно-технологические, социально-политические, культурно-гуманитарные результаты этой работы еще не получили должной, адекватной оценки мирового сообщества. Хотя сами результаты хорошо известны, очевидны и ими ежедневно успешно пользуются миллиарды людей на Земле уже

более полувека. Не подлежит сомнению одно – мир получил реальный шанс на выживание и реальные горизонты для позитивного, устойчивого развития. Об этом и написал свои стихи фронтовик и поэт Николай Грибачев, последний руководитель законодательной власти России времен Советского Союза. Слова эти отчеканены на монументе героям освоения Космоса в Москве. Простые, правильные, пронзительные слова.

После этих трудовых подвигов нашего народа Советский Союз несколько десятилетий оставался бесспорным мировым лидером по всем основным направлениям деятельности человека на Земле. Коренным образом изменились страна, люди, ее населяющие. Образовательный уровень самых широких слоев населения был качественно и количественно резко повышен за три послевоенных десятилетия, благодаря решению масштабных суперпроектов на всем пространстве гигантской страны. Возникла массовая потребность в специалистах высшей квалификации практически по всем отраслям знаний. Основы для такого качественного скачка были заложены в позапрошлом веке при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали. Самый крупный геополитический, инженерный, созидательный проект тех времен стимулировал выдающиеся научно-технологические достижения Российской империи в период до 1917 года, о которых не принято говорить вслух по разным объективным и субъективным причинам. Перед революцией профессия инженера была самой престижной и высокооплачиваемой, реально более почетной, чем дворянское достоинство.

После выполнения Атомного и Космического проектов Советский Союз стал не просто военной супердержавой. Вместе со странами Содружества мы производили треть мирового ВВП при населении менее 10% от мирового. Советские самолеты, станки и трактора покупались во всех странах мира. Экспортировались часы, фотоаппараты, холодильники, лекарства. Ученые, инженеры и технологи нашей страны были реальными лидерами, признанными

Михаил Горбачёв.

мировым профессиональным сообществом по всем направлениям реальной деятельности. От фундаментальных исследований микромира, астрофизики, биофизики океана до производства удобрений и бытовой электроники. От пионерских исследований математиков-теоретиков до производства замечательных мультфильмов для детей, высших спортивных, музыкальных, кинематографических, театральных достижений. Цветных телевизоров производилось больше, чем во всех европейских странах вместе взятых. Были определенные проблемы с качеством, упаковкой, рекламой, фурнитурой и аксессуарами. Но они легко и быстро решались при минимальном желании государственных заказчиков, плановой, регулируемой коррекции разного рода дисбалансов и диспропорций в интересах конечных пользователей.

Вот как раз интересы конечных пользователей, сотен миллионов «простых граждан», и не стали главным приоритетом для кремлевских трактористов, возмнивших себя

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ЗВЁЗДНОЕ НЕБО.

менеджерами мирового масштаба. Хотя на всех высоких собраниях произносили красивые слова о том, что имена «простых людей» написаны на красном знамени правящей Коммунистической партии. А сама она, по мнению авторов этих лозунгов, является «умом, честью и совестью нашей эпохи». Никак не меньше. Вот эта вопиющая, очевидная даже для людей того времени, ложь и явилась основой для запуска процессов разрушения Советского Союза. Началась «разруха в головах» высшего партийного руководства. Явление называется на языке психиатрии – изменением состояния сознания. Они перестали верить самим себе. На трибунах говорили одно, в узком кругу ограниченных людей другое, а поступали по понятиям, поскольку, как заметил генерал А.Х. Бенкендорф, «законы у нас не для начальства пишутся». Это и привело к эффекту искаженного состояния сознания у «правлящих элит», что немедленно трансформировалось в чудовищные aberrации общественного сознания. Дурные, темные идеи стали овладевать массами. К чему это привело – известно...

Начала и стала быстро увеличиваться в размерах дистанция между кремлевскими демагогами-модераторами и реальными представителями хозяйственно-промышленного руководства. Конфликты между ними не стали публичными, мусор заметали по привычке к строгой партийной дисциплине под коврик. На собраниях и съездах говорили одно, в служебных кабинетах другое, в курилках третье, а на кухнях еще чего-то. Хаос оказался только на поверхности хаосом, а на самом деле был рукотворным, предсказуемым, управляемым и планируемым. Поменялся только центр планирования...

И опять накликали лиха, нагрянули новые страшные испытания на народ и Отечество наше. И опять разбудили лихо люди в высших эшелонах власти. Народ высказался в апреле 1991 года прямо и недвусмысленно за сохранение Советского Союза. И «правлящие элиты» не услышали голоса своего народа, а если услышали и поступили так, как поступили, то имя такому поступку одно – измена своему Отечеству. Но

даже если просто не услышали, это мало что меняет по существу вопроса. Преступления такие не имеют срока давности. И ведь народ уже не безмолвствовал как во времена первой Великой смуты 1612 года и не кричал утробно-звериным, полубесмысленным криком-воем как во времена второй Великой смуты 1905–1922 годов. «Простые люди» всего Советского Союза в апреле 1991-го честно и определенно высказали свою осмысленную, гражданскую волю к державному единству путем строгой правовой процедуры всенародного референдума. Невзирая на массовый, оголтелый, высасываемый из пальцев психоз в средствах массовой информации, по телевидению прежде всего, разжигание национального и регионального сепаратизма.

Народ был предан людьми, облеченными верховной властью. Действия властей того периода прямо подпадают под статьи уголовного законодательства того и нынешнего времени. Подлинные хронологии и причины предательства не ясны до конца и сегодня. Так бывает в истории часто или всегда.

И не заставила себя ждать третья Великая смута. Точно так же, как в феврале 1917-го, в августе 1991-го казавшаяся мощной и неколебимой властью развалилась за считанные дни и не получила защиты и поддержки народных масс. В чем причина такого драматического и скоротечного развития событий практически по одному и тому же сценарию?

В 1612, 1917, 1991 годах народ не помышлял о разрушении страны. Во всех случаях люди были недовольны действиями власти, хотели изменить ее по возможности мирным, бескровным способом. Как всегда, люди были элементарно и грубо одурачены, лишены веры в возможность достижения справедливости действиями власти. Во всех случаях сами правящие элиты сознательно провоцировали недовольства, разжигали в массах темные инстинкты с помощью государственных средств массовой информации. В деталях и подробностях все повторяется как на заигранной пластинке. Прошли позорные войны (с Японией в 1904 г. и Афганистаном в

Гегемоны. Великая Октябрьская Революция.

1979–1989 годах). Появились похабные, лживые карикатуры на царя и его семью в газетах и листовках, серии заказных статей в газетах и листовки на столбах в столицах во время ведения кровопролитной войны с Германией, массовое засилье всяких кликуш, «целителей», предсказателей, Распутина.

После 1985 года под прикрытием демократии, гласности и прекращения работы государственной цензуры в СССР по центральным каналам телевидения в прайм-тайм проводились сеансы массового гипноза, круглосуточно транслировалась порнография, мракобесие атаковало общество непрерывно. На стадионах и самых больших концертных площадках никому неизвестные «пророки», евангелисты из США и Европы разрушали не очень крепкие, доверчивые, почти стерильные головы наших граждан явно провокационными, антинаучными, антихристианскими идеями и идеями. За считанные годы было развращено общественное сознание в столицах страны и городах-миллионниках.

Людей лишали веры в добро, завтрашний день, национальное единство, патриотизм, любовь к своим ближним, семейные ценности. Русская православная церковь в начале XX века заняла явно деструктивную позицию, по факту была на стороне всяких интриганов, зачинщиков беспорядков, раскольников и революционеров. По существу, активно занималась разрушением национального единства, выступала против своего официального лидера, помазанника Божьего. Все повторилось в конце прошлого века, когда по призыву и указаниям Генерального секретаря КПСС, официальная пропагандистская машина партии, игравшая роль официальной церкви, обладающая колоссальными ресурсами и возможностями, стала заниматься прямым самоубийством себя и страны. Все усугублялось требованиями строгой партийной дисциплины. Модераторы Горбачева прекрасно это осознавали, действовали напористо, нагло, цинично.

К сказанному следует добавить и подрывные действия внешних сил. Об этом написано много

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ЗВЁЗДНОЕ НЕБО.

и правильно. В 1917 и 1991 гг. в явном виде, очень активно и профессионально действовали, прежде всего, англосаксы (Лондон и Вашингтон). Действовали практически открыто, нарушая и преступая все нормы международных правил, нравственные и этические принципы на всех уровнях – межличностном, групповом, межгосударственном. Винить их за это даже невозможно. Они действовали в соответствии с официальными стратегическими доктринами, оперативными указаниями своих правительств и конкретных руководителей. Потому развивать эту тему далее не следует. Они выполняли свой служебный долг. Можно даже отметить случаи, когда отдельные представители посольств и спецслужб иностранных государств, из простой человеческой и интеллектуальной солидарности, проявляли сердечное сочувствие к русским людям, стране в целом, ее великой культуре.

Имеет смысл детально проанализировать действия и поступки многих наших высших государственных руководителей начала и конца века. Сроков давности для государственных изменников не бывает. Если говорить о первых лицах, императоре России и Президенте СССР, то и тут много общего. Оба имели низкий волевой статус, имели сильную зависимость от жен, не были способны к глубокому, всестороннему ситуационному анализу, не умели собирать людей в команды соратников и единомышленников для работы не по указаниям и приказам, а на основе осознанных, осмысленных убеждений, планов для солидарных, ответственных действий не в собственных интересах, а в интересах своих граждан и подданных. К этому их обязывало действующее законодательство, служебное положение, должностные обязанности и нравственные установления. Различий в их мотивировках и поступках много меньше, чем реальных фактов поведения этих людей в конкретных ситуациях. Потому оценки и общественное воздаяние им должны быть одинаковы.

Что касается ближайшего окружения, то здесь есть существенные отличия. В 1917 году общий знаменатель окружения царя можно смело назвать «изменой и предательст-

вом», что сделано самим царем и многими толкователями событий. Царя, Верховного главнокомандующего, главу церкви предали все, кто только мог. Больше всех подличали «верные союзники» – Армия и Флот. Не было единства среди многочисленного семейства Великих князей, кровных родственников. В 1991 году ближайшее окружение Горбачева пыталось в разное время оказывать сопротивление. Но действовали каждый сам по себе и потому не добились успеха. Коллективные действия в августе 1991 очень похожи на бездарную, обреченную на заведомое поражение попытку декабристов 1825 года по введению конституционного правления.

И в том и в другом случае все признаки полного отсутствия планирования и координации действий, что можно простить армейским офицерам войны 1812 года. Невозможно найти оправдания для умудренных многолетним опытом, матерых партийных функционеров образца 1991 года, облеченных правами высшего политического руководства и обладающих практически неисчерпаемыми ресурсами самой мощной мировой державы. Я не могу квалифицировать их поступки с точки зрения уголовного права. Для этого найдется много людей с компетенцией и правами, позволяющими выносить юридические формулировки.

Меня как гражданина, человека, отдавшего большую часть своей жизни служению великой стране, сына своего отца, посветившего всю свою жизнь формированию и укреплению мощи державы под названием Советский Союз, беспокоят и тревожат совершенно поверхностные и беспомощные оценки этой страницы нашей истории (собственно, и не истории, а сегодняшнего дня) моими современниками. Пока не высохли чернила на документах, зафиксировавших смерть страны с названием Советский Союз, кровь тех, кто защищал страну в войнах и на баррикадах в разное время, мы обязаны установить истину. Ради самой истины и ради будущего наших детей и внуков. Ради чести наших отцов и дедов.

Для того, чтобы не потерять веру в самих себя, свое поколение, в Отечество, которому служили верой и правдой.

И здесь нам поможет И. Кант, слова которого помещены в эпитафию. Он написал эти слова 250 лет назад после глубоких и честных размышлений о природе человеческой личности и природе общественного устройства. Он первым из мыслителей предположил, что моральный закон находится внутри самого человека. И убедительно показал, что без гармоничного сосуществования этого закона внутри человека с законами социума, в котором пребывает человек, невозможна социальная гармония. Такова была воля Творца. Иммануил Кант прямо это не утверждает, но явно, с достоинством, мужеством и гордым, ответственным смирением это предполагает. И тем утверждает человека в величии и потенциальном могуществе, видит в этом единственную надежду на оптимистический сценарий истории человека на Земле. Помогает ему на этом пути познания самого себя звездное небо над головой человека. Два с половиной века после написанного Кантом всеми своими фактами и событиями ярко подтверждают его предположения и догадки. Его установления о природе и технологиях познания мира и человека находят подтверждение по всему спектру фундаментальных и прикладных наук новейшего времени.

Невозможно в коротком эссе объяснить и доказать полноту аргументации И. Канта. Тот, кто не верит моим выводам, может почитать оригинал. Я позволю себе утверждать, что наследие И. Канта незаслуженно начинают забывать. Не намеренно, просто по суетной природе человеческих будней, которые гонят его за острыми ощущениями, быстрыми успехами, блестящими красками модных гламурных журналов, сомнительными интеллектуальными увлечениями, бозонами Хигса и прочими новомодными аксессуарами современности. Такое забвение таит в себе угрозу для бытия человека на Земле. Человек нуждается в откровенном общении с Творцом.

Без общения с Ним не имеет смысла сам человек, могут померкнуть звезды на небе, исчезнет моральный закон по причине отсутствия для себя местопребывания.

Иммануил Кант оставляет много степеней свободы для свободной воли человека. Делает это на основе собственных гениальных интуиций, никогда не скрывает, что это всего лишь интуиции конкретного человека из плоти и крови. Но странным и таинственным образом сегодня, через 250 лет после написанного им, эти кантовские интуиции обретают прочный статус научного факта. Это относится к новейшим достижениям при моделировании и исследовании нейронных сетей, молекулярной биологии, теоретической физики, астрофизики, когнитивных моделей на основе «точных» наук и гуманитарных исследований по природе человека и общества.

Императивы И. Канта величественны, оптимистичны и интимны одновременно. Они основаны на интуитивной вере в человека, как производной от воли Творца. И это самый мощный барьер мракобесию, апокалипсическим сценариям истории человека и прочим химерам Конца света. И. Кант не ждет Конца света и деградации человека. Он верит в него и ищет пути к свету и знаниям. И находит их в нашей с вами жизни, которая подтверждает его догадки, гипотезы и теории.

Когда И. Кант ограничивает разум ради веры, он делает это ради человека, ради его жизни и возможности достижения благ творческими усилиями человека, его личным трудом и солидарными усилиями себе подобных. Все 250 лет, прошедшие после научного подвига профессора Кенигсбергского университета, подтверждают его предположения. Только кропотливый, ежедневный творческий труд миллионов мужчин и женщин на Земле способен сохранить, приумножить и продолжить цветение жизни на планете и во Вселенной. Именно напряженный, непрерывный, дружный, творческий труд миллионов людей является единственным залогом его выживания и развития на Земле. Человеческий труд – это не

ВЛАДИМИР ТОМСКИЙ. ЗВЁЗДНОЕ НЕБО.

проклятие Бога, как утверждают церковные догмы, не навязанное внешними силами обременение, а непереносимое, радостное условие существования, гармонии с окружающим миром, своими близкими и далекими соотечественниками. Общественный труд – это угодное Богу занятие для людей, главная цель и одновременно средство для существования человека и общества.

Новейшие исследования в биологии и физиологии утверждают, что сознание человека является побочным, сопутствующим результатом работы мозга, а отнюдь не его целью или высшим достижением природы. Очень многие фактические данные подтверждают этот тезис. И. Кант догадывался об этом 250 лет тому назад, усмотрел в неуправляемой рассудочной и разумной деятельности человека угрозы для собственного бытия, возникновение неразрешимых противоречий, конфликтов между свободной волей человека и божественной волей Творца. Все войны, революции и катастрофы прошлого и позапрошлого веков убедительно и ярко подтверждают эту догадку. И потому И. Кант сформулировал гениальный тезис об ограничении разума ради веры. Фактом такого утверждения он ничуть не унижил человека. Скорее обратное – дал человеку шанс встать на путь самосохранения и развития. Он дерзнул предположить, что источник любви, добра и жизни находится внутри самого человека и, вполне допустимо, что размещен там по воле Творца.

Если бы люди 250 лет назад поняли И. Канта, то сколько бы человеческих жизней было сохранено! Не было бы океана слез женщин и детей, крови и позорного озверения человека в результате работы его собственного ума. Об этом же мечтал и писал А.С. Пушкин, утверждая абсолютный приоритет муз, разума и солнечного света для жизни людей. Если бы русские люди смогли 200 лет назад понять идеи А.С. Пушкина, сберечь его жизнь, то мы бы сегодня жили в другом Отечестве, смогли бы уберечь себя от множества лихих и позорных событий прошлого века.

Расстрел Белого Дома. 1993 г.

Не поздно, быть может, вернуться к «категорическим императивам» профессора Иммануила Канта, придать им правовой статус, снабдить юридическими обязательствами и требованиями. Рановато в Европе сбросили Канта с «парохода современности». Потому пароход и дал течь, того и гляди – утонет.

Для нас, граждан России, думающих на русском языке, поступающих в соответствии с правилами его грамматики, установленными А.С. Пушкиным, его учителями и учениками, следует соединить благотворное, оптимистическое наследие А.С. Пушкина с позитивным, трезвым, творческим наследием И.И. Канта, который пять лет (самых продуктивных в своей жизни) был нашим соотечественником. Такой синтез поможет не только нам. Синтез даст Европе второе дыхание, помирит нас с ней почтительно и без обид, позволит нам вернуться на свое законное место в группу лидеров мировой культуры.

Лариса ЖЕЛЕНИС

Лариса Эдуардовна Желенис родилась в городе Дебальцево Донецкой области. Окончила Ленинградский технологический институт им. Ленсовета и Литературный институт им. А. М. Горького (семинары Владимира Цыбина и Владимира Кострова).

Начала печататься в 1998 году, первая публикация – в ярославской областной газете «Северный край». Публиковалась в ярославских и московских коллективных сборниках, в журналах «Литературная учёба», «Журнал ПОэтов», «1-ый Всероссийский литературный журнал ЛИФФТ», «Крым», «Новый континент» и др., её поэзия представлена также на Интернет-сайте «Стихи.ру»: <http://www.stihi.ru/avtor/belaris>. Автор трёх поэтических книг: «Сосулька» (2000), «Здравствуй, день наречённый!» (2011), изданных в Ярославле, «Всё – только жизнь» (изд-во «Спутник+», Москва). Лауреат конкурса «Таланты земли Ярославской», посвященного 1000-летию Ярославля (2010), лауреат конкурса им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени!» (2016). Член Союза писателей России.

Живет в Ярославле.

«Пусть не смолкает музыка во мне...»

* * *

Не родившись, жила я в рау
робких образов, мнимых движений.
Узнавала я душу свою
в миллионах других отражений.
Я была для себя двойником,
запредельного звука частицей,
но подземным лесным родником
торопилась наружу пробиться.
Рай исчез – прорвалось, растеклось,
расплескалось пространство эфира.
Криком первым моим началось
для меня сотворение мира.

* * *

Над прялкою дремлет Бессмертье...
Столетия пронзая насквозь,
под пряжей земной круговерти
пульсирует, крутится ось,

ЛАРИСА ЖЕЛЕНИС. «ПУСТЬ НЕ СМОЛКАЕТ МУЗЫКА ВО МНЕ...»

вплетая ветра и травинки,
и судьбы, и лунную пыль.
Здесь в самой безликой былинке
нетленная теплится быль.
И кто-то во мне – так неясствен,
несмел, неуклюж и непрост,
глядит с вековым постоянством
в долину потерянных звёзд.

Восток

Жара... Чайный город исчез...
Как сахар, растаяли люди.
Недвижима скатерть небес,
и солнце на пышущем блюде.
В прилипших песчинках цветов,
ты – камень, застывший надменно,
ты – царственный древний Восток,
красив и жесток откровенно.
Как слёзы наложниц – роса,
рыдают о родине девы.
И стоны – твои голоса,
и – сладких мелодий напевы.
Как будто иду в тех веках
с душой несмыслёной, незрячей,
малыш мой босой на руках
и крестик на шее горячий.
И вены расплавил мне ток
слепого сердечного пыла...
О мой вероломный Восток,
как горько тебя я любила!..

Верую

В чёрные дни, и в дни серые,
И у судьбы на краю
Верую, Господи, верую
В мудрую силу твою!

Сталь проверяется битвами –
Жизнь могут беды крушить...
Но прорастают молитвами
Нежные всходы души.

Маме

Мой поезд тронул с места,
стремясь в густую мглу.
Луна кусочком теста
приклеилась к стеклу.
Мне вновь рисуют грёзы
тропинку у двора,
где мамину берёзу
баюкают ветра.
А в доме – и ватрушки,
и добрые дела.
Здесь сказка под подушкой
давным-давно жила.
Там, с мамой – как обычно,
и кошка, и покой.
А волосы привычно
испачканы мукой...

* * *

И уходя, сорочьей сплетней
трещит зима над городком.
А солнце лижет снег последний
и щёки тёплым языком.
Рассыпан свет по рощам где-то
лучами призрачных волос.
Весна у зеркала рассвета
их чешет гребнями берёз.
А в небе – журавлиный росчерк,
плывут живые письма.
И в таинстве дрожащих строчек –
Весна!..

Наш дед

Давным-давно я край
покинула пшеничный,
и письма- журавли
туда не полетят,
с высокого окна
изгиб реки привычный
не виден мне теперь,
не слышен старый сад.

Но в памяти, в саду
меж яблонь и сирени
тихонько ходит дед
под черною чадрой –
в медовую жару,
в полуденной мигрени
он в улей не спеша
жужжащий прячет рой.

Воспитывает пчел
и внуков любопытных,
по праздникам гармонь
к большой груди прижмет,
и лошадь запряжет...
И мерный стук копытный
из солнечных времен
ко мне опять плывет.

Вот снова у печи
с сестрёнкою и братом
сухарики грызем
и слушаем рассказ
о том, как на войне
служил наш дед солдатом,
и нескольких бойцов
от смерти как-то спас:
крестьянская душа
смекалкою богата,
в то время, как фашист
вокруг прицельно бьёт,
командует наш дед:
«Давай сюда, ребята!» –
и в свежую воронку
все тащат пулемёт.

И только улеглись –
вновь комья полетели,
вновь яркий куст огня
в свой краткий миг цветёт –
зияет яма там,
где только что сидели.
«Ну, дважды в цель одну
снаряд не попадёт».

Его могли убить
раз сто в той дикой бойне,

но дед наш уцелел –
дождался дом отца,
хромал, но знай шутил,
когда бывало больно:
«Корявый, но живой,
что ствол у деревца».
И вот уж деда нет,
он долго мирно пожил
в заботах о селе
в простой, и в трудный час.
И доброта его
на яблоньку похожа –
ветвится и цветет,
благословляя нас.

Ледяные часы

Сосулька растёт под карнизом,
Роняет слезу на балкон.
На лучик точеный нанизан
Сверкающий солнечный звон!
От брызг, от весеннего света
Прохожие морщат носы.
Срываются капли, и к лету
Спешат ледяные часы.
Накапливает и считает
Живые секунды весна.
Сосульку, смеясь, разбивает,
Как чашку – на счастье, она!

Рождение ребенка

Звучит волшебная октава
Сегодня в праздничной ночи.
Весь мир – и музыка, и слава:
Мой новорожденный кричит!
Малыш неопытной гортанью
Находит дивный звукоряд.
Лежу я, затаив дыханье,
Люблю его и... Всё подряд!

ЛАРИСА ЖЕЛЕНИС. «ПУСТЬ НЕ СМОЛКАЕТ МУЗЫКА ВО МНЕ...»

Дождь-шаман

Дождь шаманит, лупит в бубен –
и звенит моё окно.
Мне румяной дамой бубен
встретить друга суждено.
На пути его крестовом
битв пиковых чёрный плач.
Виснет ночь над ним покровом,
как промокший ветхий плащ.
Дух сырой оленем скачет
впереди его коня.
Короля несёт удача,
чуть подковами звеня...
По стеклу текут виденья,
карты лгут. Зря друга ждёшь!
Жизнь – вода и наважденье...
Лишь бубнит, танцует дождь.

Мороз, любовь и Рождество

Мороз царит, мороз ликует,
Мороз идёт на колдовство,
в охапку схватит, зацелует
под Новый год, под Рождество!

Он – старый хулиган, повеса,
и кажется, что навсегда
теперь я – снежная принцесса,
и даже сердце из льда!

Ну и зима...но в эту пору,
как в сказке, явится вдруг принц...
Взгляд, голос, роскошь разговора,
смешинки по краям ресниц.

И вот по сказочной дороге
летим под звонкий стук копыт.
Нам в королевские чертоги
в любое время путь открыт!

Во мне живого чувства волны,
исчез мой снег, растоплен лёд.
Из серебряной чаши полной
ночь чуда так щедро льёт.

Так совпадают лишь однажды
Мечты и Сказки торжество,
душа с душой, друг к другу жажда,
Мороз, любовь и Рождество!

* * *

Нам с мороза в ночи
Хорошо у печи.
Шепчут угли. Молчат половицы.
Погляди-ка, луна
В тесной клетке окна
Умирает озябшей синицей!
Только мне так тепло –
Встрепенулась душа.
Ты её, как синицу в ладошках,
Отогрел,
Осторожно и жарко дыша.
И оттаяло в небо окошко...

* * *

В твоих объятьях жарко спать –
я таю, таю...
Тепло отдав, тепло опять
приобретаю.
Творю собой горячий мир
твоих ладоней.
Мы ночь прожгли уже до дыр
на небосклоне.

* * *

Медовый месяц не кончается.
А может, есть медовый год?
Любовь за это не ручается –
Пусть всё идёт наоборот!
Заблудится планета пленная
В тропинках солнечных орбит,
И вдруг весенняя Вселенная
Мгновенье в вечность превратит...

МЯТНЫЙ СОН

Мы разожгли любовь в тумане
и целовались у костра.
А мир мерцал в немом обмане –
он мятным сном был до утра.
Созвездье Рыб плескалось рядом,
светился уголёк-коралл.
А ты лишь голосом и взглядом
прибрежных духов оживлял.
Меж звёзд растаяла тропинка.
Любимый, ты ушёл по ней!
Всё – сон...
Но мятная травинка
в ладони спрятана моей.

Ожидание

Провожая мечту...
Со двора суету отметаю.
То, что утром плету,
я под вечер
опять расплетаю.
Петли памяти рву,
и терпенья канву
всё латаю,
и дороги твои
в свой рисунок любви
я вплетаю.
То ли сон,
то ли мгла,
а в руках лишь игла
да холстина простая,
и надежду хранить
будет тонкая нить
золотая.

* * *

Ты, изменивший, изменился:
теперь ты, словно в перевёрнутом бинокле,
далёк и мелок.
Хотя стоишь

со мною рядом,
но расстоянье
между нами
так не равно любви!

Я больше о любви НЕ НАПИШУ

Я больше о любви не напишу,
томительной тоски не испытаю...
Теперь обычным воздухом дышу,
И где он, где пьянящий воздух рая?
А мы с тобою, Ева и Адам,
Нарушили библейские запреты.
Мы рай наш потеряли навсегда,
Познав любви высокие секреты.
Как больно падать камнем с высоты
И жить потом навеки приземлённо...
Но что за счастье – знать, как любишь ты,
И что за чудо – петь душой влюблённой!

Марине Цветаевой

Не уснуть...
Подушка мне – камень.
Или это
камень – щека?
Я свой разум чую висками
в ритме каменщика.

Тяжела, как стена, мысль:
«Марина!
Как постичь
смертельную суть –
твой укор,
твой уход лебединый,
твой к Елабуге путь?!»

ЛАРИСА ЖЕЛЕНИС. «ПУСТЬ НЕ СМОЛКАЕТ МУЗЫКА ВО МНЕ...»

О МОЕМ ОТЦЕ

Отец любил компанию, был весел,
и вспыльчив был, и много знал, умел.
Мне в детстве вместо колыбельных песен
военные, о родине он пел.

Я под «Морзянку» засыпала сладко,
и снился мне орлёнок в вышине.
А папа слёзы вытирал украдкой,
и эти слёзы проросли во мне...

О, почему отчаянно люблю я,
когда вдруг сердце просится на взлёт,
услышав с детства музыку родную?..
То папина душа во мне поёт!

Не бомбите Донбасс!

Не бомбите Донбасс – довольно!
Вся в крови ты, нелепая власть...
Мне за малую родину больно,
я в Дебальцево родилась.

Пусть давно живу в Ярославле,
но от прошлого не убегу:
я частицу Донбасса оставляю
и в себе, и в стихах сберегу.

В храм хожу к ярославским иконам,
душу лечит и Волги вода,
но донецкие терриконы
с детства в сердце моём навсегда.

...Мчим с отцом в тепловозе вместе,
огоньки терриконов горят,
льёт динамик шахтерские песни,
и они над Донбассом парят...

А сейчас под железным градом
заставляют Донбасс умирать.
Смерть тут запросто ходит рядом:
кто убит будет – сын или мать?..

Вы же люди, и вам будет больно,
не простит вас отечество, и...
Не бомбите Донбасс – довольно.
Пожалейте души свои!

9 июля 2014 г.

О ВДОХНОВЕНИИ

Пусть не смолкает музыка во мне,
морозом жарким обжигает, лечит,
и дарит наяву или во сне
с моей любовью солнечные встречи!

О, испытай такой озноб, душа,
когда без сил ты молишь о спасении
и чутко замираешь, не дыша,
пред неизбежным шквалом вдохновенья!

Альфред КУЛАЧИКОВ,
ветеран журналистики

«Как было далеко до мая...»

Порой, переживая бывшее, отец вдруг читал такие жгучие строки:

Это было когда-то давно.
Утомленное сердце
О прошлом теперь позабыло.
Это было когда-то давно.
Может быть, никогда...

И спрашивал: чьи они? Но, к сожалению я не знал автора. А отец потом опять повторял их с акцентом на последние слова. Видимо, к «никогда» он относил свою невыразимую печаль. И плакал, когда в День Победы пели «Землянку». Там, в огне под Старой Руссой, у него была своя боевая творческая Землянка.

Он ушел на войну добровольцем летом 1942 года. Помню, как нес меня на плечах от Хатынг-Юреха по жаркому полю. И качалось солнце, и внимала трава. И было далеко-далеко до фронта. И нас не разделяла война.

Отец ушел на фронт уже солдатом слова. Уже воевали его стихи: «Капитан Гастелло», «Песня снайпера», «Завет воина» и другие.

Уже новобранцы уносили с собой клятвенные слова из стихотворения «Я вернусь»: «...Средь огня – сам стану я огнем».

А нас утешала пронзительная отцовская надежда:

Не печальтесь и не плачьте, дети.
Мама, мама, осуши глаза.
Будет день еще весною светел.
Я вернусь! И будет даль ясна...

Фронт, Огонь, Землянка. Среди этих жгучих слов в письмах отца домой будто гудела земля. Как на дворе нашего дома, где мы, припадая к ней, смятенно слушали войну.

Стихи Эллы звучали как выстрелы по фашистам. Мужество и отвага слагались в подвиг, который сражался. Поэт вознес ввысь неугасимую память о подвиге в песенной оде «Капитан Гастелло» еще в роковом 1941 году:

Смерть отвагой победив,
Храбрый не умрет.
Славный подвиг совершив,
Он в сердцах живет.

АЛЬФРЕД КУЛАЧИКОВ. «КАК БЫЛО ДАЛЕКО ДО МАЯ...»

Боевая Землянка Элляя – жизнь минометчика и солдата слова. Особый минометный полк 22-ой армии держал рубежи в Старорусских полях и болотах. Тяжкими были дуэли с матерыми артиллеристами штурмовой бригады Вермахта. Но отцовский миномет «Гром» выживал и опять дрался.

Все приходилось преодолевать. Часто меняли боевые позиции «Грома». И снова – бой. И снова – надрыв до седьмого пота. Без жалости, без облегчения.

За эту терпимость, за простоту и сочувствие однополчане полюбили якутянина. В минуты затишья он прямо на передовой читал им газеты и сводки Совинформбюро, творил стихи и «Боевые листки». Всюду надо было успеть. И отец успевал. Прямо из боя выносил пережитое и отснятые «лейкой» мгновенья. Потом на ящиках из под мин писал материалы к таким же горячим фотоснимкам.

Дымилась в ранах родная земля. Бились воины у наших дорог. А рядом – еще живые цветы да березы. «Вся с нами душа Отчизны. Отстоим родники!» – ярко выводил Элляй на «Боевом листке». И сердцем слушал слова ...

Бойцы сквозь ад утверждали жизнь.

В стихотворении «Во имя завтра нашего» Элляй надеется на ее торжество:

Не вечны смерть и бедствие.

Они пройдут и скроются.

Надежду эту крепкую

В боях сковали мы.

А в песне «Соловей», как камелек души, возжигает солдатскую веру. Поэт убежден, что люди:

... в битвах врага победив,

Увидят, как веснами будут цвести

Деревья, вот здесь, где орудья стоят.

И где в ожидании боя лежат

Солдаты в окопах.

Здесь будут цвести Деревья.

Но время в атаку идти...

Возвышая дух, помогали выстоять его стихи: «Родному народу», «Красный флаг», «Во имя завтра нашего», «Соловей» и другие. Они

Народный поэт Якутии, активный участник Великой Отечественной войны С.Р. Кулачиков-Элляй.

приходили с фронта с адресом на треугольных письмах: «Полевая почта 21592=В».

И уже в 1943 году из военных сочинений Элляя в Якутске вышла книга «На защиту солнечной страны».

Следуя примеру Максима Горького, Элляй героическим словом приближал Победу. Уже с первыми салютами в честь взятых городов он слышит ее дыхание. И пишет стихотворение «Скоро праздник Победы».

Его песни сражались и вели вперед. Это зримо высказал в посвящении Элляю якутский автор Ф. Бухштейн:

И что же видим: против силы черной
Идут солдаты с песнею твоей...

Память об этом жива. Однажды в Дойдунцах ветеран войны, отважный пехотинец Егор Ноговицын поведал мне такой незабываемый эпизод. Когда лыжный десант якутян продвигался к Ильмену, у одной из опушек леса вдруг прямо к лыжне вышел Элляй. Какой радостной была встреча! Еще до войны Якутия пела песни поэта. И земляки знали его в лицо. Закурили у пенька, разговорились. Элляй прочитал свои стихи и благословил солдат на подвиг...

Там, под адским огнем на Ильмени, песни поэта помогли Егору Ноговицыну подняться. Он вырезал ножом примерзшую ко льду одежду и рванулся вперед. На еще вражеский берег... Все помнил одноногий солдат. И на его старой фронтовой гимнастерке сияла медаль «За отвагу».

Но от Ильменя и Старой Руссы было еще далеко до победного мая. И, казалось, вечность мы, четверо ребяташек (Витя, Дина, Мила да я) с мамой ждали отца. Как мама перемогала такие непроглядные хлопоты?! И дома, и на работе в больнице, и на субботах. Но перемогала. Потом по памяти, в признании «Храм рисую», я затронул ее состояние души:

...Помню: в голод за нас вздыхает,
А в глазах – колокольный звон.

И, как с небес, мама несла нам тепло спасения. Бывало, поделит между нами скудный военный паек и раскроет письмо со стихами отца. Помолчит... И вдруг улыбнется таким тихим светом надежды: «Вот пишет, опять пишет. И значит – выживет».

Мы все тяжело выживали. Зимой наш дом промерзал. Из всех углов на нас глядела война. Мы холодали и голодали. Но вместе с мамой тоже, как могли, пилили и носили дрова для топки. И снова у остывающей печи читали, рисовали, писали письма отцу. И ждали, ждали...

Как было далеко до мая
И как безвыходно почти ...

Эти строки я написал по воспоминаниям в стихотворении «Возвращение отца». Чтобы

вернуться, он выживал всю войну. Порой в ожидании за тихой свечой мне мнилось поле, по которому отец ушел на фронт. Далекое и близкое. Как встреча разлуки. И, может, по божьему провидению в такой же теплый день мне снова выпало побывать там. Меня и русскую девочку в синей одежде привели туда воспитательница нашего детсада и два молодых американских летчика. И качалось солнце, и внимала трава ...

Американцы были добры. Сфотографировали нас и угостили неведомым нам лакомством – пастилой. А на прощанье подняли девочку и меня высоко над собой, к небу. Чтобы мы навсегда запомнили это поле. Завтра же пилоты улетали на фронт. С помощью нашим отцам ...

А землянка Элляя наполнилась жаждой Победы и возвращения. Его ждал дом наших мук и надежд... Однако возвращение оказалось таким тревожно-нежданным. Донесся слух: на пересылочном эвакуационном пункте в Алдане умирает Элляй. За ним срочно на самолете отправился врач Александров с помощниками... И вот с мороза два дюжих мужика внесли на кухню совсем исхудавшего, чуть живого отца в черной телогрейке. Его голова была забинтована, а ноги волочились по полу. Между нами замерла тишина.

Мама мучительно снимала прикипевшие к телу бинты и солдатскую одежду. И слезы тихо катились по ее щекам. Все мы в смятении молчали. Прямо в меня горели глаза отца...

В своем стихотворении по воспоминаниям я попытался через эти горячие глаза передать его возвращение в мою детскую душу. Вот несколько строк из пережитого:

Там, снова той дуэли след,
Где «Гром» накрыло ошалело...
Один остался: мочи нет.
Вся кровью кровь перекипела.
Четыре шага, пятый – в снег.
Я вижу каждый шаг в тумане.
Отец оглохший, чуть живой
В рубашке белой машет маме.

АЛЬФРЕД КУЛАЧИКОВ. «КАК БЫЛО ДАЛЕКО ДО МАЯ...»

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

И я в тумане, сам не свой.
И не могу. Слеза стекает
По сердцу прямо в тишину.
Молчу, как пятый шаг, в снегу.
И задыхаюсь, задыхаюсь...

Маме сказали, что отец вряд ли выживет.
Тогда она под наблюдением врачей взялась
сама лечить его дома.

Кухня пропахла больницей. Долго мама
выхаживала отца по мукам. И все-таки ему
полегчало. Как мог, стал читать первые книги.
Как мог, вслушивался в радиопередачи с его
стихами.

Отец медленно возвращался к себе, в поэ-
зию. Порой казалось: не выйти из круга потерь.
Тогда, чтобы опять собраться, он уходил в чте-
ние и ремесла. Любовно мастерил табуретки,
мутовки, курительные трубки, рукоятки для
ножей. И так удивительно радовался за понра-
вившуюся кому-то поделку: «А-а! Тоже душа!»

А какие миры ожидали нас в шедеврах от-
цовского чтива! Бери и вдыхай. «Одиссея» и
«Илиада», «Сказки» Пушкина и «Рассказы»
Тургенева, «Калевала» и «Витязь в тигровой
шкуре».

Мы тянулись к ним. И я читал все лучше да
больше... Это отец открыл мне великие книги.
Это у него я постиг смысл чтения. От него пере-
нял терпимость к тяготам жизни и жажду най-
ти свое дело.

Мы вместе пережили Войну. Отец вынес из
нее свою Землянку. И вернулся домой к себе, в
поэзию. Как светился его взор, как горели гла-
за, когда пришла Победа! Туда, на солнечную
улицу, под перекатную гармонь так зазывали
солдатские сапоги. Кавалер орденов Славы
дядя Вася на чурочках чеканил пляс. И ширил-
ся праздничный круг. И плакалась радость без
края. И на душе был май, который мы ждали
всю Войну.

Светлана ФЁДОРОВА

Дети СССР

(Отрывок из повести)

Рабочий городок

Первый год учебы отец жил в общежитии при Совпартшколе, а мы с мамой – в Рабочем городке в квартире папиного старшего брата, дяди Василия. Дядя Василий работал столяром-плотником в речпорту, имел золотые руки краснодеревщика и одним из первых получил трёхкомнатную квартиру в центре Рабочего городка, застроенном новенькими ведомственными двухэтажными домами Ленского речного пароходства. Напротив нашего дома был Рабочий базар, в котором торговали круглый год сельхозпродуктами, а также различными вещами – новыми и поддержанными: одеждой, обувью, утварью, посудой. Жизнь на базаре кипела с утра до позднего вечера. Кого только тут не было! Дети, старики, домохозяйки, цыгане, гадалки,

портовские грузчики в непомерно широких сатиновых штанах, чистильщики обуви, разного рода мастеровой люд (часовщики, столяры, фотографы, гармонисты, точильщики) составляли постоянный контингент на рынке.

Это был настоящий рабочий город! Овощами, в основном, торговали китайцы и корейцы, которые издавна обосновались в районе Даркылаха, мясомолочные продукты завозились колхозниками из окрестных и заречных сел. Война тогда недалеко ушла от нас. На базаре много было нищих, среди которых выделялись фронтовики-инвалиды без рук-ног на низеньких самодельных досках с колесами. Народ, сам нищий и бедный, подавал им милостыню, и, как правило, к вечеру они были пьяненькими. Но в моей памяти ничего плохого, жестокого о них не сохранилось. Детская память цепкая, если было б что-то, я

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

бы запомнила. Народ вообще был тогда милостивый, жалостливый, общая беда объединила всех, и все как бы жили по принципу «Один за всех и все за одного».

Улица Лермонтова, где стояли дома речников, была вымощена деревянными листовыми чурками, и по ней цокали копытами лошади водовозов и перевозчиков. Рядом с нашим домом стоял 7-ой магазин, продуктовый, и мимо нашего двора с утра до вечера сновал народ. Казалось, что жизнь затихала совсем ненадолго только на ночь.

Во дворе стояли два дома – наш одноподъездный (четырёхквартирный) и второй двухподъездный (восьмиквартирный). У каждого дома были добротные бревенчатые амбары с подпольем, запирающиеся тяжелыми навесными замками, и палисадник с деревьями и цветами летом. Для детворы были песочницы, для взрослых – возле каждого подъезда скамеечки, на которых летними вечерами очень любил сиживать дядя Василий. Воду набирали на колонке ведрами, которые носили коромыслами на плечах взрослые. У нас для воды была большая железная бочка (общая для всех обитателей квартиры), стоявшая у входа на кухню, которую обычно заполняли водой дядя Василий или наш отец. За хлебом – белым и черным и сайкой (так тогда назывались батоны) – бегали в отдельный магазинчик за углом.

Возле 7-го магазина всегда продавали серу в банках с водой. Серу (или самодельную жвачку) доставали из банки ложечкой или палочками. Продавцами серы, кроме бабушек, были также подростки: девочки и мальчики. Я запомнила мальчика лет 13–14, у которого иногда покупала серу. Через много лет в 1970-ом году я встречу этого мальчика на крайнем севере Якутии. При случайном разговоре со старшим геологом Полоусненской поисковой партии, где я проходила преддипломную практику, выяснится, что это тот самый мальчик, у которого я не раз брала серу. Володя,

этот выросший мальчик, расскажет мне, что отец погиб на фронте, у матери на руках остались еще две сестренки. Была у них корова-выручалочка. Он, как старший, во всем помогал маме, пас корову на Зеленом лугу, молоко шло и на еду и на продажу.

В нашем дворе все хорошо знали друг друга. При ежедневных встречах привычным было говорить всем взрослым и детям «Доброе утро!», «Добрый день!» и «Добрый вечер!» Все были в курсе событий, происходящих в семьях из этих домов. Если что-то «выкидывали» в магазине из еды или товаров, немедленно оповещались все квартиры, засылались свои для занятия очереди, чтобы никто не остался неотоваренным. Дети не только нашего двора, но и всего квартала речников дружили меж собой, ссорились и мирились. Играли в прятки, классики, скакалки, в казаков-разбойников.

Помню, как иногда весной или летом во двор входил точильщик ножей и зычным голосом зазывал: «Точу ножи-ножницы, пилы-топоры-лопаты!» К нему из двух домов высыпал народ, а мы, детвора, вертелись возле его наждачного круга, установленного на треноге, и наблюдали за процессом заточки.

В доме дяди Василия мы занимали большую комнату, семья дяди Василия – смежную, поменьше нашей. Была еще одна маленькая угловая, в которой квартировала молодая бездетная семья – улыбчивый веселый дядя Коля и его жена-еврейка (имя позабылось), к ним часто приходил брат жены Моня, подросток 15–16 лет. У дяди Василия было тоже трое детей – Валера, старше меня на год, Сеня, младше нашей Лины на год и младшая Света (она старше нашей Наташи на год, но Наташи еще не было, она родится здесь только через год). Вечерами после ужина все обитатели квартиры обычно собирались на общей кухне, где стояли два обеденных стола, и затягивали различные жизненные истории, которыми я заслушивалась. В семье дяди Ва-

силия жила еще бабушка, мать его жены тети Майи. Тетя Майя была маленькой и хрупкой, но на самом деле сильной физически женщиной, работавшей няней в детском саду речников.

Сеня и наш Володя посещали этот детский сад, круглосуточный, и их приводили домой только на воскресенье (тогда была шестидневная рабочая неделя). Также только на воскресенье приезжал из своей школы наш папа. Вместе с нами жила младшая сестра нашей мамы Еля. Её с пяти лет воспитала наша мама, и она, по сути, была старшим ребенком в семье, а значит – нам сестрой. Мы все звали ее Эдьий¹. Еля в юном возрасте, сразу после окончания десятилетки (а училась она блестяще, особенно по точным наукам, как говорила мама), заболела туберкулезом, перенесла тяжелую операцию (такие операции тогда впервые проводились в Якутии) и стала инвалидом. Она часто ложилась на лечение, а когда бывала дома, присматривала за нами.

В семье дяди Василия за детьми присматривала их бабушка. Она курила трубку, которую набивала листовой махоркой. Листья этой махорки она нарезала на столе ножом, потом насыпала табачное крошево в кисет-мешочек. Табак был, видимо, крепчайший, пахучий, на кухне, где она курила, около нее витали клубы дыма. Так как мои родители не курили, меня одолевало любопытство: как это курить? Когда бабушка закуривала, я, как правило, крутилась возле нее, стараясь ртом ловить клубы дыма. Бабушка, видя это, иногда с улыбкой протягивала мне свою трубку, и я делала затяжки. Но любопытство у меня вызывал не сам процесс курения, а, скорее всего, сама трубка – она была фарфоровая, с синими цветочками, и мне было интересно ее разглядывать и держать в руках. Но вскоре интерес к курению у меня пропал, и бабушка благополучно курила сама по себе. Что интересно, кроме нее в доме не курил

¹ Эдьий – старшая сестра (якутск.).

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

никто: ни мои родители, ни дядя Василий, ни тетя Майя.

В квартире, кроме жилых комнат и кухни, были: коридор, казавшийся мне просто огромным, комната для умывания и кладовая комнатка. Мы, ребятня постоянно играли в коридоре, где стояли большой, окованный железными полосами, мамин сундук и вешалка для верхней одежды. Бежали по коридору, который мне казался бесконечно длинным. Каково же было мое удивление, когда я уже семиклассницей приехала в город из района, где мы тогда жили, к дяде-Васиным и увидела, что коридор-то маленький! Это мы переросли его, и кончилось безмятежное детство...

По воскресеньям мы с мамой ходили в баню, которая находилась недалеко от нашего дома (ныне на этом месте находится городская стоматология). Так как народу в бане собиралось много, меня всегда отправляли пораньше занимать очередь. Там, в ожидании очереди, мы знакомились с другими детьми, играли с ними. Баня была одноэтажная, деревянная, с высоким крыльцом. Возле входа в женский зал висела огромная картина с изображением пруда и красавицы русалки. Эта картина в золоченой раме – настоящий кич! – очень нравился посетителям. А у мужского зала висела тоже огромная репродукция картины И.И. Шишкина «Утро в сосновом бору» с четырьмя мишками.

У нас и у дяди Василия часто останавливались земляки, которые приезжали в город на лечение или по другим делам. Обычно зимой у дяди-Васиных бывали колхозники из села Уорга. Они привозили мясо для продажи, заносили его с улицы, отогревали и рубили на части прямо в коридоре. Я всегда с любопытством наблюдала за этим процессом, и в конце рубки мне всегда перепал кусок мяса – сэмсэ (по-якутски). Этот кусок, небольшой, граммов в 400–500, я отдавала маме.

А у нас обычно останавливались друзья ро-

Документальная проза

Якутск. Первомайская демонстрация. 1950-ые годы.

дителей из Немюгюнцев – дядя Афоня и тетя Агаша, также бабушка Даайыс. Дядя Афоня приезжал по служебным делам, а тетя Агаша и бабушка Даайыс – продавать яйца или замороженное кругами молоко. Иногда тетя Агаша варила яйца на продажу у нас на кухне. Но, самое удивительное, они никогда не угощали нас, детей, этими яйцами. Видимо, нам хотелось яиц, так как я помню, как тетя Агаша с досадой как-то сказала мне: «Тоойуом (обращение к ребенку, принятое у якутов), эти

яйца на продажу...», после чего я получила взбучку от Эдьийи Ели и перестала крутиться возле яиц.

Продавалось все это – и мясо, и яйца, и молоко – на Рабочем базаре.

Думаю, что я обращала внимание и на мясо, и на яйца не только из чистого любопытства, и взрослым это было заметно. Дело в том, что в начале 50-ых годов население страны, в том числе и наша семья, жило очень скромно, если не сказать бедно. Но

Якутск. Наводнение в Залого.

слово «бедность» никогда не употреблялось в нашей семье, и видимо, поэтому, ни тогда, ни позже, ни у меня, ни у других детей в нашей семье не было синдрома нищеты. Мы выросли с убеждением, что в Советском Союзе нет бедных и все равноправны во всем. Мы не ощущали себя в чем-то обделенными, худо одетыми, чего-то лишенными. Но мы жили на стипендию папы и маленькую зарплату мамы, которая работала корректором

в книжном издательстве. В то время семья ждала прибавления – в октябре 1953 года у нас родилась Наташа. Питались мы скромно (Володя не в счет, он находился в круглосуточном детском саду, в котором, конечно, было совсем другое питание), сладости видели лишь по праздникам. Частенько перед самой зарплатой нам с Линой по утрам на завтрак Эдьий Еля давала кусок хлеба и ставила кружку черного чая без молока. Молоко

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

было для младшей Наташи. Мы знали, что это конец месяца, и пока родители не получат зарплату, не будет ничего другого. Нас это не напрягало, я не помню, чтоб мы были когда-нибудь голодны, мечтали или вели разговоры об еде. Никогда этого не было. Я знала, что есть зарплата, с которой с расчетом на месяц покупаются мясо, масло, молоко. Мы просто не были избалованы, к нам относились как к равноправным членам семьи, и мы научились делить все радости и тяготы со всеми вместе – от нас у взрослых не было никаких секретов.

Дядя Афоня был мужем младшей сестры тети Агаши Шуры. У него была очень мягкая интеллигентная манера общения, в том числе и с детьми. С моим отцом, по рассказам, они подружились сразу, как только познакомились: оба фронтовики, прошедшие всю войну от начала до конца, оба женились после войны, они были похожи внутренним складом ума и характерами, и оба были заядлыми охотниками. К сожалению, дядя Афоня, один из немногочисленных близких друзей моего отца, которого уважали все не только в Немюгюнцах, но и вообще в районе, умер, когда я училась в 5-ом классе. Мы тогда жили в Чурапче, и я видела, как тяжело это известие воспринял мой отец, как он переживал (молча, без всяких слов) потерю друга!

Тетя Агаша, тетя Шура – это подруги детства и юности мамы, втроем они поддерживали друг друга всю жизнь.

Отец также дружил с Николаем Алексеевичем Ермолаевым, офицером-фронтовиком, еще до Финской войны окончившим в Якутске Национальную военную школу. Дядя Николай, дальний мамин родственник (их отцы были двоюродными братьями), по общему образованию учитель, рафинированный интеллигент, работал главным редактором районной газеты. Был хорош собой: высокого роста, светлокожий, светловолосый, светлоглазый, всегда с иголочки одетый. Он очень хорошо относился к моим родите-

лям, старался всегда поддерживать близкие отношения, сводил нас со своими детьми. У него была одна дочь Надя, моя ровесница, и пятеро сыновей, все младше Нади. Жена, бывшая учительница, сидела дома с детьми. Мы часто бывали у них в Покровске. Именно дядя Николай, когда мы подросли, старался просветить нас в отношении наших корней, но в юности, в те дальние 60–70-ые годы не принято было в этом копаться, и я как-то не проявила интереса к его попыткам рассказать о нашей родне. Теперь об этом жалею. Дядя Николай умер от рака, когда мне было за тридцать лет. Из его сыновей Коля (третий по счету ребенок в семье) сделал партийную карьеру, был мэром Мирного, вице-президентом ЗАО «АЛРОСА», руководителем Представительства Якутии в Москве, к сожалению, скоропостижно скончался вначале 2000-ых гг. в Москве. Его супруга и два сына живут в Москве.

Постоянно с ночевкой на выходные к нам в Рабочий городок приезжал на мотоцикле с коляской дядя Дима, родной брат тети Агаши и друг папы. Дядя Дима занимал высокую должность в КГБ, носил военную форму (он был кадровым военным, прошел и Финскую, и Отечественную). Высокий светлокожий сахаляр (метис), он был очень хорош собой. Мама постоянно ласково подшучивала-подтрунивала над его красотой и отправляла в магазин за продуктами, говоря, что ему всё дадут без очереди, так как, завидев его, все продавщицы впадают в ступор. Подолгу за полночь они с папой засиживались за столом, и так было всегда, пока дядя Дима с женой и маленькой дочкой не выехали за пределы Якутии. Жена у него была русская, дочь военачальника. Не говорилось об этом открыто, но мне почему-то запомнилось, что их успешный выезд был связан со служебным положением его тестя, что также отразилось и на дяди-Диминой карьере. Это сейчас понятно, что сложная обстановка в стране прош-

лась по судьбам тысяч таких, как дядя Дима, как братья и отец моей мамы.

Также к нам в Рабочий городок посреди зимы прямо ночью приезжала тетя Таня, подруга моей мамы, с детьми – дочерью Катей, школьницей младших классов, и маленьким сынишкой Толей двух лет. Она приезжала после семейной размолвки с мужем, прокурором то ли города, то ли республики (точно не помню), оставалась у нас на две-три недели и также внезапно уезжала – после примирения с мужем. Так было два или три раза на моей памяти. Днем тетя Таня уходила на работу, Толик посещал где-то в городе ясли. Катя ездила в школу в центр из нашего Рабочего городка. Нынешний муж тети Тани приходился Кате отчимом. Первый муж тети Тани (Катин отец) был коллегой мамы: он работал прокурором, она – нарсудьей в Чурапчинском районе (он умер там из-за тяжёлой болезни).

Как-то раз Катя, вернувшись из школы, сразу спросила меня, есть ли у меня книжки с портретом Берия. На мой вопрос, кто это, она с самым серьезным видом объяснила, что это «враг народа», что это он убил Сталина, и показала свой учебник со страницей, где зияла дыра: «Вот здесь был портрет Берия, мы в классе его вырезали и порвали». Я пишу все это, чтоб показать, какими простыми были люди в те трудные послевоенные времена. Никого не удивляло, что в одну комнатку приезжает еще одна целая семья без всякого предупреждения и живет в ней столько, сколько это необходимо. Всеми это воспринималось естественно и по-другому быть не могло. Может, еще и поэтому страна и народ выстояли и дошли до нынешних времен, что помогали и поддерживали друг друга, не задумываясь об этом?

Глядя на то, как мои родители дружили, мы научились ценить дружбу, сохранять своих друзей на протяжении всей своей жизни.

Когда приезжали друзья родителей, все допоздна засиживались за столом и вели бе-

седы. Я очень любила слушать эти разговоры взрослых о прошедшей и настоящей жизни.

Алька

Это была первая подружка моих детских лет. Девочка с воздушными волосами пшеничного цвета и с широко распахнутыми голубыми глазами, похожая на живую куклу. На ее голове всегда был повязан большой нарядный бант. Мы были ровесницами и совершенно неразлучными. Их семья жила над нами на втором этаже, и день начинался с того, что ко мне сверху спускалась Аля и звала меня во двор играть. Она была единственным ребенком у папы с мамой и бабушки, но ей нередко приходилось считаться с тем, что у меня, у старшего ребенка в семье, были свои обязанности. Наипервейшей моей обязанностью был присмотр за Линой, которая, как нитка за иглой, всюду следовала за мной, а значит, и за Алей и другими ребятами во время наших игр. Младшая по возрасту, она не могла полноценно участвовать в них, и частенько игра для меня заканчивалась тем, что Лина, которая не могла за нами поспевать, усаживалась с ревом прямо на землю. Я, быстроногая, обычно бегущая впереди ребят, почувствовав, что Лина отстала, бросив игру, непременно возвращалась к ней. Так было всегда. Также я присматривала за маленькой грудной Наташей, пока она не засыпала на своей деревянной кровати на качающихся ножках-полосьях. К счастью, Наташа была очень здоровым и спокойным ребенком и не доставляла мне хлопот своим плачем.

Алькин отец, дядя Ваня, был капитаном речного флота. Летом периодически он уходил в плавание, помню, как он в черной форме речника с маленьким чемоданчиком в руке выходил из подъезда и шел к калитке. Увидев его, мы с Алькой подбегали к нему. Он останавливался, расспрашивал нас о том

Документальная проза

Якутск 50-ых.

о сём. Со мной он всегда говорил серьезно, как со взрослой. Последний наш разговор состоялся, когда я училась в подготовительном классе, мы жили уже в центре города в общежитии при Совпартшколе. Мама меня отправила с зайцем, добытым отцом, к дяде Васиным (дело было в конце октября), и я с черной продолговатой хозяйственной сумкой из дермантина (были тогда такие), в которой лежал разделанный заяц, вошла через калитку во двор. Было около 5 часов вечера,

во дворе никого. Навстречу по деревянному тротуару (а во дворе были аккуратные деревянные дорожки, за которыми очень следил дядя Вася) шел дядя Ваня. Я поздоровалась, он, как всегда, остановился, справился о родителях, о детях, а потом спросил, как я учусь, какие у меня отметки. Я ответила, что учусь хорошо, что у меня «пятерки». А он как-то очень грустно, с досадой, каким-то таким странным голосом сказал: «А у Альки плохи дела! Она плохо учится. Одни «двойки!» и

Якутск. На улице им. Е. Курашова. 1949 г.

пошел со двора. Я проводила его взглядом и в каком-то смятении зашла к дяде-Васиным.

С переездом в центр города я перестала бывать в Рабочем городке. Конечно, этому способствовали зимние холода (а маленькую девочку после школы не отпустишь в темень одну), занятость родителей да и моя своеобразная занятость – ведь я после школы по-

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

прежнему присматривала и за Линой, и за Наташей! А летом после школы меня, Лину и Наташу вместе с Эдьий Елей на все лето отправляли в Немюгюнцы на родину мамы. Так мы с Алей и потеряли друг друга.

Встретимся мы через много лет в 2002 году на похоронах тети Майи, вдовы давно уже покойного дяди Васи. Семья дяди Васи

Документальная проза

со всеми своими детьми всю жизнь прожила в этом доме! Все соседи из этого дома уже переехали в новые каменные дома, их выросшие дети разлетелись кто куда, а они, скромные работяги, все оставались и оставались в этом доме. И до этого, конечно, я изредка приходила сюда, в ставший таким маленьким двор! И каждый раз я заходила сюда с замиранием сердца, словно навстречу своему детству! И двор, и его обитатели, которых, с каждым моим приходом оставалось все меньше, были мне дороги. Дома стали ветхими, первые этажи домов весной стало заливать талой и дождевой водой. Жители, как могли, старались благоустроить свои жилища: поднимали полы, провели централизованное водяное отопление, но удобства по-прежнему были во дворе. Смерть тети Майи собрала всех выросших детей двора.

О тете Майе следует сказать отдельно. Очень маленькая ростиком, худенькая женщина, мать пятерых детей (после нашего переезда из Рабочего городка у дяди Васи и тети Майи родилось еще двое детей – дочери Таня и Лида), всю свою жизнь до выхода на пенсию проработала нянечкой в детском саду речников. Из-за своего маленького роста, маленьких рук и ног носила детские девичьи пальто, детские же ботиночки и валенки. Но на ней это не выглядело смешно, а было органично, как-будто так и надо. Я никогда не обращала внимания на ее внешность, но если вдуматься – ведь она была красавицей от природы! Белокожая, с черными густыми сильно вьющимися волосами, которые она заплетала в косу (уже жиденькую в конце жизни) и заводила через голову «в веночек» (как у Тимошенко, скандального премьера Украины), с большими, горящими живым огнем умными глазами и внимательным взглядом.

Чрезвычайно чистоплотная, хозяйственная, умеющая и хорошо готовить, она в совершенстве владела тонкостями и русской, и якутской кухни. Абсолютно безграмотная

(ни дня не проучившаяся в школе по объективным жизненным причинам – сиротство, раннее замужество, война, дети, работа ради хлеба насущного), она вместо подписи ставила крестик. Всю жизнь с юности прожив в городе, она так и не научилась правильно говорить по-русски, что, впрочем, ей абсолютно не мешало общаться. Разговаривала она на смешанном русско-якутском, может быть, якутско-русском языке одинаково и с русскими, и с якутами, притом никогда в жизни она не употребляла матерных слов (что характерно, матерные слова не употребляли ни дядя Вася, ни мой отец, прошедший всю войну, ни тем более моя мама). Возможно, поэтому, никогда в жизни я даже мысленно не произнесла ни единого матерного слова! Мне это просто не приходило и не приходит в голову! Тетя Майя одна, после раннего ухода дяди Васи из жизни после тяжелой болезни (рака), подняла детей на ноги. И ушла сама тихо, незаметно, никого – ни своих детей, ни чужих людей – не побеспокоив, после непродолжительного недомогания зимой, вскоре после нового 2002-го года.

Все дети – и свои, и чужие, и дворовые, и детсадовские – тетю Майю любили, все дети двора прошли через ее руки, многие, если не все, ходили в детский сад, где работала тетя Майя. «Тетя Майя, тетя Майя!» – с таким возгласом дети кидались к ней, едва завидев ее где-либо: на улице, во дворе, магазине. На похороны собрались все ее «подопечные», у которых по-разному сложились судьбы: были начальники разного калибра (и высшего, и низшего), обычные служащие, рабочие, продавщицы, учителя, словом, люди самых разных профессий. Была Тамара с нашего двора, спившаяся, неработающая, перебивающаяся случайными заработками, но на похороны явившаяся трезвой и с восемью красными гвоздиками, выпрошенными ею на Крытом рынке, который обосновался на месте старого Рабочего базара.

Большинство уж сами стали дедушками и бабушками, но тетя Майя своей смертью объединила всех вместе, на краткий миг вдруг как бы вернувшихся в детство. Здесь все были по-прежнему на равных вне зависимости от социального и служебного положения, никому в голову не приходило кого-то выделять только потому, что он стал большим начальником, все обращались друг к другу по именам, как тогда в детстве. Атмосфера за поминальным столом была абсолютно семейной, дружеской, необычайно теплой, каждый и все вместе вспоминали детство, наш двор, дворы соседские, все помнили друг друга и говорили, говорили, говорили... Не уходят дворовые друзья... И доброе имя тети Майи витало за этим дружеским столом, и щемило сердце от доброты и нежности воспоминаний, и казалось, что мы опять вернулись в те далекие 50-ые, и ничего не изменилось вокруг...

Альку я узнала не сразу и, видимо, не узнав, прошла мимо. Раздевшись, я сразу спросила:

– А Аля здесь?

– Конечно, она там, в маленькой комнатке.

Войдя в маленькую комнатку, в которой когда-то жили молодые квартиранты Николай с супругой, не сразу признала в поднявшейся мне навстречу щуплой бледной женщине свою Альку, капитанскую дочку. Передо мной была блеклая, битая жизнью, бедно одетая женщина с выцветшими глазами. За ее внешностью, усталым взглядом угадывалось непростое и не очень счастливое прошлое. Мы сели, взявшись за руки, и молча смотрели друг на друга. Прошло столько лет, но это молчание не было тягостным ни для меня, ни для нее! У нас у обеих давно уже не было родителей, обе разведенные, и бывших мужей тоже не было в живых. Мы заговорили обе сразу, потом замолчали, и теперь уже я стала расспрашивать Альку о ее незнакомой мне прошлой и настоящей жизни.

Мы проговорили все время, пока народ собирался в ожидании панихиды, потом вместе ехали на кладбище, сидели рядом на поминках. И я, конечно, узнавала свою тогдашнюю смешливую, задиристую Альку, хотя видела её перед собой уже не только повзрослевшую, но и постаревшую. Много всякого выпало ей в жизни, но вот к нашей встрече она вышла из той своей жизни битой, но – нет, не сломленной, уставшей, но еще готовой жить ради своей 8-летней внучки! Как тогда в детстве, она плача припала к моему плечу, но плач её был не детский тогдашний, а беззвучный, но не тяжелый, а облегчающий душу. Я вспомнила тетю Пану, Алькину маму, полную, грузную, всегда хорошо одетую женщину, пахнущую духами «Красная Москва». Она была доброй, ласковой, никогда ни на кого ни разу, в моей памяти, не повысила голоса. На поминках за столом стали вспоминать, как мы бегали встречать дядю Ваню с его рейсов, как вся детвора поднималась по трапу по его зычной капитанской команде в рупор: «Всем наверх!» Как он нас привечал в «кают-компании» (так он нас приучил называть столовую на пароходе) за белым нарядным столом, как приветливо угощала нас выпечкой и компотами буфетчица с белым передником!

Во главе стола в белом капитанском мундире восседал дядя Ваня и вел с нами (дошкольниками!) разговоры: кто кем будет, когда вырастет; кто, как вел себя во время его отлучки; кто чему новому научился или что новое хорошее узнал в этой жизни. О, эти разговоры-расспросы, эти улыбающиеся глаза дяди Вани, его доброе внимание абсолютно ко всем и к каждому, мне, оказывается, запали навсегда в душу! Аля всегда сидела по его правую руку, а я – слева. Альку всегда наряжали к приезду дяди Вани: новое нарядное платье, новые туфельки и огромный красивый бант на выющихся пшеничных волосах! Остальные были одеты кто во что, но, в основном, дети речников, по тем мер-

Документальная проза

кам, были всегда хорошо одеты, в отличие от нас с Линой (это я понимаю сейчас, но где-то ощущала и тогда по случайным взглядам взрослых). Дядя Ваня никогда не делал различий за столом между Алькой и остальной ребятней: всем все поровну – и распросы, и конфеты, и кое-где и замечания поделом.

Вот такой встречи, по-настоящему душевной, я больше не припомню в своей жизни. Все говорили, говорили много доброго с благодарностью о тете Майе, дяде Василии. «А помнишь...», «А помнишь...» звучало наперебой за этим поминальным столом.

Алька сидела рядом, улыбалась, часто касалась рукой то моего плеча, то моей щеки и говорила с грустью: «Свет, мне все кажется, что ты сейчас встанешь и, как в детстве, полетишь куда-то, а мы все за тобой. Ты была такой быстроногой, неутомимой, была гораздо на выдумки, игры. Да и переиграть тебя было нельзя!»

А я вспомнила, как она однажды зимой притащила огромный оранжевый апельсин, и Эдьий Еля на кухонном столе делила его на дольки на всех детей нашей квартиры. Это был первый «живой» апельсин в моем детстве, и вкус его до сих пор на моих губах...

Немюгюнцы

Два лета подряд перед моим поступлением в школу мы с Линой и маленькой Наташей провели в Немюгюнцах. Нас туда родители отправили во главе с Эдьий Елей.

Мама перед нашим отъездом наставляла меня, чтобы я уважительно вела себя со всеми взрослыми (знакомыми и незнакомыми), внимательно слушала, когда они будут разговаривать с нами, обстоятельно и четко отвечала на задаваемые вопросы, была с ними приветлива, вежлива и всегда первой с ними здоровалась. Такие наставления мы, дети, получали и в дальнейшем, когда уже школь-

никами отправлялись в какие-либо поездки. Но никогда в этих наставлениях не звучало: «Ешьте там хорошо, кушайте побольше!» Во главу угла мама всегда ставила отношения с людьми.

Тут следует сказать, что в Немюгюнцах мне как раз не удавалось первой приветствовать взрослых. Дело происходило так. Я иду одна по тропинке, вдали показывается человек, и останавливается, заметив меня. Он ждет, пока я подойду, так как идет не прямо мне навстречу, а стороной. Я схожу со своего пути и направляюсь к ждущему. Подхожу и не успеваю поздороваться, так как взрослые – дважды это были мужчины старше моих родителей и дважды или трижды молодые женщины – первыми здороваются со мной и начинают разговор. Спрашивают, как меня зовут, сколько мне лет, откуда и к кому я приехала, кто мои родители, где и кем работают, сколько детей в семье и, обязательно, какие новости я могу им рассказать. В конце беседы они очень тепло прощались и передавали приветы деду с бабушкой, называя при этом свое имя. Разговор велся всегда неспешно и в уважительном тоне ко мне, незнакомому ребенку 6–7 лет! И ведь это происходило не где-нибудь в дальней глубинке республики, а в деревне, совсем недалеко расположенной от города.

В Немюгюнцах мы оказались у деда Иннокентия и бабушки Даайыс, родственников по материнской линии. Дед Иннокентий – это родной дядя нашей мамы.

Дом, в котором жили дед с бабушкой, стоял отдельно от деревни Ой², примерно в 1,5–2 км на отшибе. Прямо за домом лужайка, за ней лес и засеянная пшеницей пашня. На этой лужайке множество цветов, летают бабочки, включая махаонов. Я, городской ребенок, вырвавшись на волю, набросилась на цветы и бабочек. Цветы я поставила в банку с водой на подоконнике, к великому огорчению деда.

² Ой – село в Немюгюнском наслеге.

Дед, увидев эти сорванные цветы, мягко, с искренним сожалением сказал:

– Они же погибли через день-два. А так они бы цвели-жили, они же тоже живые.

Но я продолжала собирать свежие букетики и ставить их на подоконник.

У деда во дворе стоял бревенчатый якутский амбар, в конце двора – хотон для коровы, был также огород под картошку. Кроме коровы у стариков были бык и лошадь. Быка запрягали в телегу, на котором была укреплена железная бочка-водовозка. Раз в неделю дед привозил в бочке воду с протоки Лены. Я научилась ездить верхом на этом быке, и дед всегда брал меня в поездки по воде. Однажды, усаживаясь на быка, я неловко его задела, и от неожиданности он меня легонько лягнул. Я тут же оказалась на земле и, вставая, увидела, как дед спрятал свою улыбку в бороду. Видимо, картина была очень смешная. Мне совсем не было больно, но вот эта улыбка меня очень задела, и я заревела от обиды. Дед поднял меня с земли, усадил на быка, а я все плакала. В конце-концов дед с досадой сказал:

– Ну, что ты плачешь? Ведь он лягнул-то совсем не больно!

Я заревела пуще и сквозь слезы высказала, что мне обидно оттого, что ты, дед, смеешься над чужой болью.

– Ну, ладно-ладно, – засмутился дед искренне, и мне этого хватило, мы помирились.

Как-то в один из жарких летних дней дед повел нас на родовое кладбище через лесочек. Гудели и кусались комары, и я с треском отломила ветку у лиственницы. Дед живо обернулся, подскочил к дереву, погладил его и горестно произнес: «Ну, что ты сделала! Ведь дерево живое и ему больно!» Я виновато: «Комары...» Дед показал на махалку, свисающую с пояса: «Ну, что теперь, дело-то уже сделано, обмахивайся своей веткой!» – и отвернулся от меня. Больше никогда я не ломала деревья.

Вообще дед был очень мягким, покладистым в быту и жизни. Верховодила в доме, заведовала бытом и вообще устройством жизни бабушка. Дед полностью во всем ей подчинялся и ни в чем ей не перечил. У деда была очень колоритная внешность. Высокий тонкий нос с горбинкой, глубоко посаженные ярко-карие глаза, волнистые волосы и огромная густая длинная борода – все это выдавало в нем метиса (мама рассказывала, что ее родная бабушка была русской по происхождению, а значит, её отец и вот этот дед были самые настоящие сахалыры). К слову, всегда на колоритную внешность деда обращали внимание фотографы, когда он приезжал к нам в город и выходил на улицу. Ему не нравились их приставания. Помню, в 1967 году дед убежал от какого-то известного фотохудожника (фамилию не запомнила) и забежал в квартиру, а тот – за ним. «Ну, он же летом меня достал на ысыахе, и опять!» – пожаловался дед, но все закончилось долгим фотографированием деда у нас на квартире.

Бабушка же Даайыс была по характеру полной противоположностью деду. Строгая, неулыбчивая (но не хмурая), деловитая, с утра давала распоряжения деду и сама целый день трудилась как пчелка. Доила корову, кормила кур, готовила завтраки, обеды, ужины, пекла на таганке якутские лепешки из муки грубого свежего помола. Мука эта хранилась в специальном деревянном ларе в амбаре. Эти лепешки мы ели по утрам с кёрчэхом³, в который добавляли землянику, голубику, красную и черную смородину (сообразно сезону). А какие холодцы и кровяную колбасу она варила! Какие пекла вафли в чугунных формах! Какие супы варила в чугунах! В амбаре у неё всегда стоял охлажденный льдом напиток – ымдаан!

А какая чистота и порядок царили в доме и на подворье!

В доме не было ни одной магазинной

³ Кёрчэх – взбитые сливки (якутск.).

Документальная проза

«совковой» (по-современному) вещи. Всё рукотворное, натуральное. Стояла мебель старинной ручной работы – стол, стулья, шкаф, кровати. Кухонная утварь была изготовлена из различных материалов: из меди – тазы, рукомойники, чайники, котел, самовар, подсвечники, из чугуна – таганки, вафельница, горшки, из дерева – ложки, лопатки, мутовки, из бересты – туюски, ведерки-ыагайа, из серебра – рюмки, сахарница, чайник-заварник. В амбаре – старинные сундуки, в изголовье кровати у бабушки – тоже сундучок, в котором она хранила что-то заветное, личное, что у меня вызывало жгучее любопытство. Но, несмотря на все мои просьбы, бабушка ни разу при мне не открыла этот сундучок и даже не позволяла без её ведома заходить в свою комнатку-светелку, которая находилась в правом дальнем углу дома.

Там стояла только её кровать (дед летом обитал на полатах в амбаре, зимой – в доме, в большой комнате, где была его деревянная кровать). Днем спальные принадлежности бабушки и деда сворачивались, кровати застилались меховыми шахматными коврами из конских шкур или цветными лоскутными покрывалами ручной работы. Вечером бабушка ложилась позже всех, я иногда видела, как она с распущенными волосами сидела на кровати (днем она всегда укрывала волосы белым ситцевым платком в очень мелкий черный горошек) и полушепотом молилась и благодарила Всевышнего за благополучно прошедший день. И дед, и бабушка были верующими («Айыы тойон тангара!» – часто я слышала такое обращение к Всевышнему или Творцу), часто слышала от них замечание: не говори этого, не поступай так, это не богоугодно. «Вот дьявол!» – это высшее ругательство в адрес чего-либо недопустимого, которое они употребляли изредка, притом, что слово «дьявол» говорилось почти в русской транскрипции.

В мои обязанности входило приводить

корову с пастбища днем и иногда вечерами, если она не возвращалась сама, убирать посуду после завтрака и обеда, выполнять множество мелких поручений бабушки по дому. Я любила ходить с бабушкой в хотон и смотреть на то, как она доит свою корову. Корова была крупная, светлой, почти белой масти, очень смиренная и давала в каждую дойку по ведру молока. Бабушка всегда ласково разговаривала с коровой, что-то приговаривала, выпроваживая её на луг из хотона. Я не любила пить молоко – ни парное, ни охлажденное. Парное молоко всегда наливалось в чашку Эдьий Еле и Лине. И, конечно же, молоко было основным продуктом питания нашей маленькой Наташи. Эдьий Еля, как я сейчас понимаю, была еще очень слабой после операции, так как большую часть времени она проводила в постели. Иногда ей туда подавалась и еда. Наташа, которой тогда еще не было и годика (8–9 месяцев) была очень здоровым и спокойным ребенком, что здорово выручало нас всех, и особенно меня, оставляя время на обычные детские занятия.

Я была очень живым ребенком, попевала везде и всюду, всюду совала свой любопытный нос, много бегала, лазила. Лина же, хотя ей все время не хотелось терять меня из виду, не была такой же быстрой, шаловливой, как я. Она предпочитала тихо играть в куклы дома или во дворе, сидя где-нибудь в тенечке. Но куда бы меня не отправляли с поручением, она, как правило, увязывалась за мной. Что характерно, бабушка с нами, девочками, была очень строга, никогда не ласкала нас, но была справедливой, не обижала напрасно – ни словом, ни делом. К Эдьий же она относилась по-особенному, очень о ней заботилась и по-своему баловала её. Тут надо отметить, что все дальние родственники и знакомые мамы в Немюгюнцах (близких, кроме деда Иннокентия с бабушкой Даайыс не было) так же заботливо, как-то по особенному ласково относились к Эдьий Еле. И такое

отношение к ней немюгюнцеv сохранилось до конца её жизни.

Но совсем по-другому в Немюгюнцах относились к маме. Зоркий детский глаз отмечал, что у мамы с бабушкой были какие-то большие давние проблемы в отношениях. Нет, чисто внешне это никак не проявлялось, никогда не было ни грубых слов, никаких других резких проявлений неприязни. Но они присутствовали! И я это чувствовала, ощущала всегда, мне очень хотелось, чтобы этого не было между ними, но, к сожалению, что-то стояло между мамой и бабушкой. Я почему-то с ранних лет абсолютно непроизвольно чувствовала оттенки, нюансы в отношениях всех взрослых, не только родственников, знакомых, но и незнакомых, чужих мне людей. Если взрослые были неискренни, я сразу улавливала фальш. Очень часто я испытывала неловкость за взрослых, поступки которых приводили меня в недоумение. Видимо, у меня с детства был обостренный слух на голосовое интонирование. Только став не только взрослой, но уже пожилой, я поняла, что интонации не могут скрыть истинное отношение человека к человеку, которое он скрывает почему-либо за словами.

Я еще в школе не училась, но детским чутьем понимала, что бабушка в чем-то очень сильно виновата перед мамой, но не хочет или не может в этом повиниться. А мама тоже не может прямо не то чтобы высказать, а выставить счет за эту обиду. И они с этим жили. И эти отношения косвенно, но отражались на маминых детях, то есть на нас, когда мы приезжали в Немюгюнцы. Дед нас любил, но он был без права голоса перед властной бабушкой, и не показывал этого. А бабушка нас не любила, и я это понимала.

Был в доме у бабушки с дедом еще один главный персонаж – это их внук Володя, младше меня на год и старше Лины на год. Он, перенесший в раннем детстве какую-то травму, встретил нас в постели с загипсован-

ными ногами. Уж как любила его бабушка! Какими только ласковыми словами она его называла! Он был для нее центром Вселенной! Но Володя, будучи таким заласканным, не был ни капризным, ни барчуком, ни эгоистом, а оставался очень добрым, приятным мальчиком. Меня удивляло, что при живой матери он воспитывался у бабушки с дедушкой. При нас его мама приходила к нему только раз за все лето, хотя жила в этой же деревне. Я приставала к бабушке с расспросами по этому поводу, на что она мне отвечала, что родной отец Володи (это сын бабушки) умер очень рано, когда Володя был младенцем, мама после этого вторично вышла замуж, и у нее своих детей куча. Как бы то ни было, но Володя так и вырос у бабушки с дедом, нежно их любил, женился рано, родил несколько детей и также рано, в молодом возрасте, умер, когда дети были малые. Взрослым я его видела всего несколько раз. Он был такой же очень добрый, приятный в общении и во всех отношениях хороший человек. А бабушка умерла, когда Володе было лет 17–18, я тогда была первокурсницей.

Как только мы приезжали из города, нам (мне и Лине) бабушка с Эдьий Елей шили летнюю обувь – тапочки из светлой замши (ровдуги), так как другой обуви, кроме ботиночек на шнурках, у нас не было. Эдьий украшала носки этих тапочек яркой вышивкой. За лето я до дыр изнашивала свои тапочки. Эдьий, лежа на кровати, много вышивала на пяльцах. Этому она научила и меня. Я вышивала и крестиком, и гладью. Дома у нас было много вышитых салфеток; вышитые букеты, пейзажи натягивали на картон и вешали на стену. Мама тоже была рукодельницей, но не занималась этим из-за занятости. Дома еще долго сохранялись белые накрахмаленные ажурные скатерти, полотняные портьеры с вышивкой ришелье на двери и окна, края всех белых простынь были отделаны ручным кружевом. Особенно мне нравилось, когда

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

дома убирались к ноябрьским, новогодним и Первомайским праздникам, все перестирывалось, вновь крахмаливалось и в чистейшем первозданном виде вывешивалось на свои места. Эта красота ручного рукоделия, эти кружева, вышивки, конечно, повлияли на мой вкус, на мое понимание красоты окружающего мира. Позже, уже взрослой, рассматривая чудом (после многих переездов) сохранившиеся вышивки, скатерти, портьеры, я поняла, с каким безупречным вкусом они были выполнены, не было в них ни капли дешевки и базарности.

Вообще, что бы ни делали мои мама и Эдьий, будь то простое платье, постельное белье, рукавицы или зимнее пальто, все это отличалось какой-то высшей аккуратностью, выдержанностью стиля, то есть высшим качеством работы. Благодаря этому я поняла, что все качественное отличается от дешевки ювелирной проработкой мелких деталей. И мама, и Эдьий прекрасно шили, стряпали, словом, умели делать абсолютно все! К сожалению, я не люблю готовить, мне это не передалось, в отличие от Лины и Наташи, которые любят и умеют это делать. Кстати, это умение, вплоть до готовки и шитья, эти золотые руки передались по генам моему брату Володе. Если он что-то делает – готовит, стирает, строит, шьет, мастерит по дереву, – то делает все с высшим качеством.

В Немюгюнцах же Эдьий нам с Линой шила пару летних платьев из ситца. Лина эти платья носила с достоинством, аккуратно, а мои платья через неделю с выговором, что я за девчонка, ремонтировались. Помню, как одно платье я на другой же день распоролла от ворота до подола об жердь забора, на котором кувыркалась. Вот мне доставалось от Эдьий!

В течение лета мы два-три раза уходили в гости к маминой подруге детства тете Агаше. Бабушка с радостью и облегчением провожала нас в эти вояжи, видимо, она уставала от нас.

Семья тети Агаши, а она была главным человеком в семье (дети очень быстро определяют, кто лидер в семье), жила в центре поселения Ой. Она, вдова (муж погиб на войне), работала пекарем на хлебопекарне. Семья была большая и состояла из двух ее дочерей-старшекласниц Гали и Клары, её младшей сестры тети Шуры, мужа тети Шуры дяди Афони, их сына Сени, ровесника нашей Лины, и бабушки, матери тети Агаши и тети Шуры. Тетя Агаша и тетя Шура были женщинами высокого роста (думаю, не менее 180 см), у тети Шуры были огромные руки (на что я всегда обращала внимание). Тетя Шура была светлокожей, с большими светло-янтарными глазами, со светло-каштановыми волосами. Бабушка, их мама, так же, как и наш дед, была сахаляркой (в то время и слова такого не было), а возможно, и чисто русской (я не обращала тогда на это внимание). Дядя Афоня тоже был очень высокого роста, худощавый, их сын Сеня – тоже не маленького роста.

В семье также жил родной старший брат дяди Афони (имени не помню) – слепой мужчина, тоже очень высокий и худощавый. Такой многолюдный состав семьи был характерен в то время для якутского быта, и никого это не удивляло и не напрягало, а принималось как нечто абсолютно естественное. И наш приход – Эдьий Ели с тремя девочками – также никого не удивлял, так было принято, и мы жили в этой семье недели две, а то и больше. В доме был достаток, взрослые, кроме слепого старика и бабушки, все работали. Быт и обстановка существенно отличались от быта семьи наших бабушки с дедом. Здесь все было по-городскому, по-советски: мебель, посуда, ковры, половые дорожки, стиральная машина, патефон, книги, журнал «Огонек», велосипед дяди Афони и даже пионерский барабан, подвешенный к потолку. Но во дворе, который был очень зеленым, покрытым травой, как ковром, стоял огромный бревенчатый амбар. Конечно же, в амбаре хранились веко-

вые сундуки самых разных размеров.

Также был огород, гораздо больший, чем у нашей бабушки, где цвела картошка, рос турнепс, морковка и что-то из мелкой зелени. На веранде – большой овальный обеденный стол, покрытый цветной клеенкой. Самовар был тоже огромный, но у бабушки он был старинный, пузатый, медный, с витыми ручками и вензелями, а здесь – из никелированной стали тульского завода уже советского периода. И здесь по утрам подавали кёрчэх, но ели его уже с хлебом свежайшей выпечки – ржаным или белым по желанию. В обед ели суп или борщ, которые готовила здешняя бабушка – тихая, ласковая, немногословная и как-то совсем незаметная в доме. Вечером после ужина здесь читали газеты, обсуждали общесоюзные новости, играли в шахматы, домино или слушали пластинки на патефоне. Это были записи Лещенко (не Льва), Клавдии Шульженко, Лемешева, Руслановой.

Здесь я научилась играть в домино, услышала песню «Синий платочек», который представляла голубым – как из легкого пуха, ажурной вязки мамину косынку. Все были дружны, но первенство и последнее слово принадлежало тете Агаше, такой же властной, как наша бабушка. Как-то, играя в прятки, в амбаре на верхних полках-полотях я обнаружила несколько цветных портретов – мужских и женских – в овальных и прямоугольных рамках. Лица эти были таинственны и значительны, я поняла, что это портреты необычных людей, не наших современников, но что-то мешало мне спросить у тети Агаши или их бабушки, кто на них изображен. Каким-то седьмым чувством я поняла, что спрашивать нельзя, что это что-то личное, и мне не надо было всего этого видеть. Только через много-много лет до меня дошло, что это были иконы с ликами святых.

Два раза за лето, когда мы все были у тети Агашиных, из города приезжали мои родители с гостинцами: колбасой, селедкой, кон-

фетами, печеньем, помидорами и огурцами с Рабочего базара, отрезами на платье – то ли девочкам тети Агаши, то ли ей самой, и высокими резиновыми сапогами-болотниками для дяди Афоня. Этим сапогам все были очень рады, включая самого дядю Афоню, заядлого охотника и рыбака. Надо сказать, что дядя Афоня был намного старше тети Шуры, которая, по рассказам, вышла за него – фронтовика – 18-тилетней девочкой. Замечательный человек («золотой характер», как его называла тетя Агаша, которая была очень скупа на похвалу), он был негласным главой этой семьи, и именно дядя Афоня создавал эту теплую дружескую атмосферу в доме.

Когда мои родители приезжали, все допоздна засиживались за столом и вели долгие беседы. Мне всегда было это очень интересно, и мне всегда позволялось присутствовать при этих разговорах.

И позднее, когда я была школьницей, я всегда принимала участие в любых разговорах своих родителей. Все-таки у меня были особенные родители. Никогда у нас дома не обсуждалось, кто что носит, у кого что есть в доме, кто сколько зарабатывает, что «выкинули» в магазинах, что сколько стоит, какие цены на товары и услуги, что, где и как можно достать. Что разговоры? Об этом у моих родителей не возникало даже никаких мыслей. Зато они обсуждали свою работу, советовались друг с другом, вообще все дома крутилось вокруг работы, работа – это главное в жизни, хотя так напрямую никто из них никогда не говорил. Для нас главным, как они считали, были учеба и общественные обязанности. Домашние дела подождут, сначала работа и учеба. Так мы и жили. Да, они были бессребрениками, наши родители, и такими вырастили нас. Это потом я узнала, что в других семьях – другие разговоры и другие приоритеты в жизни.

Этот идеализм, этот романтизм моих родителей мне непонятен до сих пор, ведь

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

жизнь их не баловала, и того, что было у них, никто не принес им на блюдечке. Но именно это чувство, это желание работать на благо народа – было для них естественным состоянием души. Свидетельством, что это не громкие слова, является содержание письма отца с фронта односельчанам. Этот отрывок чудом сохранившегося письма в конце 1990-ых годов передал нам врач Василий Васильевич Божеденов, бывавший у нас дома.

Надо сказать, что ко мне, старшему ребенку в семье, относились как к взрослой, равной, не скрывали ничего из того, что происходило в семье и вообще в жизни. Я обычно присутствовала при всех разговорах, обсуждениях взрослых, принимала в них участие, мое мнение испрашивалось и, более того, принималось во внимание. Когда некоторых взрослых, впервые попавших к нам, такое отношение родителей ко мне удивляло или они высказывали замечание, что вот я сижу и слушаю их разговоры, родители отвечали, что я все понимаю и, как равноправный член семьи, принимаю наравне с ними любые решения.

Так было всегда, и я привыкла к равным партнерским отношениям между людьми, и более всего мне не нравится, когда между людьми отсутствуют именно такие отношения. Я считаю, что все можно обсудить и принять соответствующее решение, и когда кто-либо (неважно, коллега или вышестоящее руководство) не хочет или не может поддерживать со мной равного партнерства, не привлекает меня к коллегиальному решению проблем, я решительно прерываю с такими людьми отношения. И ничего не могу изменить для себя в этом плане.

Школа

Не было никаких разговоров о моем грядущем поступлении в школу, что меня очень

удивляет. Просто в одно светлое утро мама одела меня в белое праздничное летнее платье, белое летнее пальто-пыльник из плотного старинного шелка с 4-мя большими красными стеклянными пуговицами в форме параллелограмма, красные туфельки и бордовую фетровую шляпку и повела за руку в школу. Этот дочерин детский пыльник достала из сундука и подарила мне тетя Агаша летом. По дороге мы зашли на мамину работу, в редакцию книжного издательства, где она у кого-то уточнила местонахождение школы. Я помню, как какой-то дяденька сказал, что школа на Петровском, напротив пединститута.

Дорога в школу ознаменовалась маленьким казусом. Когда мы проходили мимо здания гастронома (ныне там Дом правительства №1), навстречу нам из подземного этажа магазина вышел мужчина. Он засмотрелся на нас, вернее, на мою маму (она была хороша собой), и, поравнявшись с нами, уронил на асфальтированный тротуар стеклянную консервную банку борща. Стекло – вдребезги, часть содержимого банки вывалилась на носок моей туфли. Мы остановились. Мужчина – виноватый, красный, как вареный рак – с мольбой простить его опустил на корточки, достал из кармана брюк чистейший белый платок и тщательно вытер им мою туфлю. Красное лицо мужчины, красные туфли, красный борщ и мое белое пальто, и белый платок мужчины – этот цветовой контраст и смеющееся лицо молодой мамы врезались мне в память.

Когда мы открыли калитку и ступили в школьный двор, я оторопела от невиданного зрелища: двор был полон нарядно одетых детей, все в школьных формах, девочки в коричневых платьях с белыми фартуками и с белыми бантами в волосах. Меня удивило множество детей на одном месте, и все непрерывно бегают. Было такое впечатление, будто все колыхается очень быстро и беспорядочно.

рядочно. Мама нашла мой класс, подвела меня к учительнице и сказала, что будет меня ждать. Учительницу звали Евдокия Алексеевна, она посадила меня за первую парту, в левом ряду от учительского стола.

Помню, как нас водили по школе, знакомя со зданием, рассказывая о распорядке дня и, наконец, я вышла к маме. Она сказала, чтобы я запомнила дорогу в школу, так как завтра меня никто не будет сопровождать. Мы не сразу пошли домой, а зашли во Второй магазин на Октябрьском (ныне это угол проспекта Ленина и улицы Аммосова, где стоит здание бывшего «Якутзолото»). Здесь она, оказывается, отложила мне школьную форму. Взяв сверток, мы прошли за прилавком, в комнату, где нас ждала мамина знакомая тетя – Маша-портниха. Она меня обмерила, чтоб подогнать форму по фигуре, и показала отрез, из которого сошьет черный фартук на каждый день. Затем мы зашли в книжный магазин, где купили темно-голубой кожаный портфель, круглый пенал с хохломской росписью и другие школьные принадлежности.

Занятия начинались с 8.30 утра, и на следующий день я одна, уже в школьной форме, отправилась в школу. Так началась моя учеба в 15-ой начальной школе. Сам процесс учебы слабо отложился в моей памяти. Помню, как зимой через площадь Ленина ходила в школу в любую стужу (не было тогда активированных дней). Родители иногда давали мне какие-то копейки, на которые в школьном буфете изредка покупала пирожное «Наполеон» или пончики с абрикосовым джемом. Как-то несколько дней подряд носила из дому в школу пирожки с мясом (у меня в детстве был всегда плохой аппетит, и родители давали завтрак с собой), и однажды на большой перемене вытасила два пирожочка. Тут подошел ко мне какой-то мальчик с 3-го или 4-го класса и спросил: «У тебя что, папа министр?», я сказала, что нет, не министр. «А почему тогда каждый день ешь пирожки с мясом?» Я дома рас-

сказала про этот эпизод, и мой папа, который никогда не сердился на нас детей, расстроился и сказал: «Пусть носит, как все, хлеб с маслом, проголодается, будет есть». Эдьий Еля стала оправдываться, что я вообще ничего не ем, и что эти пирожки приготовлены специально для меня. «Ну, правильно, не готовим же мы каждый день пирожки с мясом, и нечего пускать пыль в глаза, дразнить детей!»

Помню новогоднюю елку в школе. Первую большую елку в своей жизни. Девочки из параллельного русского класса все нарядились снежинками, много было других разнообразных костюмов, но я хорошо запомнила эти снежинки и мальчишек в клоунских нарядах с разноцветными штанинами и длинными носами. Елка была большая, крутящаяся, с множеством горящих огней. Я ощущала себя абсолютно счастливой, видя все это. Вдобавок неожиданно меня вызвали к Деду Морозу и наградили книжками и подарком за отличную учебу. Оказывается, я была отличницей, но не знала или не понимала этого. Как отличнице, мне подарили пригласительный билет на Елку во Дворец пионеров. Дома обрадовались моим подаркам, моим успехам, я видела добрые смеющиеся папины глаза, но вслух он ничего не сказал.

Елка во Дворце пионеров, который стоял на углу улиц Октябрьской и Кирова, на месте, где сейчас четырёхэтажное здание Министерства промышленности и Госкомгеологии, начиналась после обеда, видимо, в 3 часа. Я, как всегда, пошла туда одна. И тут получилась заминка. Какие-то женщины, наверное, организаторы мероприятия, стали спрашивать, с кем пришла эта маленькая девочка. Все дети моего возраста пришли или с родителями, или с бабушками-дедушками. Представление закончится поздно, на улице темно, туман, пусть девочка сейчас идет домой и возвращается с кем-либо из взрослых. Я говорю, что дома нет взрослых, родители на работе, а дома только одна сестра (я имела в

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Документальная проза

виду Лину). «Вот и иди домой и приходи с сестрой». Я обрадовалась возможности привести с собой Лину, но узнав, что моей сестре нет и 5-ти лет, женщины решили, что сейчас вручат мне подарок и награду за отличную учебу, и я, пока еще не поздно, вернусь домой.

Я отказалась наотрез принимать подарок, сказала, что не уйду, не посмотрев представление, которое должно состояться. Ведь мне очень хотелось увидеть живую цирковую обезьянку, которую специально привезли из Москвы для детворы, об этом мне сообщили на нашей школьной елке, вручая приглашительный билет. Объяснила, что с малых лет всюду по городу хожу-разъезжаю без родителей и, в придачу, с собой всегда беру младшую сестренку. Пригласили на «разборки» со мной еще одну какую-то важную даму и разрешили остаться. Боже, какое замечательное представление происходило на сцене Дворца пионеров! Актеры-подростки вкупе со взрослыми артистами разыгрывали сказки, я сидела в первом ряду и, затаив дыхание, смотрела и слушала во все глаза и уши. До сих пор помню сценки про двух серых гусей и бабусю и страшного Карабаса-Барабаса. Домой вернулась поздно, около 8 вечера, с подарком, с наградными книжками. И рассказывала маленькой Лине, родителям, Эдьиий Еле, вернувшейся с процедур, обо всем, что было там. И меня слушали тоже затаив дыхание, переживали и радовались вместе со мной, и я засыпала уже поздно вечером с волшебным ощущением счастья.

Наконец наступил последний день учебы. Я это помню, потому что в класс пригласили родителей, перед которыми я читала стихи. Потом мне вручили Похвальной грамоту, и мы пошли с мамой домой. Был конец мая, яркий жаркий солнечный день. Мама была, видимо, горда моими успехами, а я как-то вовсе не придавала этому значения. Она же и несла мою грамоту, бережно свернув ее в трубочку, чтобы не помять. Когда мы проходили в свой

двор через пропускной пункт Совпартшколы, она похвасталась перед нашим знакомым и своим земляком вахтером дядей Джегессей (Егором) моей грамотой.

На втором этаже нашего общежития перед раскрытыми окнами своей комнаты сидели Капа Николаева со своей мамой Марией Семеновной. Тетя Маша поинтересовалась, откуда мы идем. Мама показала ей грамоту, тетя Маша поздравила нас обеих. Мама зашла в дом, тетя Маша отошла от окна, и тут Капа выдала: «А мне тоже хотели дать грамоту, но не досталось», показала мне язык и захлопнула окно.

Капа

Во второй учебный год папы нам выделили комнату в семейном общежитии при Совпартшколе, и мы из Рабочего городка переехали в центр города. Наша комната была на первом этаже с большим окном, выходящим на Талое озеро.

Обычно после ужина папа шел в учебное здание школы заниматься и возвращался, когда мы все – мама, Еля, я, Лина – укладывались спать (Володя по-прежнему был в круглосуточной шестидневке в детском саду речников). По возвращении он опять садился за стол, отгороженный от кровати большим плательным шкафом, и занимался до часу-двух ночи. Своим упорством и трудоспособностью он одолел-таки этот гранит науки и получил диплом. Я считаю, что упорство в достижении поставленной задачи и работоспособность – основные черты характера отца. При этом его отличали непомерная скромность, отсутствие бравады, хвастливости. Никогда он не кичился тем, что имеет много фронтовых наград. Я впервые на нем увидела ордена как раз в 1955 году в феврале, когда к нам в комнату общежития неожиданно явился фотокорреспондент Л. Файко с пору-

Якутск. Каток на Талом озере.

чением сделать папин портрет к 10-летию Победы. Он при мне буквально заставил отца достать ордена и нацепить их на единственный его костюм. Пока отец занимался этим, он разговаривал со мной, семилетней, спрашивал, знаю ли я, что папа у меня герой? В это время мама болела и лежала в больнице, Еля находилась в санатории, а Лина была слишком мала для общения (ей не было 5-ти лет). Потом он снимет отца и меня рядом с ним, и это фото было опубликовано в газете «Социалистическая Якутия».

На втором этаже в такой же комнате жила семья папиного однокурсника. Его супруга Мария Семеновна заведовала парткабинетом школы, который размещался также на втором этаже общежития, так что и работа, и жилье у них находились в одном месте. У них было трое детей: Капа, моя ровесница, Валерий, ровесник Лины, и Валентин, ровесник нашей Наташи. Наш Володя по-прежнему ходил в круглосуточный шестидневный детский сад речников и появлялся у нас только вечером в субботу. Мы, дети, сразу подружились и играли вместе в коридоре, благо, места для игр и беготни было много.

СВЕТЛАНА ФЁДОРОВА. ДЕТИ СССР.

Мария Семеновна была женщиной очень мягкой, спокойной, в отличие от своего амбициозного мужа, очень сильного в учебе, как говорил о нем мой папа.

А папе, толком не получившему школьного образования, отвоевавшему на фронте 4 долгих года, было нелегко учиться, имея на руках большую семью. Он корпел ночами над конспектами. Сейчас понимаю, что недоедал, был плохо одет.

Семья же Николаевых – это номенклатура. Глава семейства – бывший работник Нюрбинского райкома, уже имеющий

хорошее базовое образование, мать семейства получала хорошее жалование. Не в пример нам, они жили по другим меркам. Капу отдали в 8-ую школу в центре города, где в основном учились дети номенклатурных работников. Папа Капы был высокомерный, не скрывал своего снисходительного отношения к моему папе и к нашей семье в целом. Я, ребенок, всегда это подспудно чувствовала и понимала по его насмешливым подковыристым вопросам, с которыми он обращался ко мне. Мария Семеновна, когда присутствовала при этом, всегда его одергивала и пресекала насмешки над ребенком.

Когда начался учебный год, случилось так, что Эдьий Еля надолго слегла в тубсанаторий «Красная Якутия», и мама наша тяжело заболела, и тоже надолго, почти на всю осень и зиму, попала в больницу. Мы, дети, жили с отцом абы как. Я училась, и, видимо, благодаря хорошей памяти и способностям, усваивала всё в школе. Ни о каких занятиях дома, подготовке моих домашних заданий никому (ни папе, ни мне) даже в голову не приходило. Поэтому, придя из школы, кое-как поев, мы с Линой выходили в коридор и до вечера на-

Документальная проза

ходились там, полностью предоставленные самим себе. Однажды я, по-обыкновению, зашла за Капой. Вижу, что она с папой учит уроки. Услышав, что я зову Капу поиграть, отец ее взвился, поставил меня перед столом и устроил мне допрос-экзамен: «Ты почему уроки не учишь? Ты хоть читать-считать умеешь?» И все это – на повышенных тонах. Я сказала, что умею и читать и считать. «Не может быть», – сказал Капин отец, открыл «Родную речь» и приказал читать.

Я училась в подготовительном классе совсем по другим учебникам, предназначенным для нерусских школ. Но без единой запинки бегло прочитала незнакомый текст из незнакомой мне книжки. «Ах, так, ты умеешь читать! А ну реши пример из математики!» Математика была моим коньком еще до поступления в школу. Дело в том, что с нами никто специально не занимался, не учил ни буквам, ни счету, хотя я этого очень хотела, но считать я научилась очень рано как-то само собой от гостей, знакомых, старших детей во дворе, которые иногда устно упражняли меня по какому-либо случаю. Видимо, большую роль играет то, что тот, кого учат даже самой малости, очень хотел научиться. А я очень хотела научиться всему тому, что умели окружающие меня люди.

Я легко и быстро в уме решила примеры, которые он мне показал. Что тут началось: «Так ты, оказывается, все умеешь, знаешь и специально мешаешь Капе! Чтобы я не видел тебя больше днем в нашей комнате!» В это время в комнату вошла тетя Маша и по нашим лицам поняла, что здесь происходит. «Понимаешь, эта девчонка-то, оказывается, умеет хорошо читать, считать и, наверняка, уже и пишет!» – с негодованием бросился к жене отец Капы. «Уймись, – спокойно сказала Капина мама, снимая пальто. – Конечно, Света все знает и умеет, было ясно с самого начала, что она умная, только ты этого не видишь». «Но почему?! Откуда?! Как?! – не уни-

мался Капин папа. – Ведь её отец – слабак по учебе». Тут тетя Маша решительно пресекла его монолог, мягко вывела меня из комнаты, сказав, что Капа непременно выйдет к нам поиграть.

Капа действительно очень плохо, с трудом, читала, не могла пересказать текст, а математика не давалась ей вовсе. И это несмотря на то, что в обычной жизни она была рассудительной, умной, не в пример мне.

Вечером я рассказала про все это папе. Отец очень огорчился, погладил меня по голове и сказал как-то горестно: «Тебе досталось из-за меня».

После окончания папой Совпартшколы, с получением им диплома о незаконченном высшем образовании мы уедем из города. Наши пути с Капой разойдутся, и больше мы с ней не встретимся.

Литературный фаст-фуд, или Воспитание вкуса читателя

Возможно, кому-то эти мои полемические заметки покажутся надуманными. Но любой пишущий человек, который причисляет себя (тайно или явно) к писательскому сообществу, не может в наше время не задуматься о читательском вкусе.

Еще Пушкин писал об этом. В его времена, с его талантом он имел право воскликнуть:

**И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал
И в свой жестокий век восславил я Свободу,
И милость к падшим призывал...**

Александр Сергеевич был уверен, что его читатель, его народ оценит его поэзию и поймет правильно. По сути дела, в этих четырех строках раскрывается формула Поэзии, Литературы, ее значение в жизни общества.

Сегодняшний писатель вряд ли может быть уверен, что читатель его поймет и примет. Почему? Неужели писатели так измельчали, что не живут жизнью народа, не пишут о наболевших проблемах, о том, что трогает сердца и души их сограждан? Возможно, при резком увеличении числа считающих себя писателями, пишут талантливо и правдиво не все. Но пишут. Так почему эти произведения проходят мимо читателя, не становятся событием в общественной жизни?

Говорят, Советский Союз был самой читающей страной. И действительно наша страна была такой – не просто читающей по статистическим данным, а умеющей думать над прочитанным, умеющей со-пе-ре-жи-вать! Вот это самое главное качество нашего читателя безвозвратно утеряно. В середине 90-ых годов моя переводчица Лидия Григорьева, которая ныне проживает в Англии, в Лондоне, обронила: «Англичане не любят русскую литературу. Они не хотят переживать из-за прочитанного»... Тогда мне смысл этих слов

НАТАЛЬЯ ХАРЛАМПЬЕВА. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАСТ-ФУД, ИЛИ ВОСПИТАНИЕ ВКУСА ЧИТАТЕЛЯ.

Приглашение к разговору

был не до конца понятен. Конечно, Достоевского читать сложно, сопереживание его героям может внести внутренний разлад в душу... То есть я отнесла нелюбовь англичан к русской литературе за счет ее многомерности, сложности, восхождения к вечным проблемам бытия...

Но, оказалось, я ошибалась. Просто вкус у европейского читателя испорчен – женские романы, детективы, комиксы давно сделали свое дело. Чтение стало для многих развлекательным занятием, попыткой отойти временно от реальных проблем. Легкая, небольшая по объему, недорогая по цене – такая книжка одноразова: прочитал и оставил в гостинице, в автобусе, в метро... И ничего не легло на душу, ничто не затуманилось, ничто не высветилось, не привело к размышлению... Это давно существующее явление, которое породила массовая культура...

В европейских странах настоящую литературу, классическую литературу читают только книголюбцы – филологи, литературоведы, гуманитарии.

Что же у нас?! Мы, конечно, не отстаем от планеты всей! Зайди в любой книжный магазин Якутска – и перед тобой услужливо развернуты прилавки с теми же детективами, женскими романами, астрологией, магией и т.д. И покупают, и читают. Но это чтиво ничего не дает ни уму, ни сердцу. Спроси завтра у такого читателя имя автора или название книжки, он, возможно, не сможет и вспомнить. Своеобразный литературный фаст-фуд, который дает возможность убить время, пощекотать нервы и... забыть! Это явление – одна из примет наступающей глобализации, и ничего с этим поделать нельзя.

Якутской литературе чуть больше ста лет. И за этот век с небольшим она прошла огромный путь, встала вровень с литературами других народов, освоила все жанры, подняла и поднимает проблемы вечные, общечеловеческие...

На этом пути верным подспорьем были издательство, газеты и журналы, которые не просто печатали произведения якутских писателей, но и формировали читательский вкус. Эти печатные органы в разные времена возглавляли писатели, и в коллективах работало немало писателей. Требования к произведениям, печатающимся на

страницах этих изданий, были жёсткими, прежде всего, с точки зрения художественной ценности, нравственной подоплеки, воспитывающей составляющей. Как тут не вспомнить формулу Александра Сергеевича! Наверное, благодаря этой требовательности и высокому художественному чутью редакторов в какой-то мере выпестовалась классическая якутская литература...

Сегодня же мы обнаруживаем, что вкус якутского читателя испорчен, он уведен в сторону вульгарного литературного фаст-фуда. А что же вы хотели, если несколько республиканских газет из номера в номер публикуют эротические рассказы, досужие охотничьи байки, пустую, стилизованную писанину о нечистой силе? Конечно же, вся эта тематика присутствует в жизни, есть и серьезные проблемы, связанные с этими темами, но сама подача, легковесность, отсутствие каких-либо нравственных ориентиров – вот что создает вульгарный вкус у читателя. Это самый настоящий литературный фаст-фуд, причем, не очень хорошего качества. Конечно же, человек, еженедельно получающий порцию этого фаст-фуда, вряд ли захочет сопереживать Никите из «Сааскы кэм» («Весенняя пора»), Нюрбачан из «Тулаайах оҕо» («Сирота»), вживаться в конфликт романа «Сүрэх тэбэрин тухары» («Пока бьётся сердце») или в раздумья Чингисхана... Даже поэзия, жанр, в котором коротко и емко говорится о вечном, и та покажется потребителю литературного фаст-фуда заушной, тяжёлой и ненужной...

Вот такого читателя мы все вместе воспитали за последние годы. Отрицать это невозможно.

Правда, есть надежда... Когда я начинаю спрашивать студентов, кто их любимый якутский поэт, почти каждый отвечает: «Алампа». Но я-то прекрасно знаю, что и Алампа они знают только по школьной программе... Но рождается робкая надежда, что читавший Алампа человек когда-нибудь сможет отказаться от литературного фаст-фуда и повернуться лицом к настоящей литературе...

Наталья ХАРЛАМПЬЕВА,
народный поэт РС(Я).

Саргылаана САНДААР

«И хлынули чувства с силой из вскрытых вен души...»

Саргылаана Сандаар живёт в Якутске. Работает главным специалистом в Пресс-службе АО «Аэропорт Якутск». В 2013 г. окончила Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций (факультет радиосвязи, телевидения и мультимедийных технологий). Аспирант кафедры журналистики ФЛФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

Автор поэтического сборника «Кюн кюлюгя» («Тень солнца») на якутском языке (НКИ «Бичик», 2015 г.).

Печорину нашего времени

Рваные души. Ртутные лужи
Шелест шин на шоссе тем глуше,
чем дальше вина, а вина – все больше,
чем тише шорох шершавых губ;
чем чаще дрожь по жухлой коже...
И, давя на уши, – уплотняется звук.
Стекленеет твой взгляд – ты не тут.
И стыннут лужи. И стонут души.
Льдинки режут подошвы тем глубже,
чем больше волнуют белые плечи;
чем громче и выше крик «Я ничтожен!»;
чем гуще и дольше бессмысленный вечер...
Но, давясь от смеха, скользишь ты по желтым

САРГЫЛААНА САНДААР. «И ХЛЫНУЛИ ЧУВСТВА С СИЛОЙ ИЗ ВСКРЫТЫХ ВЕН ДУШИ...»

страницам судьбы – точно по шелку.
У луж нет душ. А души – как лужи:
искажением истины, отзеркаленной
жизнью,

которая есть лишь пустая окружность
радиусом ширины твоих плеч.
...Без тебя в этом мире ни лучше ни хуже.
Так зачем же ты здесь и что тебе нужно?
Боли тем больше, чем Небо – дольше
ложь умножает на дождь.

Попсовый диптих

1.

Ниже небо, ливень, лень
даже выйти на балкон.
Никогда мне не забыть
это лето, зной и грозы,
слово сладкое – «вдвоем»...
Ближе, ниже, ближе, ниже,
нужен воздух. Ну же, Боже,
небо на куски
рядом молний разорви!..

Вместе будем в эти дни.
Ни на шаг не отходи!
Я по этим вечерам –
никотином пахнущим
и мартини жаждущим –
буду Йорком нить и выть!
Когда по разным уголкам
Земли придется жить...
и снами станут наши ночи,
с нами будут неразлучно.

2.

Изрытое оспинами рыжее
рыло старой луны.
И с крыши с господом ближе мы,
и крылья уже не нужны.

Застыли: мы стали единым
в летней синей ночи.
И хлынули чувства с силой
из вскрытых вен души.

Ты сны, ты стихи, ты раскрытая
тайна немых моих лет.
Весной той далекой спетая
песня. Ее не устану я петь.

Мнимы дни.
Мы одни.
Одни огни –
они и мы.

Мир не мил.
И мы без нимба.
Так прыгнем вниз...
Мимо дней,
минуя ливни,
лететь со мной,
скажи, ты в силе?..

Мой май –
немой мольбой.
Мой бой
с самой собой –
0:0.

Ночь – прочь!
Больше не мочь –
воли бы еще –
полсотни грамм –
от боли и проч.
душевных ран.

Мой май,
не вой так
волком-сиротой.
Между Москвой-рекой
и Невой
войны были всегда.

Мой май
пахнет листвой
цветущей Тверской
и – тобой.

Мой май,
не умирай.
Не исчезай,
Не мой май...

Все во сне
видят весну.
А я не
хочу. Не жду.
Все, как вдали,
всё так же врут.
О, февраль,
в снегах и льдах
твоих, что вокруг,
я умру.
Не дождавшись весны,
первых дождей
и вскрытия Невы.

Я меряю время письмами,
разговорами искренними,
фразами-искрами.
Словами, что неистово –
выстрелом –
сотрясают воздух – до свиста.

Я меряю время плейлистами.
Количеством и цветом листьев
под ногами.
Бессонными ночами,
исписанными листами.
Снами с нами
в главных ролях
в бессоновском сюжете.
Бес с ангелом –
лучший из союзов, дуэтов.
лучшие дуэлянты.
Без зрителей,
свидетелей.
Без секундантов.

Я меряю время Твоим вдохновением –
его попыткой, порывом, приступом.
стеснением в груди,
сбитым дыханием,
ступором,
когда Ты читаешь мне стихи.

Твоим рвением
в Питер
время от времени.
откровением.
млением.

нашим единением.

Говоришь – важен уют?
А вот возьму и положу в карман!

Никому, никому не отдам!
Там горсточка тепла
и кучка барахла –
не скучай!
Сиди и играй
монетами, чеками, махорку жуй!..
Застрахуй
меня от безнадёжной роли
героини второго плана.

Самое главное в этой жизни –
иметь теплые карманы.

сноп
снов.
стоп.
сто
сорок
солнц.
стон.
сон.
свет.
ворох

САРГЫЛААНА САНДААР. «И ХЛЫНУЛИ ЧУВСТВА С СИЛОЙ ИЗ ВСКРЫТЫХ ВЕН ДУШИ...»

газет.
город –
гордый
он.

но нет:
голый
провод,
стопка
горькой
правды
током
по телу.
рано.
раны.
граммы.
разум,
рамки,
границы.

ты с нами?

меня съел быт.
контакт забыт,
твиттер – закрыт.

тусила с Рыжей...
вернулась с грыжей
мозга,
а вместо сердца –
дыра.

весна.
запахло лужами и собачьим дерьмом.
без сна –
по ночам я пишу или пью.
или пью и пишу.
скоро диплом.

гостила у Ланы –
сторчалась конкретно.
итоком смеси книг и плана –
революция в сознании,
переосмысление жизни...

все в той квартире – шаманы.
регги и рэп, гитара, биты,
графика тушью, сухие цветы.

мне бы попеть!
запишите мой back.

Морозный Арбат.
Я купила томик Андрюши.
Мы читали его в вагонах, несущих
нас куда-то. В Москву-60?

И оживали:
Маяк и Булат,
твой любимый Борис Пастернак.

– Ты послушай!
Это – Андрюша!
Читать его надо не так!..

В кабак
по темным бульварам.
Я пью – ты плачешь,
ты веришь – я знаю.
Мы странная пара
страдающих судьб!..

Открываю –
«Сага»:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Иван ИННОКЕНТЬЕВ

Сайагас*

Из цикла «Военные рассказы»

В доме Сайагаса всегда тепло и светло.

Сайагас любит заходить с трескучего мороза в уют жарко натопленного жилища. Со счастливым визгом к нему устремляются любимые внуки. Приветливые улыбки тут же озаряют лица сына и невестки, а милая его жёнушка – как всегда – встречает у самого порога и несколько смущённо чмокает Сайагаса в холодную щёку. Хорошо!

Подбежав к свёкру, невестка помогает снять тяжёлую волчью доху – подарок администрации посёлка к юбилею уважаемого всем миром ветерана. Сайагас лихо подкручивает у зеркала седые усы и поправляет чуть порушившие строй по дороге из военко-

мата плотные ряды орденов и медалей.

— Вот, ещё одну полковник лично повесил на грудь, — привычно-буднично, ничуть не хвастаясь, показывает он жене новую медаль. – Говорит, что честно заслужил. И тысяч пятьдесят, вдобавок, обещал к Новому году выделить из Ветеранского фонда. Оказывается, есть такой – для поощрения самых активных участников войны. Что ж, правильно. Достойны, значит...

Сайагас с видимым наслаждением целует по очереди внуков, ласково гладит по голове невестку и по-мужски, крепко пожимает руку поздравляющего его с очередной наградой сына. Затем бережно снимает выходной

ИВАН ИННОКЕНТЬЕВ. САЙАГАС.

костюм и вешает его на плечики в старом шифоньере. Сайагас очень дорожит этим шкафом – первым предметом обстановки, приобретённым их семьёй более чем полвека тому назад.

А какой приятный запах доносится с кухни, где уже снова колдуют жена с невесткой! Значит, не за горами обильное праздничное угощение. Так и должно быть – не каждый же день Сайагасу вручают высокую правительственную награду!

Сайагас иногда позволяет себе за хорошим столом пару-тройку рюмок водки. «Наркомовских», как он любит уточнять. И тогда рассказывает внукам – совсем немного – о том,

как сражался с немцами. А ведь он не только отвоевал обратно родную землю, но и брал саму столицу Германии – Берлин, а потом, после Победы, в составе 3-ей танковой армии освобождал от фашистских недобитков Прагу.

Бывалому воину есть что вспомнить о четырёх страшных годах, проведённых им на огромном вселенском пожарище, именуемом войной. Но он старательно заталкивает эти воспоминания на самое дно памяти, всеми силами души пытается о них забыть. И отдыхает, наслаждается мирным покоем, когда ему это удаётся. Но сегодня, видимо, всё же придётся уважить просьбы внуков – будущих защитников Отечества. Такой уж день.

И Сайагас рассказывает о том, как однажды они втроём взяли в плен целое отделение фашистов, занятых рубкой леса. И как их командир, чернявый фельдфебель с усиками «под Гитлера», клялся и божился, что он – рабочий человек, мастер-краснодеревщик. Может, и не врал.

Только в кармане его мундира нашлась фотография, где фельдфебель позировал, приставив дуло пистолета к затылку мальчика с пионерским галстуком. Его счастье, что тогда уже появилась возможность отправлять пленных в тыл.

(Ушлый читатель уже давно почёсывает в угрюмом беспокойстве свою лысеющую голову: «Что это удумал автор, какую-то, извиняюсь за выражение, жирную свинью

решил нам подложить, уважаемые коллеги? Как-никак, год-то во дворе стоит 2018-ый, а его Сайагас, видите ли, с чего так подозрительно хорошо себя чувствует? И водочку почём зря глушит, и бегаёт по холодку что твой юный спортсмен-разрядник. Это подойдя вплотную к 100-летнему рубежу? Нет уж. Позвольте, позвольте... А какой-то мифический Ветеранский фонд, прямо-таки разбрасывающийся за здорово живёшь солидными суммами?.. Подвох тут некий чувствуется, дорогие граждане! Уж поверьте моему опыту...»

И ведь прав он оказался, этот нехороший человек, этот наш недобрый читатель. Будто прямо в воду глядел.)

ИВАН ИННОКЕНТЬЕВ. САЙАГАС.

... А в той войне – НАСТОЯЩЕЙ – были нестерпимая, изнурительная духота, полузаросшие узкие тропинки в джунглях и грохочущий борт транспортного МИ-8. И был ещё сержант-негр, которому пришлось отрезать его поганую бошку. За малышей, чьи тщедушные тельца были насажены извергом и его людьми на бамбуковые колья.

И за ту войну – НАСТОЯЩЮЮ – наград у Сайагаса не было. И справедливо. Он оказался на ней случайно. И подвигов не совершал. Да и просто не успел бы за ту пару недель.

...Сладостные видения о счастливой ветеранской старости неожиданно, как всегда, обрываются. И улетают куда-то в безбрежные просторы искажённого, исковерканного, испоганенного вусмерть войной сознания.

Поселковый дурачок Сайагас доедает ломоть чёрствого хлеба, запивает её кипятком из литровой банки и выходит на мороз. (Правда, неизвестно, где холоднее – на улице

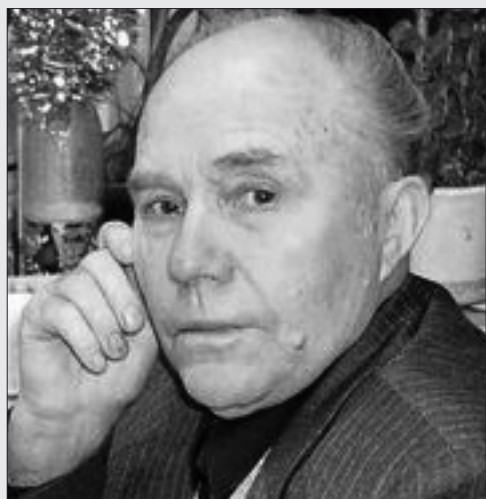
или в давно нетопленной его халупе?) Надо идти в районную типографию, где улыбчивый верстальщик Семён щедро вырезает ему из жести красивые «ордена» и «медали».

А ещё через две недели, аккурат под Рождество 2018-го, Сайагасу доставили прямо в его хибарку объёмистый пакет из столицы, из каменных дебрей Главного военного ведомства страны. После новогодних каникул его уже ПО-НАСТОЯЩЕМУ принимал доселе лишь воображаемый им военком-полковник. И Сайагас стал полноправным ветераном СВО-ЕЙ войны. Видать, весёлому умнице Семёну удалось-таки достучаться до самых верхов.

Всё же чудеса под Рождество порой случаются.

Вот так, господа...

Василий Куприянович Трофимов родился в 1932 году в селе Архангельское Читинской области. Детство его прошло в Забайкалье среди охотников и геологов. Сам охотился, а после седьмого класса уехал с геологами на поиски золотосыльных жил. В 1956 году окончил геолого-разведочный факультет Иркутского горно-металлургического института и приехал в Мирный. Свой трудовой путь начал с должности горного мастера партии №200 Амакинской экспедиции. С 1959 года работал в Ботуобинской экспедиции в течение 47 лет на разных должностях. Свою работу сочетал с общественной деятельностью. Всегда любимым увлечением была охота. Его рассказы о людях труда, животных и природе Якутии печатались в газете «Мирнинский рабочий», в альманахе «Вилуйские зори» и в центральных изданиях. За свои публикации Василий Куприянович был удостоен знака «Золотое перо».

Умер в 2006 году.

Василий ТРОФИМОВ

СЛИТКИ ЗОЛОТА

Рассказ

После окончания занятий в школе я вместе с геологами поехал на поиски золотого ключика, который затерялся где-то на реке Ингоде. Ехать предстояло далеко, и дорога, по словам проводника, не сулила нам ничего интересного...

На четвёртый день пути, когда мы остановились ночевать на широком лугу, у шумной реки Жоргей, наш проводник, глядя на огромную берёзу, наклоненную над водой, сказал:

– Жаль, что деревья не могут говорить, а то бы вот эта берёза о многом нам могла поведать...

Темнота наступила очень быстро. После

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВ. СЛИТКИ ЗОЛОТА.

плотного ужина старшие закурили и стали лениво переговариваться между собой. Но меня продолжал волновать вопрос: что могла рассказать старая берёза... И я не выдержал, придвинулся к проводнику:

– Григорий Иванович! Здесь, на Жоргее, мои родители провели первые годы супружества, здесь родилась старшая сестра. И я об этом месте, о трагических событиях, которые происходили здесь во время революции, много слышал, но при чем это дерево? Неужели это та самая берёза, к которой привязывали веревкой Петруху и сбрасывали в воду?..

Проводник перестал курить, внимательно посмотрел на меня, подбросил несколько веток в костер. И между нами произошел такой разговор:

– Серёжа! Ты какой класс окончил?

– Восьмой.

– А где ты жил в войну?

– В селе Архангельском.

– Значит, ты знаешь бабку Барбосиху и слышал об этом золоте?

– Знаю! И о слитках золота тоже слышал. С её девочками даже учился в одной школе.

– Вот даже как! – удивленно воскликнул он.

– Не знал, не знал, что встречу такого компаньона.

Начальник нашего маленького поискового отряда внимательно прислушивался к непонятному диалогу и, ничего не поняв, переспросил:

– Гриша! Вы о чём это говорите? Что это ещё за золото?

– О! Это длинная и трагическая история, – помешивая прутиком угли костра, ответил проводник. – Я хорошо знаю начало этих событий, а вот середину и концовку, пожалуй, лучше помнит Сергей, так как в это время меня не было в селе. Начало этих грозных и страшных событий относится где-то к 20-ым годам, а окончание – это уже наши дни.

– Ну, ну! Не томи душу, Иванович! – заволновался геолог. – Расскажи хоть вкратце, что здесь произошло.

– Что ж! Рассказать нетрудно, благо, что

время у нас есть. Завтра утром рано вставать не будем, нам необходимо перековать Серка, а то он собьет себе правую ногу. Уже второй день у него хлябает подкова...

Из рассказа проводника и из того, что я слышал от родителей, из слухов, которые плотным клубком катились в войну по нашему селу, вырисовывалась такая примерно картина.

Когда по всей сибирской железной дороге восстали чехи, и армия большевиков вынуждена была оставить Читу, много больших и мелких отрядов проходило в то время по этим местам. Местным жителям трудно было ориентироваться, когда приходили красные, а когда белые... На Жоргее жило несколько семей, в общей сложности человек десять, и среди них был мужчина по прозвищу Барбос со своей женой.

В один из осенних дней к нему подъехали трое военных, у которых под вьюками были еще две лошади.

– Отец! – обратился к хозяину один из приехавших. – Будь добр, организуй что-нибудь поесть сейчас и с собой в дорогу. Наш отряд потерпел поражение, уцелели только мы трое. Но у нас с собой такое богатство, какое тебе и во сне не снилось... Нам кажется, что ты человек порядочный, поэтому мы тебя посвятим в нашу тайну, и более того, всё это богатство до поры до времени оставим у тебя. Если кто из нас останется жив, то он к тебе придёт. А сейчас нам нужно понадежнее спрятать груз, немного перекусить и, если удастся, отоспаться...

– А что у вас за богатство-то? – собирая в кулак редкую бороденку, спросил хозяин зимовья.

– На всех пяти лошадях в сумах золото в слитках, – ответил молодой парень.

– Зо-о-лото? – взволнованно и изумлённо уточнил Барбос.

– Да, да, отец! Самое что ни на есть чистейшее, из банковских сейфов, – подтвердил кто-то из приехавших.

– Заводите лошадей в ограду, сгружайте свой груз, а я пока приготовлю вам продукты в дорогу, – засуетился хозяин зимовья.

– Ефросинья! Собери быстренько ребятам что-нибудь перекусить, – крикнул он жене, а сам резво метнулся в амбар.

По пути с навеса он снял корзину и скрылся за дверью. Вытащил сало, из погреба достал солёную сохатину – всё это поделил на две равные части, сложил в корзину и вышел к путникам.

– Ого-го! – помогая снимать с лошадей сумы, удивленно воскликнул он. – Тяжеленькие же они, язви их в душу, шибко тяжёленькие.

Вскоре три сумы были перенесены в амбар, а две спущены в погреб. И только после этого парни завьючили лошадей продуктами, а сами зашли в зимовье, чтобы отдохнуть и подкрепиться. И, уже сидя за столом, они снова обратились к хозяину:

– Батя! Всё это мы оставляем у тебя! Надежда только на твою совесть. Но ты в обиде не останешься, только сохрани эти слитки до лучших времен, ладно?

– Хорошо, хорошо, сынки. Будьте спокойны, всё будет в самом лучшем виде! Лишь бы вас бог сохранил... Вот только один маленький вопросик: сами-то вы кто будете? Вы из каких? Из красных или белых? Я ведь, паря, сейчас никак в толк не возьму: какая власть и когда кто приезжает...

– Может, ты, старик, сочувствуешь краснопузым? – зло заговорил старший из них. – Ты у нас смотри, а то расправа может быть короткой...

Не договорил он своей угрозы, как на улице захлопали частые выстрелы, и приехавшие стремглав ринулись из зимовья. Быстро вскочили на лошадей и, отчаянно их нахлестывая, умчались вверх по Жоргею. Две же лошади остались с полным снаряжением у изгороди.

Вскоре мимо заимки проскакали всадники, которые палили по убегавшим на ходу из винтовок.

Петруха – так звали хозяина зимовья – немного посидел на лавке, затем заставил жену всё убрать со стола, а сам поспешно вышел на улицу. Отвязал лошадей, подвел их к амбару,

расседлал. Седла забросил на чердак, коней отогнал на дальние покосы, там их стреножил и только после этого вернулся. Снова посидел немного, нервно потирая руки, а затем вышел колоть дрова.

Он ждал, что скоро вернутся те, кто преследовал новых знакомых. И тогда начнется спрос-допрос... Но прошёл в томительном ожидании час, за ним шагами усталой лошади протащился второй. И тут стало слышно, как у дальней скалы, что слишком близко подошла к реке, затрещали частые выстрелы, а позже начали рваться гранаты.

– Господи! Пронеси грозу, лихую беду тёмными лесами, синими морями, – крестясь на иконы в переднем углу, молилась хозяйка зимовья.

Она молилась о своём маленьком счастье. Ей очень хотелось, чтобы грозы, бушевавшие по всей России, пронесли стороной от их зимовья. А совсем рядом, у крутой скалы, молодые бились за новую жизнь на земле. Бились насмерть...

– Ну и хлещутся! – не то одобрительно, не то осуждающе проговорил мужчина и, с силой воткнув топор в суковатую чурку, пошёл к зимовью.

Только с наступлением темноты прекратилась стрельба у дальнего прижима.

Но Петрухе в эту ночь спать не пришлось: он старательно перепрятывал золотые слитки. При этом изумлённо и с какой-то жадностью поглаживал их. Когда чуть только забрезжил рассвет, стал прислушиваться к тому, что творилось у скалы: там сначала раздалось несколько выстрелов, потом бухнула раза два граната, и всё стихло...

– Ой, Петруха! – запричитала Ефросинья, прибежавшая с реки с пустыми ведрами. – По реке пронесло два мёртвых тела, а потом поплыла какая-то одежонка. Побили они, однако, друг дружку...

– Ты сиди дома, я пойду и отведу лошадей за увал, от греха подальше, – проговорил хозяин.

Схватив уздечки, он бодро зашагал на вы-

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВ. СЛИТКИ ЗОЛОТА.

пас, поймал лошадей и, резво вскочив на одну из них, помчался в глубь степи.

В томительном ожидании прошла неделя, другая. Потом наступила зима.

На заимки, что были расположены на реке Жоргей, вести доходили с запозданием не менее чем в пять-шесть месяцев. И вот поэтому жители этих нескольких домиков не знали, что творится на белом свете. Им было неизвестно, кто сейчас у власти. И только весной до них дошли слухи, что победили красные, и в Чите установилась советская власть.

– Слава богу! – взволнованно проговорил Петруха. – Вот радость-то, что беляков расколосматили...

В течение прошедшей долгой зимы Петруха на своих лошадях и этих приведенных в своё село навозил сена, дров и стал жить более зажиточно, даже съездил в Петровский Завод. Оттуда привез много ткани, хороших продуктов, новую сбрую и еще много всего того, что заставило всех о нём заговорить как о человеке состоятельном, зажиточном. И удача стала сопутствовать Петрухе почти повсюду: то в его яму попал сохатый, то корова принесла двух телят, то собаки чуть ли ни к дому пригнали изюбра, а тут жена коромыслом у проруби убила лису...

Хозяйство Петрухи Барбоса стало подниматься как на дрожжах.

Всё, вроде, было хорошо, всё шло удачно. Но в середине лета вместе с принесёнными из-за Яблоневого хребта грозами на заимку к нему пришла беда в образе двух парней, которые подъехали после полудня, степенно спешили, привязали коней у изгороди и вошли в дом.

– Здравствуйте, хозяйева! – снимая фуражки и проходя к столу, проговорили они.

– Здорово! Приветствуем вас! – ответили Петруха и Ефросинья.

– Не хотите ли чайку с дороги? – засуетилась женщина.

– Чай не пил – какая сила! – весело проговорил светловолосый молодой человек. – Да потом к чайку-то у нас найдётся кое-что и по-

существенней, – и он вышел на улицу, отвязал от седла сумы и занес их в избу.

– Смотри-ка ты! Однако, это те парни, – приглядываясь к сумам, решил Барбос. – Видно, из троих осталось только двое... – И он с тревогой стал присматриваться к приехавшим.

– Ну, батя, гроза миновала! – ставя на стол бутылку водки, проговорил все тот же молодой человек. – Как вы тут пережили эти грозные времена?

– Да, вроде, ничего, пережили, – неопределенно ответил Петруха.

– А мы тогда только успели проскочить до скалы, как нас нагнали красные. Откуда они появились, никак не могу понять до сих пор. Вроде бы их тогда не было нигде поблизости. Убегать не было никакого смысла, и мы приняли бой. Если бы у нас было больше гранат, то мы, конечно, отбились бы от них, а так нам пришлось туговато. Хорошо, что хоть золотишко успели снять и отдать вам, а так бы с ним никуда не убежали. Вскоре у нас закончились патроны, потом смертельно ранили нашего командира. Правда, им тоже от нас досталось. А утром, когда Виктор тихонько забрался на скалу и удачно кинул две гранаты, нам удалось уйти от преследования. Командира нашего унесло водой... А потом нас закрутила, завертела военная метелица, и мы смогли немного одуматься почти на Тихом океане. Когда разобрались, что к чему, то поняли: зря дрались, зря проливали кровь. Правыми-то оказались красные, но нас постоянно поддерживала мысль, что в далёком Забайкалье лежит огромное богатство... Вот теперь, отец, мы пришли, чтобы забрать это золото. А что с ним делать, мы окончательно не решили. Вон Витька настаивает сдать его Советам, я же пока не сказал своего слова. Но вас мы, конечно, отблагодарим. О тех двух лошадях, что остались с сёдлами, мы и спрашивать не будем, пусть они будут нашей благодарностью за всё сделанное вами для нас для спасения золота, – взволнованно продолжал приехавший и тут же переспросил: – А за ним к вам никто не обращался?

– Чё-ё? Это за каким таким золотом вы приехали? – переспросил Петруха. – Никакого золота я не видел и не знаю ничего о нём. Так что вы уж меня извиняйте, но, паря, вы маленько адресочком-то ошиблись! – уже более твердо добавил он и отошел к окну.

– Отец?! Да ты что? Шутишь, что ли? – вскакивая из-за стола, дрожащим голосом проговорил парень.

– Что ж мы, по-вашему, дурачки, что ли? Что ж мы тогда пьяные были? Вон в загоне стоят наши лошади, что остались тогда здесь! – кипятился он.

– Лошади, говоришь? – глухо переспросил Барбос. – Так я их, милые люди, поймал во-он за тем увалом. Не спорю, они были с седлами, но на них же не написано, что они ваши...

– Ладно, батя, хватит нас разыгрывать! – вступил в разговор второй парень, который был ростом чуть ниже своего товарища. – Давайте лучше сядем рядком, как говорится в народе, да поговорим ладком.

Он открыл бутылку водки, вытащил кусок колбасы, сыр и булку хлеба. Но его бодрого тона никто не поддержал, молча все присели за стол. Немного поели, но никому, как говорят, кусок в горло не лез, хотя его и смачивали водкой...

После второго стакана чая Борис – так звали светловолосого – внимательно посмотрел на всех и, обращаясь как бы только к себе и к своему товарищу, глухо произнес:

– Значит, Виктор, такие пироги... Здесь мы не были! Золота не оставляли! Лошадей тоже! Вот этот человек сала, мяса, хлеба нам не давал. За скалой красные нас не настигали, бой мы не принимали. Там мы своего командира не теряли... – Тут его голос уже гремел на все зимовье. – Встать, сволочь! – Он выхватил наган и рукояткой ударил по столу.

Ефросинья поймала падающий чайник, обварила руки и громко заплакала от боли и страха.

Петруха подскочил со скамейки. Она от его резкого рывка упала. Во дворе залаяли собаки...

– Сколько же ты нас будешь водить за нос? Говори! – продолжал наседать Борис. Он схватил хозяина за рубашку и приподнял его...

– Дык, дык я... Я ничё, помилуйте, не убивайте, – взмолился Петруха и упал на колени. – Деточки! Нету у меня никакого золота. Ей богу, нету! Вот те крест! И я вас не знаю и никогда не видел, – лепетал насмерть перепуганный хозяин зимовья.

Щёлкнул взведённый курок. Борис с побледневшим лицом медленно стал подходить к Барбосу. А тот, крестясь и тихонько бормоча, отползал к дверям.

Трудно сказать, чем бы окончилась эта вспышка, если бы Виктор не бросился к товарищу и не выбил у того оружие. И пока они возились друг с другом, Петруха опрометью вылетел из зимовья, вскочил на лошадь, перемахнул через поскотину и умчался в тайгу...

Парни посидели у стола, поговорили с хозяйкой. Но та только громко выла, и они, ничего не добившись от неё, начали поиски. После того, как перевернули всё вверх дном и ничего не нашли, они зашли в зимовье, допили бутылку водки, взяли с собой из амбара продукты и уехали...

Дни проходили за днями, одна неделя сменяла другую, а на заимке не появлялись ни они, ни хозяин. Только к концу третьей недели с Чикоя подъехал знакомый Ефросинье китаец, который привёз материалы таких расцветок, что у хозяйки разгорелись глаза. Но торговец на этот раз не брал ни денег, ни мяса, ни масла.

– Моя надо сапсем маленько солото, – твердил он одно и то же.

Долго спорила с ним хозяйка, но не выдержала, глядя на цветастый платок и яркие ткани... И вскоре в сумке у торговца лежал кусок отпиленного золота, обсыпанного мукой.

На следующий день парни разворотили мучной ларь и оттуда извлекли несколько слитков золота.

– Мать! Побойся бога! Ты же вроде верующая! – уговаривали они женщину. – Скажи, где остальное золото? Отдай его по-хорошему!

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВ. СЛИТКИ ЗОЛОТА.

Мы вам оставим из него столько, что вам хватит спокойно прожить всю жизнь

Но Ефросинья только плакала, крестилась и всеми клятвами клялась, что знала только об этом куске, а где остальные – не ведаёт...

Ребята снова произвели тщательный обыск. В погребе, в кадке под салом нашли ещё несколько чушек золота. А потом они пошептались между собой и уехали. Долго их не было видно, о них ничего не было слышно, но стоило Петрухе ночью пробраться домой, как они оказались тут как тут.

– Что ж, отец! Не хотел ты с нами рассчитаться по-хорошему, теперь пеняй на себя. Ещё раз тебе говорим, отдай всё золото! Возьми себе одну чушку, тебе и детям твоим, и внукам хватит её за глаза, но не вводи ты нас в исступление. Подумай о себе, жене, детях... Если мы подобра не договоримся, если ты будешь упорствовать, то ты об этом горько пожалеешь.

Но тот клялся, божился, что никакого золота не видел, ничего о нём не знает.

– Жаль! Очень жаль, что ты сам выбираешь самое худшее, – проговорил теперь уже Виктор и подошел к хозяину. Он снял с крючка веревку, крепко связал Петрухе руки, ноги и добавил: – Так вот посиди ночку, поразмысли, а утром мы с тобой поговорим, но не самым деликатным образом. Ты понял нас?

Барбос промолчал.

С раннего утра прогремела гроза, обильным дождиком смочила луговые травы, и они в первых лучах восходящего солнца заиграли, заискрились всеми цветами радуги. Но этого тихого, ласкового утра почти никто не замечал, даже собаки, предчувствуя какую-то беду, забились под крыльцо.

Только одна хозяйка вышла к скотине, кое-как подоила коров, выгнала их на пастбище и тут же вернулась в дом, а там шёл крупный разговор между мужчинами.

– Хозяюшка! – обратился к ней Борис. – Сходили бы вы к соседям, а то у нас тут разговор не для ваших ушей...

Не проронив ни слова, она ушла. А когда к

обеду вернулась, Петруху уже было трудно узнать, однако он твердил одно и то же:

– Не знаю, не видел...

– Послушай-ка! – обратилась Ефросинья к мужу, – да отдай ты им все, что у тебя есть! Не губи себя. Хоть девок наших пожалей!

Но Барбос так на неё посмотрел, что она осеклась и уже больше не проронила ни слова.

Парни развязали хозяину ноги, прихватили с телеги вожжи и пошли к речке. Там они о чём-то переговорили между собой, затем накинули на Петруху петлю и столкнули его в воду. Второй конец веревки был привязан к березе, что склонилась над рекой.

Когда верёвка перестала дёргаться, они вытащили полузадушенного, полузахлебнувшегося Петруху, привели его в чувство и снова начали допрашивать.

Экзекуции повторялись много раз. После очередной пытки Петруха не мог уже стоять. У него были сломаны ноги, руки, рёбра...

А когда вернулись в дом, то с каким-то остервенением перевернули всё, перекопали вокруг дома землю, разбили почти всю посуду и, не найдя ничего, помчались обратно к реке...

Петруха, видя, что они бегут, приподнялся на локте и произнес:

– В доме ничего нет! Почти всё золото, за исключением того, что вы уже нашли, я сложил в сумы, связал их верёвкой и опустил в воду, как раз под эту вот берёзу. Теперь можете меня добивать, но истинный бог, золото здесь, в реке... Я сам чуть не сошёл с ума, когда однажды после наводнения прибежал к этому дереву, разделся, вроде бы купаться стал. А ногами старался нащупать сумы. И когда их не нашёл, то целый месяц «купался». Аж перед соседями стало стыдно за такое чудачество. Пришлось сказать, что так я лечу спину.

– Так, может, это золото кто-нибудь вытащил?

– Не-е! Утащить его никто не мог! Это уж точно! Может, его просто снесло водой? Возможно, захватило какой-нибудь корягой и оттащило от берега? Могло его и песком замывать. Но золото здесь, в реке, у этой берёзы...

Почти всё лето парни провели в реке, но безрезультатно. Петруха же лежал в зимовье, стонал и с каждым днем становился всё слабее и слабее. И хозяйке ничего не оставалось делать, как вывезить его в деревню, к людям, к врачам...

Так закончилась первая часть трагедии на Жорге.

Когда в нашем селе организовали колхозы, то Петруха со своими большими ногами мог работать только сторожем на колхозных складах, но был очень слаб и, как говорили в деревне, немного «того».

Я лично плохо его помню. Остался в памяти болезненным, тихим, забитым, испуганным... Пожалуй, до Отечественной войны он не дожил, и Барбосиха – так по мужу и звали Ефросинью – осталась с тремя девками. С самой младшей я учился в одной школе.

В войну недалеко от нашего села было несколько золотых приисков, и не реже двух раз в год тетка Ефросинья туда ездила, иногда даже добиралась до Читы. И после этих поездок у них было много такого, о чём мы могли только мечтать или грезить во сне. В те годы было открыто свободное старательство на золото. Его от людей принимали в скупках, выдавали боны, на которые в спецмагазинах можно было купить всё в буквальном смысле этого слова. У Барбосихи было огромное богатство. При этом почти все в деревне пухли от голода... Вот тогда-то по селу и поползли всевозможные слухи, догадки, рассказы о золотых слитках, которые, кроме сброшенных в воду (возможно, о них не знал даже сам Барбос), остались у них.

А позже в их семье началось что-то непонятное. После смерти хозяина оставшиеся три дочери, взрослея, становились красавицами. От женихов не было отбоя. И для этого, по моему, было две причины: первая и, наверное, самая главная – девочки действительно были хороши! И работающие, и певуньи, и плясуньи, и чистюли – одна под стать другой. А вторая – это таинственное золото, вес которого, по разным слухам, достигал сотен килограммов. И

когда старшая вышла замуж, то жить они поселились в доме матери. Досужие языки утверждали, что этот парень женился чуть ли не по какому-то заданию, чтобы разыскать золото. И вот он-то через короткий срок заболел какой-то непонятной болезнью: у него ничего почти не болело, но молодой человек с каждым днем угасал как свеча... Он с огромной радостью встретил рождение дочери, а сынишка родился уже после него... И дочка росла, как говорят, не по дням, а по часам, была бодренькой, веселой, жизнерадостной. А парнишке не повезло: он, как и отец, медленно угасал...

Еще при жизни деревенские старики часто советовали тому парню:

– Ты, паря, съехал бы с этого дома. Перевези свою семью в другой дом, может, тогда у вас будет жизнь, а так погибнешь ни за грош, ни за копейку... Много худых слухов ходит у нас по селу об этой семье.

Но приезжий не послушался их и умер... Второй зять оказался решительнее первого, он свою жену сразу же перевёз к себе, на другой конец деревни. Здесь эта страшная болезнь вроде бы пока не трогала мужской пол. Но через полтора года, как подрубленные деревья, свалились и ушли в землю почти все мужчины и этой семьи.

Теперь красивых и статных Барбосиных девок стали бояться парни всего села. Иногда с ними заводили дружбу только приезжие, но и те, наслушавшись разговоров, не решались с ними вступать в официальный брак.

Потом получилось так, что золотые прииски законсервировали как нерентабельные, золото скупать перестали. И вот только тогда семья Барбосихи обеднела. Но тётка Ефросинья опять куда-то съездила, что-то «провернула» и снова привезла «целый воз богатства», а это уже было в 1948 году.

После войны, когда не только слухи, а самое настоящее золото, отрезанное или отпиленное от кусков и сданное в золотоскупку, подтвердило эти разговоры, официальные власти постарались что-нибудь выяснить у хозяйки, пытались найти слитки. Не найдя ничего в их

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВ. СЛИТКИ ЗОЛОТА.

доме, организовали водолазные работы на Жоргее. Несколько недель водолазы обшарили дно реки, но там тоже ничего не нашли. То ли Петруха сказал неправду, то ли золото замыло песком, одним словом, над этими многими пудами чистого золота нависла тайна. Тайна, которую хранит вот эта склонённая над рекой берёза, свидетельница трагических событий, которые происходили в далёкие и грозные революционные дни...

– Та-а-к! – выслушав наши рассказы, протяжно проговорил начальник поискового отряда, который ехал за многие сотни километров на поиски затерянного золотого ключика. Ключика, в породах которого, по словам проводника, самородки как тараканы...

– Сюда бы завезти малолитражную драгу, – продолжил он. – Представьте: медленно поднимаете ковш, а в нём слитки, чушки золота. Да! Эта драга может себя оправдать полностью за несколько дней...

– А если этого золота вообще в этой речке нет, – остудил его пыл проводник. – Если эти слитки спокойненько полеживают в тайнике бабки Барбосихи? Тогда как?

– Ну, тогда будут одни сплошные убытки,

– разводя руками, добавил геолог. – Ладно, парни! Давайте отдыхать. Завтра, теперь уже сегодня, – глядя на заметно посеревшее на востоке небо, проговорил он, – перекуем Серка и двинем искать наш ключик. А там ведь, по рассказам Григория Ивановича, золота несколько не меньше, чем в этих сумах...

Шумела река Жоргей, шумела склонённая над водой берёза, и в этом шуме было что-то угрюмое и невысказанное...

Когда перековали лошадь, я не удержался и бултыхнулся в воду. Несколько раз проплыл с открытыми глазами вдоль берега. Дно было чистым и каменистым, песка почти не было. А когда я вылез из воды и стал медленно одеваться около берёзы, то на ней увидел кольцеобразные полосы. Может, это были следы от верёвки, что привязывали те парни, когда пытали Петруху? Или это приставал к берегу какой-нибудь редкий в этих местах катер? Трудно было сказать что-то определённое.

Но совершенно было ясно, что эта берёза – свидетельница и невольная участница тех далёких и трагических событий, которые в этих местах происходили в годы революции...

Варвара КОРЯКИНА,
член Союза писателей РС(Я),
г. Нерюнгри

За тенью пожелтевших фотографий

Каждая семья хранит тайны и легенды своего рода. Реликвиями прошлых лет являются фотографии, запечатлевшие образы людей, давно ушедших в вечность. С пожелтевших старинных фотографий на нас смотрят наши предки – деды, прадеды... Судьбы их полны загадок, каждый из них прожил особенную жизнь.

В детстве я любила разглядывать старые снимки начала 20-го века, и меня всегда поражали какое-то внутреннее благородство и глубина личности, отраженные в лицах людей той эпохи.

В памяти хранятся услышанные в далеком детстве от бабушки и мамы удивительные

легенды нашего рода по материнской линии. Предания о далеком прошлом увлекали меня, и я с пяти лет представляла своих предков и события тех лет как некую сказку, в которой задействованы были незнакомые мне, но родные по крови, люди, и всегда знала, что к этой необычной сказке и я имею непосредственное отношение. Наш род хранит много интересных, порой и мистических, легенд.

По старинному преданию истоки рода по матери Ирине Герасимовне Николаевой идут от легендарного Онобоччут Баайа. Об этом известно в свое время и очень состоятельном человеке сложено немало преданий. До сих пор бытует легенда о том, как был захоронен Онобоччут Баай. Знатного тойона похоронили по древнему тюркскому обычаю

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ЗА ТЕНЬЮ ПОЖЕЛТЕВШИХ ФОТОГРАФИЙ.

Дед Герасим Максимович (сидит посередине).

вместе с любимым конем – верным другом, было велено зарыть живьем и слугу, но, по сказаниям тех лет, молодой, ловкий и смелый юноша сбежал и избежал участи быть заживо похороненным.

В те далекие времена Ботулу называли Ботулу Онобоччута, настолько знатен и богат был этот тойон. Во времена расцвета его правления в Ботулу прибыл некий молодой человек по имени Хахсык со стороны Якутска. Родом Хахсык, возможно, был из «жадных до крови хангыл хангаласцев», из местности

Хахсык. У Онобоччута было пять сыновей и одна единственная дочь. Отважный и смекалистый Хахсык очень понравился Онобоччут Баайу и он взял его к себе на службу, затем женил на своей единственной дочери.

У супругов родился мальчик.

Но чем-то обеспокоен был молодой человек, что-то его угнетало. Не находил он себе места, возможно, слишком крутой нрав тестя устрасал его. Но легенды гласят, что грозный Онобоччут ничем не обижал своего зятя, доверял ему. Однажды Хахсык подошел к Онобоччут Баайу и сказал: «В этих краях мало искусных кузнецов, мало изделий из железа для пользования в быту – иголок, наперстков, ножей, топоров и приспособлений для колки льда. Хочу поехать в родные места, там заказать известным кузнецам эти изделия, для этого нужны меха – большой ворох».

Онобоччут отдал столько мехов, сколько просил зять Хахсык. Хахсык уехал и пропал, не возвратился больше он в Ботулу. Кто-то говорил, что Хахсык просто сбежал с добром, а иные говорили, что кочевые тунгусы позарились на меха и убили его. А другие шептались, что заподозрив молодого зятя в корыстных намерениях и вероломстве, сам могущественный Онобоччут велел его убрать. Но этого никто не знает. Не вернулся Хахсык к жене и сыну.

До трех лет сын Хахсыка ходил без имени, родные обратились к Онобоччуту: «Вот ре-

Прадед Максим Николаевич (сидит слева).

бенку уже три года будет, а он до сих пор без имени, как же его звать-величать будем». Тогда ответил предводитель Ботулу: «Наречем мальчика Хахсыком, его отец Хахсык был неплохим человеком». С этого мальчика Хахсыка пошел род Хахсык. Став взрослым, Хахсык унаследовал все богатства и земли своего деда Онобоччут Баайа, было у него много детей, жил он в богатстве и знатности. С тех пор Ботулу стали называть Ботулу Хахсыка. Такова легенда об истоках рода Николаевых – моих предков по линии матери. Легенду эту подтверждают материалы из Национального архива Республики Саха. Во время переписи, проведенной в Ботулинском наслеге 25 января 1858 года, были записаны Николай Александров Хахсык – 40 лет, жена – Дарья Яковлева – 44 года, мать – Александрова Наталья – 74 года и дети Николая и Дарьи: Мавра – 23 года, Максим – 19 лет, Иван – 15 лет, Данила – 11 лет, Федот – 6 лет.

Из всех детей Хахсык Николая самым известным и уважаемым стал его старший

сын Максим Николаевич Николаев (1839–1904) – голова Верхневилуйского улуса, князь Ботулинского наслега. 32 года он верой и правдой служил своим сородичам и царю, был дважды награжден серебряными медалями: первая медаль – за хорошее исполнение своих обязанностей и благие дела – “За усердие”, вторая – за долгую службу. Но и другой сын Хахсыка – Иван по прозвищу Почёт (Бочуот) – также был князем и старшиной в Ботулинском наслеге.

Единственным сыном князя Максима был Николаев Герасим Максимович – мой дед, отец моей мамы Ирины Герасимовны. Тоже был князем Ботулинского наслега. Герасим Максимович за верную службу был удостоен серебряной медали «В память 300-летия Царствования Дома Романовых. 1613–1913» и именного кортика.

Трижды был женат Герасим Максимович. От первого брака с дочерью головы Верхневилуйского улуса Давыда Поскачина Анны в живых остались сыновья – Степан и Николай, дочери – Анна и Варвара. Степан Герасимович стал одним из первых образованных людей своего улуса, работал писарем в управе. Младший сын Николай (Ньюккаа) во времена установления советской власти стал председателем Ботулинского наследного совета, его уважают, о нем помнят в родном краю.

О второй жене деда и детях от нее сведений нет. Третий раз Герасим Максимович 40-летним вдовцом женился на моей бабушке – Варваре Семеновне, ей тогда было 18 лет. Родили 11 детей, из них выжили только три дочери: Ирина – моя мама, Христина и Александра. Смерть малолетних детей князя Герасима имела свою мистическую тайну. Герасим Максимович очень хорошо пел, пенье его настолько было одухотворенным и прекрасным, что с ним сам демон решил соревноваться в пении тойука. Когда Герасим выигрывал в этом незримом певческом поединке с нечистью, то демон из Нижнего мира, разгневанный тем, что простой смертный перепел его, забирал душу его детей.

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ЗА ТЕНЬЮ ПОЖЕЛТЕВШИХ ФОТОГРАФИЙ.

Медаль деда Герасима Максимовича.

Сам князь Герасим не знал о грозной невидимой дуэли с демоном. Об этом рассказал деду один могущественный шаман. Ойуун приехал камлать, когда заболела и умирала маленькая дочь деда и бабушки Ольга. Шаман не смог спасти девочку, но прогнал нечистую силу в преисподнюю. На этом нить зла оборвалась навсегда. Дед перестал петь и три дочки остались живы. Был наложен сакральный запрет – последующие пять поколений из рода князя Герасима, даже обладая прекрасным голосом, не смогут петь. Такую загадочную и необычную семейную тайну поведала мне мама.

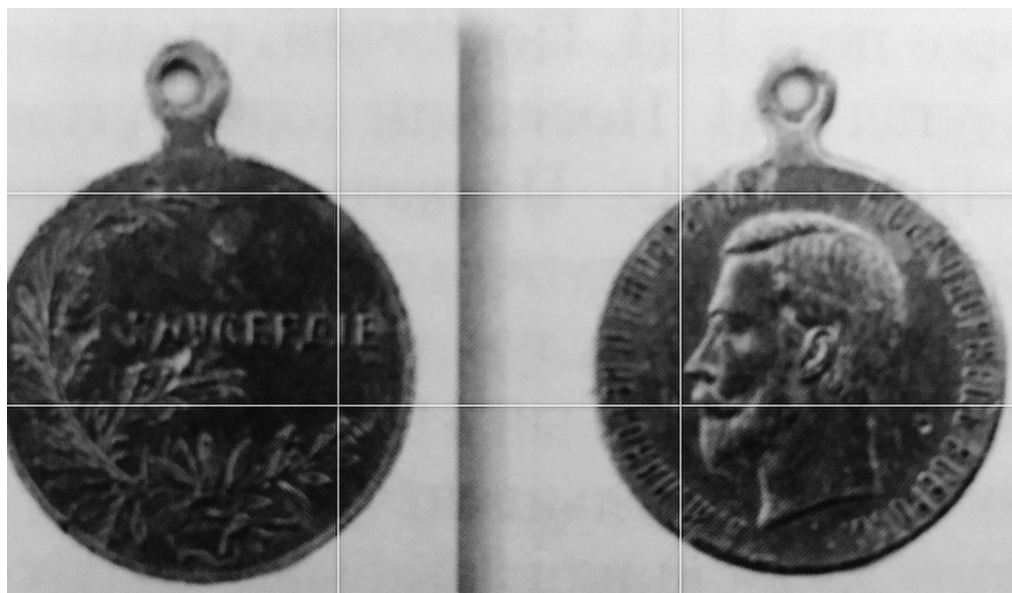
С певческим талантом в роду Хахсыков связана особая мистика.

В нашей семье бытует еще одно предание про Ырыа Уйбаанту – Поющего Ивана. Среди наших предков был некий Иван. У Ивана был

настолько чудесный голос, что его тойук завораживал слушателей, когда он запевал осуохай, то будто сама природа подпевала ему. У этого певца был дар свыше, он был одарен магией слова и тойука, был отмечен в небесах Божеством Улуу Суорун – Великий Ворон. Старики сказывали, что когда кого-то из рода Хахсыка ждала близкая смерть, то на закате дня, на могиле Поющего Ивана слышалась удивительная песня, звонким эхом доносящаяся в тиши вечерующего дня. Пять поколений из рода Онобоччута доживут свой век и перестанет петь дух Поющего Ивана. Таково мистическое сказание былых дней об удивительно талантливом певце, который своим особым даром, приносящим радость, восхваляя лишь небесных божеств, разгневал темные силы и за это поплатился жизнью.

Бабушка Варвара Семеновна рассказывала, что наш дед Герасим Максимович был дружен с известным якутским поэтом Алексеем Кулаковским – Өксөкүлээх Өлөксөй, когда он жил и работал в Вилюйских краях, даже его стихотворение «Песня пьяного буржуя» («Итирикбурсуууырыата») посвящено нашему деду. Алексей Елисеевич подарил Герасиму Максимовичу рукопись своего легендарного произведения «Сновидение шамана». Перед смертью Герасим Максимович отдал рукопись сыну Степану. Но, к сожалению, эта бесценная реликвия была утеряна в тридцатые годы прошлого века.

Есть еще один очень интересный факт. В метрической книге начала 20-го века Ботулинской Николаевской церкви

Медаль прадеда Максима Николаевича.

представители рода Хахсык записаны под фамилией Болторин: сам Герасим Максимов Болторин и его сыновья – Степан Герасимов Болторин, Николай Герасимов Болторин. Почему они были так записаны? Возможно, их записали под ранним именем их предка Онобоччут Баайа, которого в молодости звали Болтору. В народе говорят, что старшего сына Онобоччута Александра до крещения звали Атлаас Болторин.

Много тайн хранит наш старинный род. В линии рода, идущей от Онобоччут Баайа – в семье Николаевой Ирины Герасимовны и Павлова Прокопия Алексеевича, – как и у далекого предка пятеро сыновей: Дашевский Александр Александрович, Павлов Анатолий Прокопьевич, Павлов Прокопий Прокопьевич, Павлов Вадим Прокопьевич, Павлов Алексей Прокопьевич и единственная дочь, самый младший ребенок в семье – Павлова-Корякина Варвара Прокопьевна. Эта ветвь, в которую входят наши родители, дети и внуки, хранит память о предках, помнит о них, передавая потомкам предания и легенды былых времен...

От мамы досталось мне фамильное украшение, передающееся по женской линии – незатейливый серебряный браслетик с маленькой гранатовой вставкой, украшенный ниспадающими цепочками, в конце которых висят маленькие шарики. Это подарок деда Герасима Максимовича моей бабушке Варваре Семеновне. Оказывается этот браслетик имеет свою историю, судя по клейму ЮБ и изображению девушки в кокошнике (это тоже знак автора изделия) ювелирное украшение изготовлено в мастерской известного золотых и серебряных дел мастера 19-го века Белова Александра Дмитриевича в Москве. Герасим Максимович преподнес это лаконичное и элегантное украшение своей молодой 18-летней жене в день венчания.

Из глубин памяти всплывают рассказы бабушки, которые моя детская суть впитала как нечто яркое и незабываемое, мое воображение рисует удивительную картину.

В честь венчания князя Герасима звонят колокола Ботулинской Николаевской церкви. Венчались они в апреле. Яркое слепящее весеннее солнце льет свои теплые

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ЗА ТЕНЬЮ ПОЖЕЛТЕВШИХ ФОТОГРАФИЙ.

лучи, хрустальный звон капли, шелест освежающего ветерка. Перед восточными воротами храма стоит пара: хорошо сложенный мужчина лет сорока – невысокого роста с благородной бородой, обрамляющей лицо, в круглых очках, с пышной шевелюрой с едва заметной проседью. Одет он в нарядный суконный кафтан, на нём – серебряный пояс с именным кортиком также из серебра – подарок от императора.

А рядом – стройная высокая девушка в белом шелковом платье-халадааи, в серебряных украшениях, поверх платья накинута пальто из сукна и блестящей тафты, отороченное мехом соболя. Она тонколика и белокожа, гордый профиль утонченного носа – с легкой горбинкой, смущенно потупленный взор, по спине струится густая длинная коса цвета осенней ночи. После таинства венчания на крыльце церкви Герасим достает коробочку, обитую синим бархатом, украшенную по углам серебряными ажурными вставками, и преподносит взволнованной юной жене. Варя открывает коробочку, видит браслет, а

супруг ей шепчет в ухо: «Этот браслет – залог наших прочных брачных уз и символ твоей долгой счастливой жизни»...

Были в их жизни и счастье, и потери, были большие перемены и в семье, и в стране. После смерти мужа Герасима в 20-ых годах 20-го века, во время Гражданской войны, молодая Варвара в смятении и в испуге в глухой тайге закопала княжеские регалии мужа и именной серебряный кортик. С тех пор никто из рода Хахсык не говорил открыто о славном прошлом предков, запрятав воспоминания в недостижимые глубины памяти.

Только потом, спустя много-много лет, как легенды и предания прошлых ушедших времен, украдкой в тиши зимних вечеров, под треск горячей печи звучали воспоминания, чтобы мы – потомки – помнили о своих корнях, знали из какого роду-племени...

И за тенью пожелтевших фотографий – судьбы предков, история семьи, история страны...

Татьяна ФИЛИППОВА

ОХОТА

Рассказ

...Я возвращался с удачной охоты, на плече у меня висело ружье, а руки оттягивала увесистая ноша. В тот день я убил никак не меньше двадцати зайцев. Облизывая пересохшие губы, я шел обратно в ютэн¹, готовый в любую минуту вновь расколоть эту тишину словно ореховую скорлупу.

Вдруг вдалеке, в лучах медленно гаснущего солнца, я увидел силуэт человека, идущего мне навстречу. То был охотник, такой же, как и я. На одном плече у него болталось ружье, а на другом висел тяжелый рюкзак. Мы помахали друг другу, приблизились, а затем я с ужасом узнал в нем себя. Призрак, поравнявшись со мной, исчез. Так сам Байанай подал мне знак: остановись.

Коротко о себе

По паспорту место моего рождения — село Хаяхсыгт Чурапчинского района. Это так и по состоянию души.

В Хаяхсыгте прошло все мое летнее детство, по этим воспоминаниям затем сложился рассказ «Охота».

В 2004 году окончила с отличием факультет филологии и журналистики Иркутского госуниверситета. С увлечением писала про театр, когда работала журналистом.

Сейчас работаю над романом о чурапчинских переселенцах, увлекаюсь фотографией. Мои герои в фотографии — это птицы, Север и люди, живущие на реке.

ТАТЬЯНА ФИЛИППОВА. ОХОТА.

1

Когда охота проходит по всем правилам, неписаным, но важным для каждого охотника, она обретает некий сакральный смысл.

Жизнь, зародившаяся однажды, должна завершить свой круг смертью. Таков основной закон природы, и его действие мы можем наблюдать во всем, что нас окружает. Так считал мой отец. «У всего есть начало и конец», — говаривал он.

Охота начинается не с первого выстрела, и даже не с первой добытой утки или зайца, а с приготовления, которыми всегда сопровождалась в нашей семье сборы в дальнюю дорогу. В этом заключается суть ритуала, соблюдаемого испокон веков, где

¹ Ютэн – охотничья избушка (якутск.).

Впервые в «Полярной звезде»

каждый выполняет отведенную ему роль: мужчины вдумчиво, не спеша, собираются в путь, а женщины с вечера готовят для них еду.

Несмотря на обыденность совершаемых действий, я живо представляю себе тот священный ореол, который окружает это древнее таинство, вижу нить, которая незримо тянется между прошлым и настоящим, и понимаю, откуда корни той неизбывной радости, которая побуждала меня без усталости гоняться за собаками, изображая охотника.

Но стоило отцу уехать, как все вокруг замирало. Мы свято чтим образованную пустоту и старались не нарушать ее целостности, разве что мать изредка прикрикнет на скотину. Её крик прозвучит одиноко, ненадолго повиснет в воздухе и растает.

С момента папиного отъезда начинался наш почетный караул. Часто мы с Машкой до самой темноты сидели на заборе и следили за дорогой, которая змейкой убегала вдаль, ожидая, что вот-вот замаячат два световых круга автомобильных фар и разнесется звук мотора папиного «уазика». Сообщить маме радостную весть было делом чрезвычайной важности, и я всякий раз ужасно расстраивался, если Машке удавалось меня опередить.

Однажды я простудился и сильно бредил во сне. Мать отпаивала меня отварами, а я все никак не мог согреться, все бежал, шлепая босыми и мокрыми ногами по холодному полу, к окну, выходящему на дорогу. Болезнь захватила меня в плен бесконечного цикла, едва добравшись до цели, я вновь оказывался в начале своего пути, и мой бег повторялся, будто в какой-нибудь безумной гифке.

Наутро я очнулся под радостные возгласы, доносившиеся с кухни, и сразу понял, что проспал папин приезд. Весеннее солнце по-летнему осветило комнаты, и я буквально физически ощутил, как в доме восстановилась утраченная гармония. Вся семья, собравшись за большим круглым столом, завтракала, мать готовила кёрчэх², а Машка важничала, рассказывая об отметках в школе. Мне тоже не терпелось поделиться с папой последними новостями. Вскочив с кровати, я выбежал в коридор, а там почти все пространство, от двери до самой печи, было занято лежащими на полу зайцами,

² Кёрчэх – взбитые сливки (якутск.).

целой ротой убитых зверей. Застывшие, неживые, они напоминали деревянных солдатиков, в чьих невидящих глазах, будто в блестящих стеклянных шариках, отражался оконный свет. Не зная, куда ступить, я расплакался. Услышав мой плач, отец сам ко мне подошел, взял на руки и стал утешать:

— Тойуом, ытаама. Туохтан ытаатын?³

Но я никак не мог этого объяснить. Действительно, отчего?

Детские воспоминания — будто плавание в теплой и прозрачной реке. Стоит закрыть глаза, как солнечные блики начинают играть на воде. Его любовь — моя вечная боль, острые и болезненные уколы в сердце.

В предутренний час мрак, сгущаясь, становится почти ощутимым, я втягиваю голову в плечи и, засыпая, горестно думаю: «Разве этого я хотел?»

2

У нас была самая обычная семья, мама работала учительницей, отец — водителем в поселковой администрации. Время от времени он по делам ездил в город и привозил маме и Машке обновки, а мне — журналы и видеоигры. Бывало, он терял подробно написанные мной инструкции и покупал совсем не то, о чем я просил, но однажды, к моему десятилетию, он привез то, отчего разом забылись все мои мелкие обиды и разочарования.

Эта была новехонькая пневматическая винтовка ИЖ-38, такая легкая и изящная по сравнению с отцовскими ружьями, что казалась игрушечной. Я был мелким пацаном, а у меня уже была своя воздушка! Каждый вечер я залезал с нею под крышу амбара и, прячась там ото всех, бережно смазывал маслом. Мне нравилось сидеть там и представлять разные смешные ситуации, будто я выстреливаю в зад какому-нибудь придурку или парой коротких фраз смущаю молоденькую красотку. В памяти всегда найдутся места, куда приятно возвращаться, одно из них — это наш старенький амбар, под крышей которого я читал Чейза и Флеминга, украдкой курил и целился в ворон.

³ Не плачь, сынок. С чего это вдруг заплакал? (якутск.).

Тогда-то я и познакомился с Павликом. Сидя в своем тайнике, я заметил, как они целуются с Машкой за деревянным душем, и заржал как конь. Услышав меня, Павлик сам стал хохотать, как угорелый, чем здорово ее разозлил.

Даже когда у них с Машкой все окончательно разладилось и ходить к нам у него отпала всякая нужда, Павлик продолжал со мной общаться. Из-за слабого здоровья я почти все время сидел дома, а он по пути из школы домой делал громадный крюк, чтобы только покурить вместе отцовские сигареты. Как-то он предложил сделать из моей воздушки обрез с расточенным стволом под мелкашку. По его совету ночью я сам отпилил приклад у своей красавицы, обмотал скотчем рукоять и спрятал готовый обрез под кровать. Если бы Машка меня тогда не выдала, может быть, ничего и не случилось. Но так или иначе, отец все узнал. Дома был скандал, отец страшно ругался, называл меня бандитом и, кажется, до самой смерти меня не простил.

Едва дождавшись окончания школы, я уехал в Якутск, и с тех пор не возвращался. Больше всех пострадала мать, она так и не смирилась с этим и все оставшиеся годы пыталась нас помирить. Отец пережил ее на целых десять лет, и за все это время я ни разу его не навестил. И все же не проходило и дня, чтобы я не сожалел о том детском своем проступке. Стоило мне остаться наедине с собой, как воспоминания набрасывались на меня словно голодные бездомные псы.

...Мама, сидя на табурете возле печки-буржуйки, жарит на улице карасей, вокруг нее вьется кот. А я – в гараже вместе с папой, он просит найти плоскогубцы. В детстве я часто слышал от него эту фразу: “Поддай-ка мне плоскогубцы”, но во сне она показалась странной, непривычной, и сам инструмент был совсем другим, не то, что молоток или отвертка. Пока я пытался закрепить в памяти образ плоскогубцев, сон внезапно начал менять направление. В ужасе я попытался схватить ускользающее одеяло сна за кончик, но ничего не вышло.

Проснувшись, я понял: вернуть прошлое мне не удастся, но если судьба подает мне таким образом знаки, если она хочет, чтобы я вернулся домой, то так тому и быть.

На следующий день я нашел через знакомых номер Павлика и позвонил.

3

Таксист выкинул меня у старого клуба, где в советское время крутили индийское кино, а в 90-ые проходили наши школьные дискотеки. В десятом классе пухлощекая девочка с густой челкой пригласила меня на белый танец. Но мне тогда нравилась другая, и я долго ломался, прежде чем пойти с ней. Когда танец закончился, эта девочка не ушла сразу, и мы с ней еще немного подрыгали ногами под Рикки Мартина. После дискотеки я проводил ее до дома, неловко ткнулся носом в румяную щечку. Так со мной случилась первая любовь.

С холма, на котором возвышалось здание клуба, было видно, как сильно деревня разрослась и изменилась. Появилось много новых домов, улиц, магазинов и вывесок. Пока меня не было, жизнь здесь текла своим чередом. Я шел по главной улице и втайне надеялся встретить хотя бы одного знакомого, но, как назло, мне попадались одни дети, которые с удивлением смотрели на мой туристический рюкзак и наверняка гадали, кто я и что здесь делаю. Ощущение собственной чужеродности усилилось еще больше, когда я дошел до старой пекарни. Раньше там можно было купить обжигающе-горячий хлеб, самый вкусный в округе. Как же я удивился, когда увидел, что у нее появился пристрой, в котором, помимо хлеба, продается много чего еще, и там толкуются все те же незнакомые мне люди.

На двери магазина висело объявление, набранное на компьютере: 1 СЕНТЯБРЯ — ВЫХОДНОЙ.

Я усмехнулся про себя. Мне всегда казалось, что я отторгаю деревню, но на деле это деревня отторгала меня. Когда я шел к этой пекарне, я отчего-то решил, что она станет доказательством моей причастности к здешней жизни и каким-то образом все расставит по своим местам, но правда заключалась в том, что чужаком в этой деревне был я.

С пекарни я свернул на нашу улицу и увидел родной двор, дом с окнами в синей раме, густые

ТАТЬЯНА ФИЛИППОВА. ОХОТА.

Впервые в «Полярной звезде»

заросли боярышника. Я ускорился, чтобы быстрее до него добраться, а у самого порога вспомнил, что ключей от дома у меня нет. На двери висел увесистый замок.

Когда в оконном проеме возникла седая и растрепанная Костина голова, я чуть не рассмеялся. Закричал:

— Это я, дядя Костя!

Старик кивнул утвердительно: мол, вижу, и махнул рукой — заходи. У входа мы обнялись, крепко пожали друг другу руки.

— Ты откуда, Платон? На охоту приехал?

— Да, завтра выезжаем уже.

— Это хорошо, главное, чтобы дождь не пошел, дорога плохая нынче, говорят.

— Ну, посмотрим, вроде не ожидается. Дядя Костя, я насчет ключей от нашего дома, у вас нету, случайно?

— А-а, — засуетился дед, — погоди, сейчас поищу, — качнув головой, исчез в глубине дома. Зажег в дальней комнате свет, погромел там посудой и вернулся с небольшой связкой. — Тут посмотри сам, что-то должно подходить. Машка-то нынче не приедет, нет? Ну, ничего, а ты молодец, что приехал.

Войдя в дом, я удивился тому, что внутри все сохранилось именно в том виде, в каком я его помню. Хрустальная посуда в серванте, фарфоровые статуэтки, фотографии на стенах... Все было на своих местах, будто хозяева ненадолго уехали в отпуск и скоро вернуться.

Я нашел свою старую кровать, рухнул на нее, как был, в одежде, и тут же заснул. Проснувшись после обеда, я не сразу понял, где нахожусь. Хотелось пить, но нигде не было даже капли воды. С собой было несколько бутылок водки, но вода вся закончилась еще на пути сюда. Пока я ошалело бродил по двору, не зная, что предпринять, мне помахал с дороги человек. Я махнул в ответ. Человек подошел ближе и весьма неожиданно для меня обернулся Павликом. Да, это был он! Тот самый прохиндей, с которым мы договорились ехать на охоту.

— Вот это да! Павлик!

— Ойунский! — Павлик подбежал, хлопнул меня по плечу. — Я, если честно, не верил, что ты приедешь.

«Ойунским» меня не называли уже очень давно, и меня слегка покорило, что Павлик вдруг вспомнил мое школьное прозвище.

— Что, едем? Может, прямо сегодня?

— Конечно. У меня все готово, — Павлик смотрел на меня и улыбался. — Надо же, какой ты стал!

— Да, только надо будет в магазин заехать, у меня с собой ничего нет. Кроме ружья, патронов и колбасы, вообще ничего, водку купил, но, опять же, может не хватить!

— Ну, водка и колбаса — уже хорошо! — Павлик жил один. Я слышал, жена ушла от него много лет назад. Злые языки поговаривали, будто бы она пыталась пить с ним наравне, но испугалась, не смогла, проще оказалось бросить его и уйти. Детей у них не было, так что он продолжал вести тот же образ жизни, что и всегда. — Какая охота без водки! Да?

4

Павлик вел машину словно в последний бой, нас болтало в ней, как в консервной банке. Наконец, мы съехали с дороги в лесную чащу, и «уазик» остановился, уткнувшись мордой в кусты.

— Машину оставим здесь, — Павлик вынул ключ из замка зажигания. Кивнул в сторону багажника, где в кружащейся в воздухе пыли лежали наши припасы. — У нас, кажись, карбюратор сейчас сдохнет. Я потом вернусь сюда, посмотрю, что можно сделать. А сейчас давай выгружаться. Нам до ночи успеть надо.

Достали вещи, ветками прикрыли машине зад и пошли. Следуя за Павликом, я старался запомнить дорогу, но после десятой метки, которую я попытался закрепить у себя в памяти, сбился, и затем уже просто шел, от скуки представляя себя героем RPG-игры, который должен выполнить миссию и по окончании получить заветную награду. Деревья тянули свои длинные черные ветви, били по лицу, а за ними скрывались невидимые противники.

«Тррр-трр-тр-трр-тррр», — пела в голове автоматная очередь. Я укладывал одного уродца за другим. Уверенности добавляло настоящее ружье за спиной.

Местность, где мы собирались охотиться, называлась «Кюёх оттоох» и состояла из двух алаасов-полян, разделенных между собой лесной чащей. В каждом из этих алаасов было по большому озеру, но так уж повелось, что охотились люди в одном алаасе, а жили в другом.

Первым делом поставили навес на опушке охотничьего алааса. А затем с вещами двинули дальше, к угодьям сенокосчиков. Стоянкой нам служил старинный черный ютэн, крепкая деревянная постройка начала прошлого века.

Павлик дернул за ручку двери, в лицо резко пахло грибной сыростью. Привыкнув к темноте, я разглядел, что в доме есть все необходимое: спички, свечи и соль, колода игральных карт и кое-какая посуда: кружки, миски и алюминиевые ложки. В дополнение к этому охотничьему набору имелась стопка журналов «Наука и жизнь», которую охраняла открытка с изображением иконы

Николая Чудотворца. Позже, не найдя иной бумаги, я осмелился достать эти журналы для растопки дров, и заметил, что часть из них уже лишилась внутренних страниц.

5

Тяжелое отцовское ружье больно упирается мне прикладом в плечо, я давно не менял положения, отчего у меня онемело тело и неприятно заныли ноги в болотных сапогах.

– Эх, хоть бы одна пролетела, – вздыхает Павлик. – Ладно, пойду гляну на следы.

Утром он ходил за хворостом и наткнулся на свежие лосиные следы. Я сам видел на другой стороне озера поломанные кустарники и круглые картофелины лосиного помета, что явственно указывало на присутствие сохатого. Найдя еще одно

ТАТЬЯНА ФИЛИППОВА. ОХОТА.

Впервые в «Полярной звезде»

доказательство, Павлик окончательно сбрендил, теперь его уже мало интересуют утки, и он то и дело пропадает в чаще леса, устраивая все новые и новые ловушки. Его можно понять: пошли третьи сутки, как мы здесь, а уток все нет.

Сегодня моя очередь готовить. Я развел костер во дворе (хотя двором это трудно назвать, так как от забора почти ничего не осталось) и поставил вариться суп из тушенки. Пока я чистил и мыл в озере картошку, Павлик принес карты и выпивку.

– Павлик, а ты батю моего помнишь?

– Помню, конечно, хороший был мужик, – Павлик бросил короткий взгляд на меня. – Помянем.

– Помянем.

Выпили, не чокаясь.

– А ты знаешь, что твой батя медведя завалил?

– Павлик потасовал и раздал карты. – Да, ты уже уехал, не знаешь, наверно. Тогда вот так же на уток охотились, ждали долго, неделю на озере вхолостую сидели, а уток все не было. И тогда твоей батя предложил на Малое озеро сходить, мол, там сейчас наши утки, надо их согнать оттуда, чтобы сюда прилетели. Пошли с ним я и Костя еще. Вдруг иду и чувствую: что-то воняет! Как будто кто-то пернул! Только хотел возмутиться, смотрю, а в кустах мертвая лошадь лежит! То есть, получается, это уже вторая за лето. Ну, мы расстроились, конечно, но что поделаешь, пошли дальше.

На озере уток тоже не было. Мы с Костей караулить остались, а дядя Миша вечером пошел обратно, идет мимо той лошади, а она как будто шевелится. Что за черт, думает, она же мертвая, а это, оказывается, медведь сидит и ест!

– И что, он его убил?

– Нет, конечно, у него же с собой только гладкоствол был! Схоронился он, короче, и пополз в сторону деревни.

– А как же он тогда его убил?

– Ну, подожди, я же рассказываю, – Павлик прищурился, положил козырную шестерку на моего туза. – Как добрался до деревни, рассказал мужикам про медведя, те взяли ружья и пошли на место, но как-то неудачно они сходили. Медведь ушел, а через день задрал собаку. Но, видимо, в него тогда все-таки попали, потому что когда твой батя его завалил, у него всего три лапы было.

Павлик говорил нарочито медленно, не торопясь, растягивая слова и делая паузы, будто все его внимание занимает игра. Но все его мальчишечье лицо, блестящие глаза и тонкие, подвижные губы были готовы взорваться от переполняющих эмоций.

– Ну, а дальше что? – не выдержал я.

– Осенью мы с мужиками поехали охотиться на сохатого. За Сырдаахом, это далеко отсюда. В самом начале разделились по одному, взяли ружья и пошли, таким полукругом. Меня тогда впервые взяли на лося. Иду, в лесу тихо. Вдруг, слышу, собака сначала залаяла, а потом медведь заревел и выстрелы. Я испугался, понял, что там кто-то из наших, побежал, а лес густой, когда добрался, все уже было кончено, – Павлик нервно рассмеялся. – Батя твой, слава богу, целый! Только весь трясется и руки ходуном ходят! Оказывается, тот самый медведь сам на него вышел, а расстояние между ними было не больше десяти метров! Схватился за ружье, а оно незаряженное! Патроны где-то в сумке! Хорошо, собака помогла, пока она на медведя кидалась, батя твой успел достать патрон и выстрелить. Еле-еле успел, конечно. А тот, главное, все еще орет, да так страшно, что он не на шутку испугался, подумал, не смог убить, и стал уже с жизнью прощаться. И только потом понял, что звук идет откуда-то сверху. Там, на дереве, сидел и орал медвежонок, а это была его матерая трехлапая мать.

– Ох... А дальше что?

– Ничего, убил медвежонок. Это же его шкура у вас дома висит, ты ее че, не видел?

– А я думал, это медведя.

– Да как так? Ты чего, Ойунский! Медведица-то огромная была. Ее шкуру он отдал кому или продал, я не знаю. – Павлик непонимающе взглянул на меня. – Ладно. Что там у тебя, готово уже? А то я проголодался.

Вернувшись на следующее утро на кухню, я обнаружил, что кто-то там уже без нас похозяйничал. Ведро со вчерашним супом с особой наглостью было опрокинуто на землю, а из мешка с провизией, который мы хранили в специально вырытой яме, пропала курица и копчености, причем картошку и другие овощи зверь не тронул.

– Это я виноват, не стоило оставлять здесь курицу.

– Ты оставил здесь курицу?

– Да, и еще колбасу, — помявшись, сознался я.

– Ну ты, блин, даешь! Ты чего, Платон? Кругом дикие звери! — Павлик не на шутку рассердился и стал собираться в дорогу.

– Ты куда?

– Никуда. Пойду к машине. Там должна быть тушенка, но ее нам хватит дня на два от силы. Попробую что-нибудь сделать с карбюратором. Если ничего не выйдет, надо будет уже завтра ехать обратно. Так что готовься. Выдвинемся пораньше, и к ночи как-нибудь доедем до Киэн-Кюёля.

– Как думаешь, кто ее забрал?

– Курицу-то? Медведь, конечно. — Павлик усмехнулся. — Да ты не бойся. Может, и люди. Не знаю я. В лесу никогда не скажешь, что ты один. Но ты сам подумай. Если бы это был человек, разве он оставил бы это? — Павлик кивнул на початую бутылку водки.

6

С похмелья у меня ломило тело, но не это было самым противным. Меня беспокоили навязчивые мысли. Несмотря на опустошающую слабость, я никак не мог уснуть снова. Взял ружья и побрел к навесу, оттуда несколько раз лениво крякнул в манок, а потом, устав пялиться в сверкающую озерную гладь, пошел и залег в своем укрытии.

– Аааа! — голос прозвучал чужим, тонким. Крикнул и мгновенно ослаб. Отчаяние надвигалось на меня, как большая морская волна, но вместо того, чтобы попытаться от нее убежать, я покорился ей и поплыл. Я плыл куда-то далеко, устремляясь все выше, приближаясь к огромной туче, закрывшей небо. В ней клубился солнечный свет, яркий, почти люминесцентный, он сделал тучу прозрачной, и затем снова исчез, скрылся. Я закрыл глаза.

А когда открыл, увидел огромную тушу сохатого. Он стоял так близко от меня, что я чувствовал тепло, которое исходило от его царственного тела. Это был здоровенный самец, с длинными, как ходули, ногами, мощным торсом и увесистыми ро-

гами. Я лежал с подветренной стороны и спал как убитый несколько часов, к счастью, ничем себя не выдав. Первым инстинктивным движением я дернулся в поисках ружья и вспомнил, что оставил его под навесом.

Мы взяли с собой по два ружья, гладкоствольные и нарезные, — на случай, если вдруг нападет медведь. (Павлик, наверное, раз двадцать повторил, что здесь водятся косолапые, чем дико меня взбесил.) И тут такая удача, а ружье на опушке леса. Я понял, что достать его будет трудно, одна крохотная ошибка — и пиши пропало! Высчитывая расстояние, я лихорадочно соображал: «Если доберусь до ружья прежде, чем лось что-либо заметит, у меня будет фора на несколько секунд, чтобы успеть выстрелить». Осторожно, стараясь не дышать, я выполз из своего укрытия и побежал.

Отец оценил бы, как быстро я преодолел эту стометровку. В ушах так гудел ветер, будто я пролетел их в каске с нераскрытым парашютом. Я бежал практически не дыша и молил Бога, чтобы ружье было заряжено. Только оказавшись в спасительной тени деревьев, я обернулся и слегка запаниковал, потеряв добычу из виду. Жара согнала сохатого к озеру, и сейчас он разлегся прямо у кромки воды. Пытаясь унять дрожь в руках, я достал ружье, проверил заряд и, придерживаясь все той же подветренной стороны, начал продвигаться ближе. Стало так тихо, я слышал каждую травинку и веточку у себя под ногами и думал о том, что будь у животных пальцы, они могли бы играть на музыкальных инструментах.

Дальше все было, как в замедленном кино: я взял сохатого на прицел, приготовился, чтобы выстрелить, и вдруг засомневался. Лось был ослаблен и никуда не торопился, он был у себя дома, в своих владениях. А я, кто я такой, чтобы его убивать? Целясь в него, я думал о том, что сейчас в этом животном больше достоинства, чем во мне. Я знал, что на этой воображаемой картине у охотника и у его жертвы нет, в общем-то, выбора. Охотник выстрелит, даже если в какую-то часть его сознания проникла крамольная мысль не убивать. Философия целого, которой я так увлекался, вдруг предстала передо мной как она есть, а не как пасторальная картинка из книжки. Но тут лось, будто

ТАТЬЯНА ФИЛИППОВА. ОХОТА.

Впервые в «Полярной звезде»

услышав мои мысли, поднял голову и дернул ушами. И я, скорее от неожиданности, чем намеренно, нажал на спусковой крючок.

Лось встал и метнулся в сторону, я перезарядил ружье и снова выстрелил. Попал или не попал? На выстрелы прибежал Павлик и бросился сохотому наперерез. Вместе мы загнали его обратно к озеру, и там, обессилев от ран, он повалился на бок. Я смотрел на него, слышал стоны и угасающее дыхание, видел затравленный взгляд и ничего не предпринимал, пока Павлик не подошел к нему вплотную и коротким движением ножа не прекратил его мучения. Только тогда лось замолчал.

В тот день мы с Павликом почти не разговаривали, он злился на меня за то, что я отнял у него добычу. Да еще и ранил животное, чего делать вообще не стоило. Молча освеживали тушу и, повесив шкуру сушиться, поели и легли спать.

7

Ночью я проснулся от собачьего лая, псина лаяла довольно долго, и сквозь сон я раздраженно подумал: «Черт бы ее побрал». Но уже в следующую секунду вскочил с кровати от шороха во дворе. Подошел к окну и попытался хоть что-нибудь разглядеть, но тщетно. Светать еще не начало, а видимость была нулевая. На мгновение мне почудилась тень и, хоть я не из трусливых, сердце мгновенно ушло в пятки. Еще меня беспокоило то, что эта непонятно откуда взявшаяся псина могла лаять на зверя покрупнее.

Тут с лязгом упало ведро у костра. Павлик тоже не спал, и мы переглянулись.

– Собака? – испуганно прошептал я.

– Не, лиса, скорее всего. Сиди тут.

Павлик оделся, вышел во двор. Я – за ним.

– Что там?

– Да ничего, мусор, видишь, утащила. Говорил же тебе, чтоб в дом все заносил! – Павлик посмотрел на меня озадаченно, и я, сгорая от стыда, отвернулся.

Утром пакет с мусором мы обнаружили неподалеку от нашего жилища. Несмотря на то, что действовал явно какой-то мелкий зверек, мне

стало не по себе. Да еще и Павлик тут со своими рассказами о медведях. Оптимизма мне все это не прибавляло.

На улице было относительно тепло и сухо, дождей не было, но в воздухе уже чувствовалась осень. Деревья пожелтели, на ветках появилась изморозь, а от земли несло такой сыростью, что ноги в сапогах постоянно стыли.

Потеплее одевшись, я пошел в туалет, прихватив с собой журнал “для чтения”. У двери поколебался, посмотрев на ружье — брать или нет? Но, оглянувшись на Павлика, вышел вон. Честно говоря, эта охота начала меня напрягать.

8

– Терпи, брат, терпи. Ты мужик, должен терпеть, – Павлик распаялся все больше. – Понимаешь, терпи. Я это себе каждый день говорил, когда служил, как молитву. Повторял, когда уже совсем не было сил. Поэтому и ты, брат, терпи. Понял? Должен уметь держать удар!

И тут я увидел, как на меня летит кулак. Удары посыпались на меня градом. Один за другим, четкие, выверенные.

Нокаут.

Все знают, что выпив, северяне становятся буйными. Они и убить могут, а потом никто и трупа не найдет. Кто вот сейчас знает, куда именно и с кем я уехал на охоту? В деревне нас никто вместе не видел, разве что сонный работник на заправке. Павлик перекинулся с ним парой фраз, да и только. Разглядел ли он меня, сидящего в машине?

Страх склизкой массой провалился в желудок и скрутил не по-детски, к горлу подступила тошнота. Я провел рукой по волосам, они слиплись местами от крови, но боли от ударов я не чувствовал. Голова гудела, а в горле саднило так, будто я всю ночь раздирал его ногтями. Осторожно провел языком по нёбу, ощупал воспаленные участки, сглотнул. Не следовало мне вчера пить.

Я лежал позади нашей кухоньки, прямо на земле, где Павлик меня вчера уронил и оставил, когда ветер донес до меня его крики. А следом за ними — медвежий рев.

Странным образом страх куда-то исчез. Страх, который я много раз испытывал во сне, убегая на ватных ногах от фашистов и зомби, страх, от которого было не уйти, не спрятаться, не скрыться, перед лицом реальной смерти вдруг пропал, исчез, испарился.

Возможно, это произошло из-за моего слабого состояния. Спеша к Павлику на помощь, я использовал все резервные силы, и на страх у меня их просто не осталось. Одна мысль, как бешеная, скакала у меня в голове. Что, если медведь уже задрал Павлика? Что, если он кинется на меня? Какая-то часть меня, говоря честно, желала Павлику смерти. Она трусливо предлагала бросить его и бежать. Но другая внимательно прислушивалась к окружающей тишине. Почему они вдруг замолчали? Почему Павлик перестал кричать? Отгоняя их от себя, я добежал до места.

Там мы и встретились с ним.

9

Продравшись сквозь последний куст, отделявший меня от алааса, я увидел огромного бурого медведя и инстинктивно попятился назад. Даже издалека от него исходила хладнокровная мощь зверя-убийцы. Лосиная шкура, которую мы вывесили сушиться, валялась теперь на земле, и медведь ходил взад-вперед между ней и лежащим Павликом, беспокойно принюхиваясь то к нему, то к ней.

Перезарядив карабин, я прицелился и онемевшими пальцами нажал на курок.

Осечка.

В тот самый миг мы встретились с ним взглядом. Объяснить это трудно, но я вдруг понял, что он меня увидел, а увидев, как будто постиг самую мою суть, все мои слабости и мелкие горести. Ослабившись, он поднялся на задние лапы и заревел. Рев этот не был ни на что похож, даже сейчас, спустя много лет, я не могу ни с чем его сравнить. И спутать тоже.

Что случилось потом, я помню плохо. Он бросился на меня, и его огромная туша неслась на меня как поезд, а я, не знаю как, нажал на спусковой крючок еще раз.

ТАТЬЯНА ФИЛИППОВА. ОХОТА.

Он замертво упал от меня в каком-то метре. Когда я это понял, я опустил ружье и на мгновение поймал то выкристаллизованное, дистиллированное ощущение, когда не чувствуешь ничего.

Абсолютная пустота. Ноль чувств.

10

Я тащил Павлика на себе и, как заведенный, повторял про себя: «Терпи, брат, терпи». «Узик» сдох километров десять назад. Бросив его, я посадил Павлика на спину и пошел в сторону деревни. Медведь сильно его покалечил, но он был жив.

От усталости я туго соображал. Мысли двигались медленно, подтормаживая, как в переполненном харде. А когда передо мной выросло деревенское кладбище, я сначала даже не понял, куда пришел.

Здесь, на холме, были похоронены мои родители, и это было то самое место, куда мне следовало прийти сразу. Эта мысль с такой силой пронзила мое сознание, что я остановился. Все, все это было лишь испытание. Проверка. Нет и не было никогда у меня отторжения деревни, нет и не было между мной и отцом никакой вражды.

Прислонив Павлика к большой березе, растущей у подножия холма, я поднялся.

С меня градом катились пот и слезы, я тер ладонями лицо, размазывая по нему грязь, и никак не мог остановиться. Глухие рыдания клекотом вырывались из моей груди. Мать и отец лежали рядом, я смотрел на башенки с их могилами и, вцепившись руками в ограду, просил у них прощения. А потом я понял, не знаю как, что прощен.

Из-за туч вышло солнце, окончательно рассеяв ужас прошедшей ночи, и, попрощавшись с родными, я спустился вниз, к Павлику. Он, почувствовав мое приближение, приоткрыл глаза и слабо улыбнулся:

— Правильно, куда меня еще? Конечно, здесь мне и место.

Я засмеялся. Мне вдруг стало легче, гораздо легче, и я, все еще смеясь, помог ему подняться, и мы пошли с ним, осторожно, отдыхая, в сторону дома.